

R.S.L. KEMEROVO

62000

ЭК

ОТДЕЛЬНОЙ ГВАРДЕЙСКОЙ РЕЧИЦКО-КРАСНОЗНАМЕННОЙ ВОТДНА ХМЕЛЬНИЦКОГО МИНОМЕТНОЙ БРИГАДЫ РГК

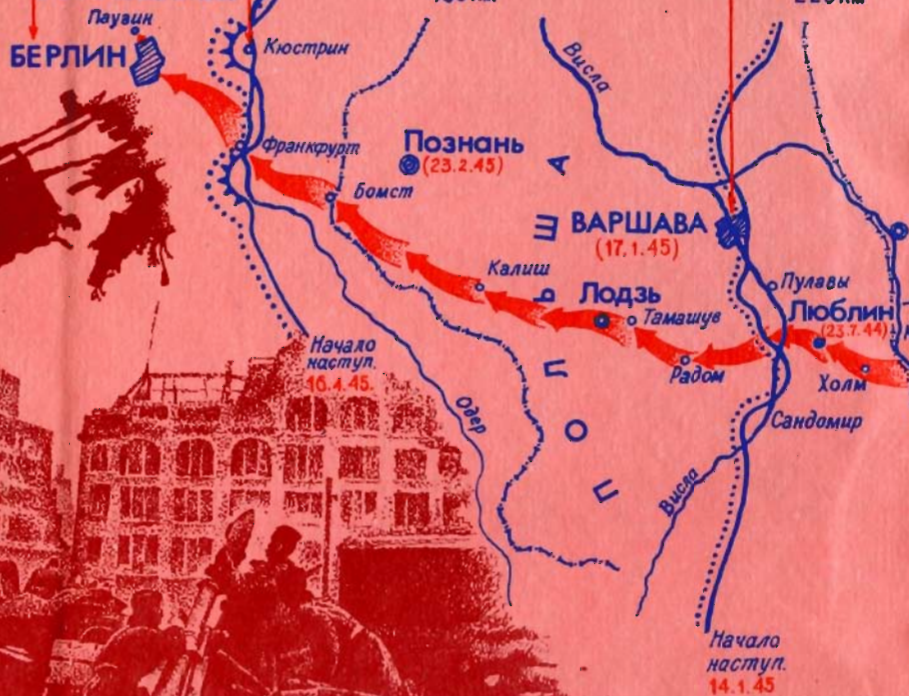

В СОСТАВЕ 114, 115 (495), 131, 210 МИНПОЛКОВ

На штурм Берлина с 16.4.45 по 2.5.45. 120 км

Прорыв на Одер с 14.1.45 по 16.4.45 400 км

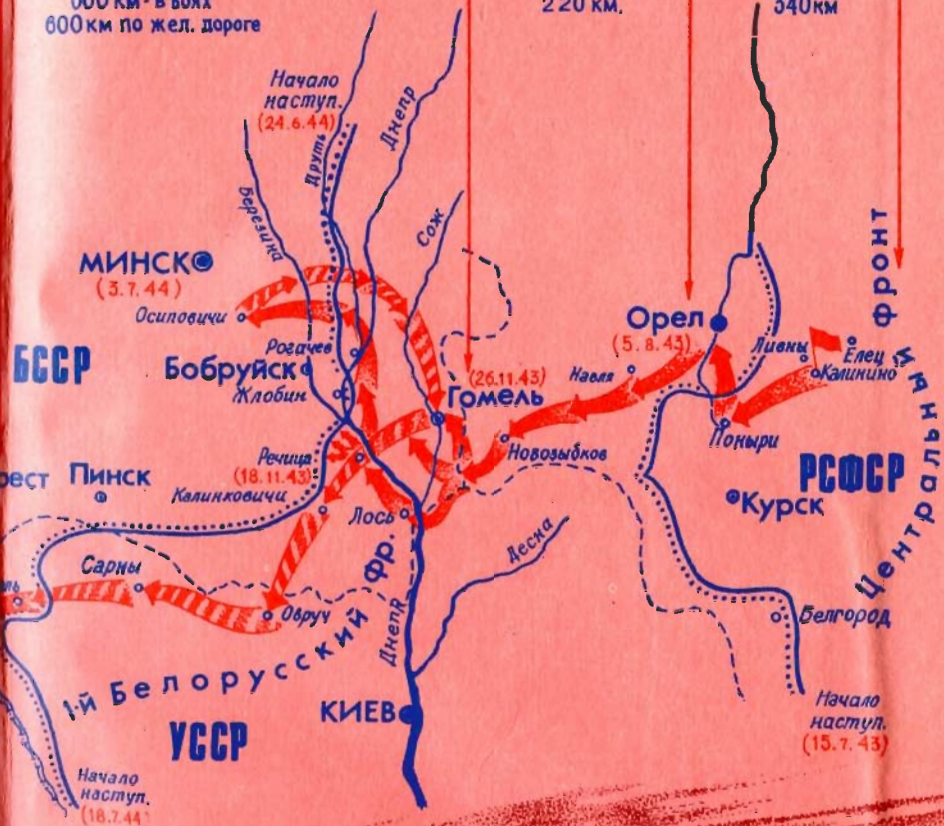
Бросок за Вислу с 18.7.44 по 2.8.44 220 км

За освобождение Белоруссии с 1.10.43 по 18.7.44 600 км - в боях 600 км по жел. дороге

Поход на Брянщину с 5.8.43 по 1.10.43 220 км.

„Огненная дуга“ (Курская битва) с 5.7.43 по 5.8.43 340 км

Наш земляк-кузнечанин, Герой Советского Союза
Ушаков Николай Григорьевич

63.3/24-17
Р 83

ВИЛЬ РУДИН

СОЛДАТ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

ББК 63.3(2) 722.78
Р 83

Книга о судьбе нашего земляка
Героя Советского Союза
Николая Григорьевича Ушакова

Р 0503020500—04 91
М 145 (03)—91
ISBN 5—7550—0208—8

© Виль Рудин, 1991

КУЗНЕЦКИЙ ФОРШТАДТ

За землю и за волю
Вперед, друзья, вперед!
И красных рать свободу
Народу принесет!

*Красноармейская песня
времен гражданской войны.*

I

Григорий Ушаков, житель сибирского города Кузнецка, семью имел огромную: трех сыновей и семерых дочерей.

В молодые годы Григорий Ушаков промышлял в шорской тайге старательством, после от тяжелого и опасного промысла отошел, занялся извозом. При всей огромности семьи в доме был достаток, иные из Форштадтской гольтштыбы на высокую пятистенную избу Ушаковых на Картаеской улице поглядывали с завистью не трогала, потому что каждый должен идти своей дорогой и нести тот крест, какой назначен ему Всевышним.

В 1915 году Григорий Ушаков был мобилизован на службу в армию как ополченец второго разряда, а через два года вернулся в Кузнецк совсем хворый и год болел.

В Кузнецке весной и летом 1918 года бушевали революционные страсти: городская управа и уездное земство держали власть в своих руках до апреля — купечеству, зажиточным горожанам и чиновному люду уездных ведомств Советская власть была не нужна, их симпатии были на стороне партии «Народной свободы».

5

Совдеп во главе с Петраковым схватился в борьбе за власть с городской управой.

7 апреля 18-го года исполком совдепа Кузнецкого уезда постановил: «Постоянное количество красногвардейцев в городе Кузнецке должно быть не менее 60 человек»*.

11 апреля исполком совдепа поручил чрезвычайной следственной комиссии доискаться, куда подевалось оружие (пулемет и три ящика револьверов системы «наган»), которое перед самой революцией доставлено было из Томска в Кузнецкую уездную полицию, а потом исчезло**.

Три дня спустя из губернского Томска привезли в Кузнецк 250 винтовок и десять тысяч патронов к ним — совдеп тут же перевооружил Красную гвардию. В этот день член совдепа Камбалин заявил на заседании, что в два часа дня на площади у собора намечен митинг демобилизованных фронтовиков-офицеров, будут выбирать свой комитет и что все это сплошная контрреволюция, направленная на свержение власти совдепа.

Исполком совдепа мимо такого сигнала пройти не мог, постановление выносит самое суровое: «1. Ни в коем случае не допускать организации солдат, так как таковых не существует. 2. Выяснить личности прапорщиков, как в Кузнецке, так и по линии Новостройки; лиц, находящихся без определенных занятий, отправить на работу в шахты. 3. Все оружие и патроны перенести в Совет. 4. Выдать винтовки членам исполнительного комитета. 5. Немедленно делегировать на митинг четырех членов исполкома с наказом разрушить зачатки организации солдат-фронтовиков. 6. Принять самые решительные меры по отношению контрреволюционеров, содержащихся в Кузнецкой тюрьме, вплоть до размещения таковых по отдельным камерам и отправки на работу в рудники»***.

* Фонд Новокузнецкого краеведческого музея, протокол № 7.

** Там же, протокол № 9.

*** Там же, протокол № 11 от 14 апреля 1918 г.

23 апреля вопреки запрету совдепа на площади у Спасо-Преображенского собора собрались на митинг демобилизованные из действующей армии унтер-офицеры и господа прапорщики, числом до полусотни. Члены исполкома тоже пришли, чтобы объяснить, почему не нужен никакой солдатский совет, если он против совдепа, но их слушать не стали, встретили свистом, потом понеслись брань и угрозы — мы-де ваш исполком не признаем, мы вас разгоним, мы вас на штыки взденем, большевистских узурпаторов...

Члены исполкома поспешили в Совет, по их докладу совдеп решил: «Оцепить вооруженной охраной митинг, арестовать его зачинщиков и инициаторов организации солдат; объявить город на военном положении с 12 часов ночи 23 на 24 апреля сего года, о чем довести до сведения Совету Народных комиссаров в Москву и губернского исполнительного комитета»*.

Потом Кузнецкий совдеп столкнулся с уездным казначейством: казначейство признавало Земскую управу, совдеп признавать не желало, в деньгах на нужды совдепа отказало; посланных к казначейству красногвардейцев чиновники и прапорщики встретили огнем, красногвардейцы, потеряв несколько человек, отступили к Народному дому, где заседал Совет...

Отзвуки всех этих бурных событий скатывались вниз, в Форштадт, и хворый Григорий Ушаков, понимая, что пришло время смуты, думал лишь об одном: как бы убедить старших сыновей, Евгения и Николая, от шагов беспешных, необдуманных.

В конце 1916 года Николай — ему шел тогда пятнадцатый год — окончил Высшее начальное училище, по нынешним понятиям семилетку. Почерк у парня оказался твердый, четкий, округлый, и его, мальчишку-несмышленища, взяли в уездное управление Кузнецкого воинского начальника составлять и перебеливать списки на выдачу пособий

* Там же, протокол № 16 от 23 апреля 1918 г.

солдаткам. Получал он сдельно, платили не ахти как много, по пятаку за лист.

Февральская революция для Николая Ушакова обернулась тем, что он из управления воинского начальника ушел: отец услал его в тайгу, в Улус-Тарбаган, на заготовку дров. Там и застало его известие, что отец скончался 16 июня.

Хоронили отца Николай и мать, — младший брат и сестры в страшных этих хлопотах были не помощники.

После смерти отца дом Ушаковых как-то съжился, стал вроде меньше, ниже. И мать, и дети никак не могли справиться с горем, и еще в дом постучалась нужда: деньги ртов, кормиться было нечем, Николай подался на заработки — в самом Кузнецке работы было негде. Он ушел в сад-город, на кирпичный завод.

Николай, парень ладный и сильный, мастеру глянулся, его взяли, и он до декабря 1919 года проработал на этом заводе.

II

Когда в мае 1918 года на транссибирской магистрали вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса и на войну с белочехами и местной контрреволюцией председатель Кузнецкого совдепа Андрей Гаврилович Петраков повел отряд красногвардейцев, Николая Ушакова в городе не было.

После неудачных для Советов боев на станции Арлюк красногвардейцы на пароходе поднялись по Томи в Кузнецк. Несколько дней бурных митингов на площади перед собором завершились тем, что председатель совдепа предложил тем красногвардейцам из Кузнецка, Кольчугина и Кемеровского рудника, кто не желает воевать с контрой, разойтись мирно по домам, а кто намерен драться — уйти с ним в тайгу.

16 июня Петраков и оставшиеся с ним красногвардейцы, а также члены совдепа Метелкин, Зубов, Митяшин и

другие на пароходе «Дедушка» поплыли по Томи вниз, не зная, не ведая, что наперерез им, снизу, от Томска уже плывет со своим отрядом штабс-капитан Суров.

17 июня Петраков и его красногвардейцы угодили в засаду у Черного Этапа и здесь были разбиты, расстреляны из пулеметов и поколоты штыками. Петракова, Метелкина, Юкова после побоев связали и повезли обратно в Кузнецк, в уездную тюрьму.

21 июня созданная белыми следственная комиссия постановила: «Ввиду опасности оставления в местной тюрьме А. Г. Петракова... перевести для заключения в Томскую тюрьму на первом прибывшем сюда пароходе», пока же газета «Открытый лист» потребовала тщательного надзора за Петраковым, как за важным арестантом, бывшим председателем Кузнецкого совдепа. Лишь в самом начале июля Петракова и других членов совдепа из Кузнецка увезли. Конвоировать их поручено было тому же штабс-капитану Сурову. И Суров, пока плыли до Томска, дважды пытался застрелить Петракова, но пассажиры самочинной расправы не допустили... 7 июля Суров сдал Петракова и остальных совдеповцев в губернскую тюрьму.

Следственная комиссия решение вынесла такое: «Петраков и остальные члены совдепа Кузнецкого уезда подлежат дальнейшему содержанию под стражей до созыва Учредительного собрания». Решение это состоялось 30 октября 1918 года, когда Николай Ушаков до пота меж лопатками вертелся на кирпичном заводе в сад-городе и в общем-то мало задумывался над тем, почему армии Сибирской директории после разгрома совдепов в Сибири и на Урале не смогли сломить сопротивление большевиков и после летнего топтания на Волге вдруг стали отступать, пятиться. Еще год спустя, в декабре 1919 года, когда гражданская война в Сибири близилась к завершению, Кузнецк снова прошел через великие потрясения, и Николай Ушаков был им свидетелем...

Поскольку в Кузнецком уезде с июня 1919 года актив-

но действовали партизанские отряды, колчаковские власти держали в самом Кузнецке значительные силы: батальон в три роты и при нем пулеметная команда*.

В ноябре колчаковские власти решили «разгрузить» от арестованных кузнецкую тюрьму, содержались в ней значительные в большевики крестьяне из окрестных сел, которым колчаковские порки, поборы и мобилизации давно стали поперек души. На 2 декабря был собран офицерский суд для вынесения смертных приговоров, но в 2 часа ночи восстала местная воинская команда. Были застрелены офицеры батальона, полуротный поручик Ковалевский и сам командир батальона Скуратов; контрразведчики после получасового боя сдались, начальник отделения застрелился; судьи разбежались, а арестованные вместе с охраной примкнули к восстанию...

4 декабря в Кузнецке был образован ревком во главе с вызволенным из кузнецкой тюрьмы шахтером Афанасием Ивановым. Несмотря на успех восстания, положение новой власти было неопределенным: батальон, разделенный на три отряда, направлен был по волостям; оставшаяся в городе воинская команда, узнав, что Новониколаевск, Барнаул и Бийск все еще в руках белых, вконец растерялась, иные солдаты попросту дезертировали.

Афанасий Иванов и члены ревкома Григорий Мокрецов, Роман Тагаев и иные решили, что на помощь себе надо позвать из тайги объединенный партизанский отряд Новоселова и Рогова, прежде воевавший против власти Колчака. О Новоселове было известно, что он убежденный анархист, но Рогов как выслужившийся из рядовых до первого офицерского чина зауряд-прапорщика внушал доверие.

12 декабря, когда красные еще только подходили к Новониколаевску, в Кузнецк вошел двухтысячный отряд

* Плотников М. За десять лет (Кузнецкий округ к 10-й годовщине Октября). Щегловск, 1929. С. 25.

Новоселова и Рогова — вошел как в город враждебный, покоренный. О том, что произошло в те дни в Кузнецке, ныне пишут по-разному, но горожане увидели вот что:

«Сейчас же город был оцеплен со всех сторон... Гарнизон... был разоружен; таким образом, город всецело подпал под произвол... Смертные приговоры выносились за службу у Колчака, безразлично, был ли обвиняемый генералом или писцом, за неосторожное слово, по наговору... Местное духовенство было перебито, а оставшиеся в городе офицеры, не бежавшие при перевороте, были зарублены, в том числе генерал Путилов и полковник Зволдинский... которых, несмотря на переворот, солдаты пощадили за хорошее отношение к низшим чинам. Попутно были зарублены милиционеры, торговцы, зажиточные крестьяне.

Вместе с «чисткой» Рогов произвел основательную «реквизицию»: обирались без исключения все жители*.

12 декабря же, когда город содрогнулся от бесчинств, погромов и расстрелов, Рогов явился в Народный Дом, где его ждал в полном составе потрясенный и беспомощный ревком. «Я, — сказал, — хоть и пришел, но я не ваш. Рубил беспощадно врагов трудящихся и впредь рубить буду! По мне что Колчак, что Ленин, что Троцкий — одинаковые, борьба с ними будет беспощадной. Ибо всякая власть есть ярмо на шее трудящихся, пользы им от этой власти нет и не будет. Засядут повсюду комиссары, через сто лет будет то же, что было два года назад! Мое знамя — черное знамя анархии!»**

Завершился разгром Кузнецка поджогом Спасо-Преображенского собора и тюрьмы. К вечеру 16 декабря Рогов и Новоселов свой отряд разделили, часть людей с обозом двинулась в Барнаульский уезд, остальные — налег-

* Плотников М. Назв. соч. С. 28.

** Там же.

«тыл Колчака охвачен восстанием, в районе Томска сильные и непрерывные бои». С другой стороны, когда в район Томска—Кузбасса вышли дивизии 5-й Армии, реввоенсовет посчитал, что партизанская форма борьбы с колчаковцами себя изжила. Последовал приказ по армии: «Ввиду потерь дивизий людьми за время похода и необходимости пополнения их, дальнейшего усиления Пятой армии — взять это пополнение из партизанских отрядов, предупредив вместе с тем командиров дивизий, чтобы они были осторожны при вливании партизан в строй».

Отряду Рогова—Новоселова было предложено либо влиться в состав регулярной Красной армии, либо немедленно разоружиться и разойтись по домам, в оперативном приказе от 26 декабря 1919 года командира 35-й дивизии Неймана для отряда Рогова—Новоселова указано было и место сосредоточения: к 27 числу собраться в районе Комиссарово—Плешково—Куру-Искитимская*.

Рогов и Новоселов вступать на службу в Красную армию не пожелали, сдать оружие и распустить отряд отказались — оба были арестованы, отряд был разоружен 28 декабря**.

Рогова и Новоселова привезли в Кузнецкую тюрьму 5 января 1920 года, содержали их здесь дней десять, затем под конвоем отправили в Новониколаевск.

Новоселов недалеко от Каурака, уже под самым Новониколаевском, уговорил двух конвоиров из бывших своих партизан, и они втроем бежали в Барнаульский уезд.

Рогова в Новониколаевске из-под стражи освободили до судебного разбирательства, только он суда ждать не стал, исчез.

* Борьба за власть Советов в Томской губернии. С. 514.

** Абраменко И. Коммунистические формирования—ЧОН Западной Сибири. Томск, 1973. С. 214.

5-я Красная армия принесла сибирскому мужику свободу от колчаковских поборок, от зверств карательных отрядов и вместе с тем утвердила режим военного коммунизма — режим этот обернулся для мужика продрозверткой, гужевой повинностью и полным запретом свободной торговли.

Сибирский крестьянин, не знавший прежде крепостной зависимости, такого рода порядки встретил с открытой враждебностью, и уже с марта 1920 года по Кузнецку поползли упорные слухи, что в соседнем Алтае организуется крупный партизанский отряд против Советской власти и что возглавляет его бывший зауряд-прапорщик Рогов.

312-го полка в Кузнецке к тому времени не было, полк вместе со всей 35-й дивизией еще в январе ушел под Красноярск. В распоряжении Кузнецкого уездного военкома Романа Тагаева осталась только местная добровольческая команда, в которой служил Николай Ушаков.

Команда, как тогда говорили, «окарауливала» город, жили в казарме, на горе, домой прибегал раз в пять дней. Однажды, придя домой, Николай увидел на столе письмо от старшего брата: Евгений объявился! Служил в 27-й дивизии в Томске! У Николая душа встала на место: они с братом выбрали одну дорогу.

Слухи о Рогове и о его отряде не могли, естественно, не встревожить уездного военкома Романа Тагаева, и он решил провести глубокую разведку: подобрал надежного человека, товарища Хмелевского, из роговских же партизан, и послал на Алтай.

Хмелевский добрался до села Жуланиха, где обосновались Рогов и Новоселов. Встретили его с недоверием, но «на службу» взяли. Через неделю Хмелевский из отряда ушел и явился в Барнаул.

Он подтвердил, что созданный Роговым и Новоселовым штаб под названием «Алтайская федерация анархистов»

готовит выступление против советской власти, что собралось здесь до двух тысяч человек, но оружия на всех не хватает.

4 мая по прямому проводу из Тогула передали в Кузнецк: «Рогов и его банда свирепствуют, все советские учреждения разгромлены, все наличные деньги разграблены».

В эти же дни в Кузнецк прибыл батальон 21-й Пермской стрелковой дивизии из трех рот, к ним присоединили кузнецкую команду. Общее начальство Кузнецкий ревком поручил уездному военкому Роману Тагаеву, и Тагаев распорядился перекрыть все дороги из Алтая к Кузнецку: по тракту на Барнаул, в село Салаир, выслана была первая рота батальона, по тракту в сторону Тогула выставлена Кузнецкая команда, две роты остались в самом Кузнецке: ревком второй раз рисковать не хотел, декабрьские события были еще слишком свежи в памяти...

10 мая против отрядов Рогова—Новоселова выступили части 26-й дивизии. Боевые действия начались разом по трем уездам—Кузнецкому, Бийскому и Барнаульскому. Там, в Степном Алтае, красноармейцы и коммунистические отряды ЧОН отгеснили повстанцев на линию деревень Новопушино—Хмелево—Аистово, а в Кузнецком уезде отряд повстанцев численностью до 800 человек занял село Брюханово (Красное)—угроза прорыва его к станции Кольчугино, к линии железной дороги стала реальной. Из Новониколаевска кузнецкому военкому Тагаеву отдан был приказ: одну из рот перебросить на поддержку кольчугинских коммунистов и рабочих...

В двух стычках с повстанцами участвовал и Николай Ушаков, открывший в себе одну особенность: при приближении опасности ни холодка в груди, ни волнения в крови он не ощущал, и сердце билось ровно. Странное дело: чем ближе была опасность, тем спокойнее он становился, видел острее, зорче. И когда Медведев, командир кузнецких

добровольцев, надрывая голос, заорал, растягивая гласные: «па-а банде-е!.. с постоянного... пальба залпом... пли!»—Николай приклад прижал плечом к щеке, на спусковой крючок нажал плавно и первого выстрела по скачущим орущим всадникам не сорвал, и потом с винтовкой наперевес пошел в цепи уверенный, что смерть его коснуться не может.

Кузнецкой команде, переформированной позже в батальон ЧОН, в мае 1920 года довелось дважды пресечь попытки роговских повстанцев прорваться в Кузбасс по Тогульскому тракту: дружной пальбой их сперва остановили, потом штыковой атакой отбросили.

27 мая кольчугинские шахтеры и присланная из Кузнецка рота выбили повстанцев из деревни Брюханово, были захвачены пленные и даже анархистское черное знамя, отправленное в Новониколаевск.

Затем повстанцы спешно отошли на юго-запад, в Алтайские степи*.

В июне главные бои с повстанцами Рогова и Новоселова развернулись в Степном Алтае, жестокое сражение у села Сорокино закончилось поражением крестьянской армии. Газета «Алтайский коммунист» в № 135 от 8 июля 1920 года сообщала, что 3 июля председатель комячейки Титовской волости Барнаульского уезда товарищ Полетаев получил сообщение, будто Рогов и один из его сообщников укрылись в деревне Евдокимовке. Полетаев собрал двенадцать членов своей ячейки, обложил деревню и попытался захватить Рогова. Завязалась перестрелка, при попытке прорваться Рогов был ранен и, не желая сдаваться, застрелился. Его спутник сдался**.

В наше время много предпринимается попыток объяс-

* Плотников М. Назв. соч. С. 33.

** Абраменко И. Назв. соч. С. 215.

нить жестокое разграбление Кузнецка отрядом Рогова и Новоселова в декабре 1919 года «неизбежными эксцессами гражданской войны», а крестьянские восстания на Алтае весной и летом 1920 года — борьбой против разверстки и за вольную торговлю.

Но в те времена всем все было ясно: Рогова и Новоселова Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком заклеил как бандитов; для борьбы с их войском и иными многочисленными отрядами повстанцев создана была Чрезвычайная Сибирская тройка, в которую вошли председатель Сибревкома Иван Никитич Смирнов, а также Василий Иванович Шорин, в прошлом полковник царской службы, а в 1920 году помощник главкома вооруженными силами Республики по Сибири, и Иван Петрович Павлуновский, председатель Сибчека.

Сталинская смертная коса в годы массовых репрессий никого из этих троих не пощадила: И. И. Смирнов расстрелян в 1936 году по процессу Каменева, Зиновьева и других. В. И. Шорин расстрелян как участник «военно-троцкистского заговора». И. П. Павлуновский расстрелян по ложному обвинению во вредительство в Наркомате вооружений. Но в мае 1920 года эти трое, отвечающие за политическую и военную стабильность в Сибири, отчетливо понимали, что волна крестьянских восстаний в сибирских губерниях в условиях, когда поляки захватили Киев и Минск, когда Дальний Восток еще в руках японцев — такая волна, если ее быстро и решительно не погасить, может перерасти в смертельную угрозу самому существованию Советской республики...

По Алтаю прошла мобилизация коммунистов в отряды ЧОН; против повстанцев двинуты были крупные воинские части, кроме 26-й стрелковой дивизии 23-я кавалерийская, а также бригада курсантов Высшей военной школы войск Сибири, части бригад ВОХР...

Что до Николая Ушакова, то он нес караульную служ-

бу в составе кузнецкой команды, а в сентябре 1921 года он по личному рапорту откомандирован был в Томск, в 6-ю артиллерийскую школу*.

Артиллерия—бог войны

Эх, пушки, пушки заряжены,
Гудит наш красный строй,
И факелы зажжены,
Зовут на смертный бой!

*Красноармейская песня
времен гражданской войны.*

I

Теперь я должен буду вернуться к тому героическому и переломному 1919 году, когда 5-я Красная армия стремительно хлынула в Западную Сибирь, в пределы Ново-николаевской и Томской губерний.

Генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев, решивший силами своей 1-й Сибирской армии защищать район от красных войск, в самом Томске, где располагался его штаб, имел силы, казалось бы, достаточно крупные. В его распоряжении были три пехотных и два артиллерийских полка, Екатеринбургское юнкерское училище, гренадерский батальон (кстати, называвший себя пепеляевским), сербский отряд и множество мелких частей, пехотных и артиллерийских. Противостоять всем дивизиям 5-й армии он, конечно, не мог, но дать бой полкам 27-й дивизии, которая выходила к Томску с северо-запада, он, безусловно, мог бы. Однако еще до подхода красных войск в Томске произошел редкий для тех ожесточенных лет бескровный переворот: в ночь с 16 на 17 декабря в Томске образовался ревком в

* ЦАМО СССР, личное дело генерал-майора Ушакова Н. Г., № 0734988, послужной список.

составе пяти коммунистов, по одному представителю от левых эсеров, анархистов, меньшевиков. Получившие от Пепеляева приказ на уход из Томска, белые части через своих командиров или уполномоченных солдат стали обращаться в ревком с предложением остаться на месте и подчиниться комитету на условиях гарантии личной безопасности. Гарантии были даны, и на сторону Советской власти перешли гренадерский батальон, сербский отряд, 5-й Томский полк, 7-й Кузнецкий полк, Екатеринбургское юнкерское училище, 1-й и 2-й артиллерийские полки, 4-й тяжелый артдивизион, за ними и все остальные части. Вместе с бежавшим Пепеляевым город покинули только егери, у которых перед тем произошла стычка с гренадерами. Ревком назначил комендантом Томска полковника Вершинина, и тот до подхода красных никаких эксцессов в городе не допустил.

Примечательно, что у товарища Янсона, председателя ревкома, все же были сомнения, надо ли было давать гарантию неприкосновенности белым офицерам, и в разговоре по прямому проводу 19 декабря 1919 года с товарищем Кашириным, представителем регулярных советских войск, он об этом спросил: «Сообщите, как принято поступать с частями, переходящими добровольно, ибо офицеры боятся, что данные нами гарантии не будут исполнены».

Приведу здесь ответ Каширина: «С частями, переходящими добровольно, поступают, безусловно, гуманно — единственный способ гарантии победы. Данные ваши хороши, исполняйте их. С Москвой буду говорить через четыре дня, сообщу обо всем в учреждения Советской России»*.

Гарантии оставшимся белым офицерам и их семьям с приходом в Томск 20 декабря Уральского полка 27-й дивизии были полностью соблюдены, и красное командова-

* Из записи разговора по прямому проводу, см.: Борьба за власть Советов в Томской губернии. С. 504—505.

ние получило отлично подготовленные кадры для комплектования военных училищ преподавателями.

Курсант Николай Ушаков, попав в 6-ю Томскую артиллерийскую школу, прошел за два года полный курс артиллерийского офицера (правда, тогда слово «офицер» было не в чести, его заменяли словом «краском», т. е. красный командир).

Николай Ушаков словно играючи, без натуги и зубрежки, усваивал все премудрости: привязка к местности огневых позиций, НП и КП; стрельба прямой наводкой и с закрытых позиций, по ориентиру, который у артиллеристов называется «репер». Преподаватель, бывший подполковник, посчитав в конце концов, что тема курсантами усвоена, спросил чуть сиплым, простуженным еще в Мазурских болотах голосом — а что, можно ли использовать для ночной стрельбы в качестве «репера» срез лунного диска?

Взвод молчал, курсанты растерялись, и Николай Ушаков лишь ночью сообразил: нельзя! Луна только кажется неподвижной, она же смещается...

В артшколе в двухгодичную программу включили все: баллистику, материальную часть (в школе были не учебные, а боевые трехдюймовые скорострельные пушки образца 1902 года), теорию боеприпасов, теорию стрельбы и искусство управления огнем батарей, дивизионов, артиллерийских групп; преподаватели отсылали курсантов к трудам Пашкевича «Устройство артиллерийского и ручного оружия», «О стрельбе из артиллерийских орудий», к годовым комплектам «Артиллерийского журнала»; практиковались и дискуссии, скажем, по тактике: прав или неправ главком Республики С. С. Каменев, утверждая, будто в организации артиллерийского огня имеются определенные пределы, перейти которые невозможно?*

* Имеется в виду работа С. С. Каменева «Очередные военные задачи», опубликованная в Москве в 1922 г. Высшим военным редакционным советом.

Николай Ушаков ладно смотрелся в синих шароварах и гимнастерке, перепоясанной широким ремнем. На боевых осенних стрельбах оказалось, что Николай Ушаков у орудия может стать и за наводчика, и за заряжающего, и на подачу снарядов: у него были острый взгляд, сильные, неутомимые руки, и гимнастерка на плечах потом не покрывалась...

Того, что усвоил Николай Ушаков в эти два года, хватило ему на всю жизнь и на все четыре года страшной войны, о чем речь у нас еще впереди. Но военное будущее казалось Николаю ясным и несомненным, и сам он ощущал в себе склонность и огромное желание отдать себя именно военной службе...

В 1923 году, в январе, 6-я Томская артшкола в связи с переводом всей Красной Армии на штаты мирного времени была расформирована, Николай Ушаков попал под увольнение. Ему, как члену РКСМ, велено было явиться в Томский губком комсомола, и он пошел туда, не спрашивая, почему именно я? почему туда? Считалось неприличным спрашивать — и какие там условия?

Из губкома РКСМ комсомолец Николай Ушаков вышел с предписанием: работать в губернском сельхозсоюзе инструктором по организации коммун, артелей и сельхозтовариществ.

II

Новая экономическая политика, принятая партией российских коммунистов по предложению В. И. Ленина в 1921 году, на X съезде, означала, что хотя Советская власть и укрепилась в России и Сибири и что французские, английские, польские и иные интервенты почти отовсюду изгнаны, а белогвардейщина разгромлена, однако же до социализма в российских пределах все так же далеко, как и в канун Октябрьского переворота; что принудительное изъятие у крестьян продукта их труда и карточ-

ное его распределение себя изжило. НЭП отменил продразверстку, ввел продналог, и то, что оставалось у крестьянина после уплаты налога, разрешено было продавать на вольном рынке по свободной цене.

Однако в 1923 году, когда Николай Ушаков окупился с головой в работу Томского губсельхозсоюза, до мира в сибирской деревне было очень и очень далеко. Правда, не было крупных вооруженных выступлений ни в одном уезде, но летом, в августе, в Мариинской тайге объявилась банда Пермикина — секретарь укома РКП(б) сообщил в Томск (соблюдаю полностью слог и стиль партийного секретаря): «Во время налета на Т-Вершинский ВИК 8 августа убит секретарь волкома Т. Неупокоев, который 11.08. похоронен в г. Мариинске с сопровождавшей процессией около 1800 чел. Жена предвика убита в том же числе, две крестьянки, последние все трое беспартийные. Сожжены все дела волисполкома, взяты деньги до 10 тыс. рублей, ограблена многолапка, из которой увезены все товары. Банда от преследования нач. милиции Толстихина скрыла свои следы в неизвестном направлении...»*

Как считал секретарь Мариинского укома, бандитские «шайки» в уезде оперируют не с политическими убеждениями, а с целью грабежа, «крестьянство относится к бандитизму враждебно, но духовенство и кулачье содействуют им в укрывательстве, даже иногда и участвуют сами».

Николай Ушаков, с февраля по апрель разъезжавший по селам, только диву давался, какие странные формы принимало иной раз это противоборство в деревне, притом каждая из сторон единственно себя считала правой: те, кто позажиточнее, кто давно захватил земли наиболее удобные, богатые, теперь противились новому землеустройству, тогда как беднота, особенно же приписные, переселенцы из России, живущие из милости сельских обществ,

* Партархив Новосибирского ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 369, л. 16, оборот.

требуют и своей доли, им подавай новое землеустройство, перераспределение наделов; однако беднота по селам не организована и, как отмечала сводка Записбкрайкома РКП(б), «кулачество добивается того, что землеустройство проводится в ущерб интересам бедняцких и полубедняцких слоев населения»*. В хлебозаготовках шла чехарда: Щегловское отделение Сибирской краевой конторы акционерного общества «Хлебопродукт» докладывало в окружном РКП(б) и копией в Щегловский отдел ГПУ, что кооператив «Ленрайсоюз» срывает хлебозаготовки для государства: сверх согласованных заготовительных цен 78 копеек за пуд пшеницы платит еще шесть, а то и восемь копеек и перехватывает сдатчиков, к тому же ведет агитацию против сдачи хлеба «Хлебопродукту»**. Иные из партийцев все никак не могли смириться с тем, что мужик, торгующий на рынке хлебом, мясом, птицей, защищен законом от произвола и потому вытворяли бог знает что.

Скажем, 25 марта 1923 г. Приснов, начальник 87-го участка на Кольчугинской ветке, «проявил инициативу» в расчистке путей от снежного заноса: пошел к начальнику оперпункта ОГПУ на станции Топки т. Лысенко и предложил «мобилизовать» мужиков, съехавшихся из окрестных сел на базар, а также всех торговцев. Мол, поработают два часика, и отпустим, а то движение на дороге из-за бурана вовсе остановится. Чекист с предложением Приснова согласился, но посчитал, что его личной власти для насильственной мобилизации крестьян и торговцев не хватит, и вместе с Присновым пошел в волостной исполком. Предисполкома Еланов, выслушав обоих, нашел предложение дельным. Дальше машина власти закрутилась полным ходом: собрались секретарь волкома РКП(б) Конкин, начальник милиции Гулякин, решено было поднять по тревоге партийцев и комсомольцев для оцепления базара,

* Партархив Кемеровского ОК КПСС, ф. 8, оп. 1, д. 28, л. 26.

** Там же, ф. 8, оп. 1, д. 59, л. 24, оборот.

а чтобы торговцы не разбежались, отобрать у них патенты на право торговли и вернуть через два часа, после работы на путях.

Коммунистов и комсомольцев по тревоге собрали, даже боевые патроны раздали, и когда начали оцеплять базар, народ бросился кто куда... Кто-то из комсомольцев не выдержал, пальнул в воздух...*

В апреле по этому делу прошло следствие, всех виновных в самодурстве наказали, но шума эта история надела много.

Николай Ушаков в те же апрельские дни 23-го года комячейкой губернского сельхозсоюза был принят в кандидаты РКП(б), а летом его перебросили в Щегловский уезд, надо было проводить перевыборы в системе сельхозкооперации, и сразу выявились его расхождения с укомом партии. В укоме считали, что надо навести в работе сельхозкооперации четкий порядок, организовать в рамках райсоюзов все эти мелкие кооперативы, объединить их, наладить плановость в работе — за это ратовал товарищ Демидов**. Более того, Демидову казалось, что и маслодельческие кооперативы, и заводы должны войти в сеть райсоюза. Еще в укоме считали, что без железной руководящей руки артели и прочие сельхозкооперативы попросту развалятся.

Николай Ушаков исходил из того, что деревня — не армия, крестьяне сами должны дозреть до понимания того, что кооперация им экономически выгодна, а наше дело — вести разъяснительную, агитационную работу. Это во-первых. Во-вторых, нельзя объединять кооперативы маслодельческие, торгово-сбытовые и землеобрабатывающие в одну систему; это кооперативы разные по целям, по способу работы, выйдет как в басне про лебедя, рака и щуку...

* Партархив Кемеровского ОК КПСС, ф. 47, оп. 1, д. 295, л. 135

** Там же, ф. 8, оп. 1, д. 53, л. 17.

В феврале 1923 года Николай Ушаков получил предписание из Томска: выехать на кольчугинскую железную дорогу, организовать ссыпные и заготовительные пункты для приемки хлеба. Кроме того, ему предписывалось изымать в селах племенных лошадей и передавать их в коммуну.

Еще в конце ноября 1923 года санный путь к железной дороге из окрестных деревень установился твердо, и хлеб на заготовительные пункты потек устойчивым потоком, но Щегловский уком, полагая, что хлеба в закромах у мужика слишком даже много, требовал от Николая «ездить и нажимать».

По итогам хлебозаготовок Сибкрайком РКП(б) указал на следующий год, что заготовлено было к 1 мая 42 миллиона пудов, что составило 95 процентов к плану, и еще товарных излишков по Сибири осталось до 100 миллионов пудов от урожая этого и прошлого года; что мужик сдавать товарные излишки не желает, поскольку: а) в стране товарный голод; б) крестьянин полагает, что весной хлеб будет подороже*.

Следовательно, чтобы взять хлеб для вывоза за границу, мужику надо предложить такие экономические условия, чтобы сдавать хлеб было выгодно — так считал Николай, поэтому никакого «нажима» и быть не должно. Тем более, не считал себя вправе отбирать силой племенных лошадей для коммун.

Расхождение с Щегловским уком долго длится не могло, и оно завершилось в марте 1924 года: Николая Ушакова вызвали на заседание бюро и после недолгого, но резкого разговора, во время которого Николай головы не склонил и в ошибках не покаялся, исключили его из кандидатов РКП(б).

Два дня Николай ходил по Щегловску оглушенный, работать не мог, потом пошел к уездному военкому, товарищу Мащенко, сказал: «У вас с 22 марта курсы откры-

заются, десятидневные, людей будете готовить для службы в РККА. Возьмите меня...»

Мащенко удивился — так вы же кооператор, зачем вам армейская служба?

— Кооператор я случайный, я человек военный, кончал Томскую шестую артшколу да попал под увольнение год назад.

Увоенком удивился, тут же перешел на «ты»:

— А год рождения у тебя какой?

— 1902-й.

Военком усмехнулся:

— Я и буду призывать 902-й, значит, имею право и тебя забрать. Уком партии мне за тебя нахлобучку не устроит? Ты все же какое ни на есть, а кооперативное начальство...

— Не устроит. Меня позавчера из кандидатов исключили, а я кооператор только до тех пор, пока партийная дисциплина держала.

— Исключили? И за что?

— С Демидовым разошелся во взглядах на кооперацию. Считаю, что кооперативы — не армия, нечего их строить в одну шеренгу, да еще по ранжиру, а Демидов рвется все их загнать в райсельхозсоюз, под начало укома.

Словом, Мащенко оказался человеком с понятием, рассудил здраво — хотя армия у нас классовая, рабоче-крестьянская, однако рядовым бойцом можно служить и без членского билета РКП(б).

10 апреля Мащенко забрал Николая Ушакова на десятидневные курсы, через два дня поставил его командовать курсантами, а там призвал на службу, и оказался Николай в 9-й Отдельной роте ЧОН.

Рота располагалась на Кемеровском химзаводе и входила в состав 3-го Кольчугинского батальона Первого Коммунистического Томского пехотного полка.

...7 августа 1925 года секретарь Сибкрайкома РКП(б)

* Партархив Кемеровского ОК КПСС, ф. 8, оп. 1, д. 28, л. 27.

Станислав Викентьевич Косиор подписал решение бюро: «Предложить парторганам изъять из обсуждения кооперативных комиссий вопрос о маслозаготовках. Губкомы и укомы должны разрешать этот вопрос на отдельных совещаниях... Указать на необходимость решительной борьбы с агитацией на местах... против маслокооперации»*.

По крайней мере, в том, что касается попыток Щегловского укома объединить маслокооперацию со всеми остальными, правота Николая Ушакова была доказана, однако, думаю, что Николай об этом письме Косиора не знал. Армейская жизнь захватила его целиком: в роте он сразу был назначен командиром взвода и самозабвенно занимался с новобранцами. По возрасту он был им равен, но уже познал вкус службы, видел в ней свое предназначение и во всем, что касалось военного дела, был всех их грамотнее. Затем начальство переместило Николая — он стал командиром полубатареи. Хлопот сразу прибавилось: думай о людях, учи артиллерийскому делу и чтобы кони были исправными; и чтобы боезапас всегда был в полном комплекте... Пехота после учений, почистив винтовочки, укладывается спать. Артиллерист вернется с учений, почистит пушки, почистит коней, задаст сена... Пехоте команда «Подъем!», артиллерист еще и спать не ложился...

За этот год, с апреля 24-го по февраль 25-го, кемеровская рота ЧОН в боевых действиях не участвовала. Мирная обстановка в Сибири поставила вопрос, а для чего нужны части особого назначения?

В феврале 1925 года кемеровская рота Кольчугинского батальона была расформирована.

Николай Ушаков во второй раз попал под демобилизацию.

* Партархив Кемеровского ОК КПСС, ф. 8, оп. 1, д. 28, л. 14.

О тех десяти годах, которые пролетели до возобновления армейской службы, сам Николай Григорьевич Ушаков в автобиографии ограничился всего лишь одной фразой: «В связи с расформированием ЧОН и общим сокращением армии находился в долгосрочном отпуску, в этот период работал в различных советских учреждениях»*.

Добавлю к этому, что до 1930 года Николай Григорьевич так и работал в Щегловске, в окружном отделе народного образования, бухгалтером. В эти годы обзавелся семьей, а в 30-м переехал с молодой женой Лизонькой в Орджоникидзе, и здесь стал главным бухгалтером горкоммунхоза.

В мае 1931 года его как командира запаса вызвали на переподготовку, и до августа он учился тут же, в Орджоникидзе, на артиллерийском отделении пехотной школы. Здесь Николай Григорьевич впервые увидел только-только поступившую в войска новую пушку калибра 122 мм, с раздвижными станинами, с колесами на пневматике — это была умная и мощная боевая машина.

За три месяца Николай Григорьевич постиг все, что требовалось, чтобы командовать батареями и даже дивизионом таких орудий, и еще хватило сил и желаний заняться и могучими тягачами.

В августе сборы закончились, никаких документов Николаю Григорьевичу на руки не выдали, да они ему на бухгалтерской работе в коммунхозе не были нужны, но в личном деле военком сделал пометку: «Переподготовку прошел» и приложил отзыв из школы — по всем статьям положительный...

Великий час возвращения на кадровую армейскую службу пробил для Николая Григорьевича весной 1935 года: по приказу наркома обороны № 040 командира запаса

* Личный архив Н. Г. Ушакова, п. 1, л. 15.

призывались в строй, и Николай Григорьевич получил назначение в Новороссийск, в артиллерийский полк 74-й стрелковой дивизии, на должность начальника связи дивизиона. В свои тридцать три года он был лейтенантом, но знал совершенно точно, что будет в его петлицах и капитанская шпала.

В сутки он сдал бухгалтерские дела своему заместителю; Лиза глянула на него, решительного и радостного, — она понимала, не надо на эту радость обижаться: Николай — человек до мозга костей военный, в армии его место, и пусть едет...

Николай Григорьевич, прощаясь с Лизой, сказал — готовься тоже. Как комматенку получу, заберу к себе, в Новороссийск... Он и правда забрал, в том же году, только комматенки ему никакой не дали, снимал угол.

В те шесть лет, что оставались до войны, Николай Григорьевич прошагал много субординационных ступеней. Он с год был начальником связи дивизиона; был сначала начальником штаба, потом в октябре 38-го стал командиром дивизиона. В том же, 38-м году, в мае, ему присвоили звание старшего лейтенанта, а в апреле 40-го, когда он досрочно стал капитаном, он уже был помощником начальника штаба полка. Это была высшая ступень, на которую вознесла Николая Григорьевича военная служба за пять лет.

В те же годы страна прошла через великие потрясения массовых репрессий и избиения командных кадров в армии — здесь выискивали троцкистов и заговорщиков, прослеживали возможные связи. Однако Н. Г. Ушаков в поле зрения НКВД не попал, и его репрессии обошли стороной.

...Последняя перед войной ночь была в Новороссийске тихой, влажно-душной, Николай Григорьевич ушел из штаба полка поздно, готовил полковой сводный план занятий с новобранцами майского призыва на летний период, но утром поднялся в шесть, еще не зная, что вся западная

граница уже в огне, и горят села, и горят в фортах Брестской крепости люди, застигнутые пылающими струями немецких огнеметов...

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...

Если Россия будет разбита, у Англии исчезнет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: на основании этого заключения Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 г. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним ударом разгромим государство.

Из дневника Гальдера,
запись от 31.7.1940 г.

I

По мобилизационному плану капитану Н. Г. Ушакову надлежало немедленно выехать в Абинскую, километрах в сорока от Новороссийска, и в качестве начальника штаба приступить к формированию нового артиллерийского полка — 33-го запасного.

Сразу же стали прибывать командиры, и кадровые, и приписные, из запаса. Ушаков нашел время потолковать с каждым.

Позже прибыл и командир полка, майор Емельянов — тот за неделю присмотрелся к Ушакову и понял, что лучшего начштаба пожелать бы себе не мог. Все в полку так и осталось на Ушакове: учеба, матчасть, боеприпасы, питание, суточные дежурства, боевые стрельбы, политучеба. В занятия с солдатами Ушаков вникал со всей дотошностью и спуска никому не давал.

В октябре, в конце, когда бои с немцами придвинулись к Донбассу, Ушаков, понимая, что в Абинской ему оста-

ваться недолго и что полк в любой момент могут двинуть на фронт, отправил жену и дочь в Орджоникидзе, к родителям Елизаветы Тимофеевны.

На эти же последние дни октября тяжкого для страны сорок первого года пришлось и первые немецкие налеты на Новороссийск и Абинскую.

Бои шли совсем близко: 1-я танковая армия немцев рвалась через Донбасс к Ростову, чтобы, как писали немецкие газеты, «захватить ворота на Кавказ». 16 ноября 1941 г. Верховное командование группы армий «Юг» разослало командующим армиями для ознакомления проект приказа о предстоящих боевых действиях за № 3122 — в проекте предусматривалась операция под кодовым названием «Зимний спорт» с целью захвата нефтяного района Майкопа*.

33-й запасной артиллерийский полк подняли по тревоге 22 ноября, когда в Ростове уже сутки хозяйничали немцы. Ушаков и Емельянов получили предписание: выступать! Оба поняли: идем на фронт!

Шли своим ходом: орудия на конной тяге, бойцы за пушками пешком, Ушаков и Емельянов верхом.

Шли и днем и ночью, передышки делали редко. На пятнадцатые сутки бригада вышла к большой станции на реке Калеус — называлась она Ипатово. Ростов оставался где-то далеко на северо-западе. Ушаков засомневался: идем ли к Ростову? чего ради такой фантастический крюк? Замысел нашего командования ни он, ни майор Емельянов понять не могли: маршрут давался лишь на 3—4 дня, конечного пункта марша начальство бригады не указывало, да скорее всего генерал и сам его не знал...

Из Ипатово Николай Григорьевич отправил жене письмо: «Сейчас вышли в степи, морозы здесь доходят до 35 градусов, я одет тепло, на ногах вместо сапог имею

* Германия во 2-й мировой войне. Берлин: Академия, 1975. Т. 2. С. 69 (на нем. языке, здесь и далее перевод автора).

бурки и теплую ватную куртку и брюки... Сначала немного простыл, кашлял, голоса лишился, а сейчас уже проходит... Через три часа уходим дальше...».

Однако «дальше» — это куда? Ушаков все пытался понять, в чем смысл их похода? Куда ведут артбригаду? Бои от Ростова отодвинулись на запад — еще 2-го декабря Красная Армия вышла на реку Миус, тут уперлась в линию немецкой обороны и преодолеть ее не смогла. Конечно, у Ростова одержана была великая победа, немцев отбросили где на 60 километров, где и на 80. Но теперь фронт здесь стабилизировался, и Ушакову казалось самоочевидным, что идти к Ростову теперь резона нет.

Однако бригада все так же упорно продвигалась то на северо-запад, то на северо-восток, проходя в сутки по 20—25 километров, и Ушаков, глядя на солдат, удивлялся их выносливости и долготерпению.

Меры противовоздушной маскировки соблюдались строго, и бог их пока миловал: немцы движения бригады, видимо, не раскрыли, полки не бомбили.

С середины декабря морозы в Калмыкии сменились дождем и слякотью, бригада теперь ползла через непролазную, всесветную грязь. От копыт коня грязь летела вверх, заляпывала сплошной коркой брюки, куртку, сапоги. Генерал, командир бригады, углядел, какой отличный конь у Николая Григорьевича, — высказал не то просьбу, не то приказание: дал бы ты мне на нем проехать...

Николаю Григорьевичу осталось только гордиться, что генерал обратил внимание на Золотого. Погарцевав на ушаковском коне сутки, генерал велел передать хозяину, что у него лучший конь в бригаде! Но Золотушу возвращать не торопился...

К концу декабря, когда, казалось, у людей уже никаких сил не осталось — это был 36-й день похода, позади лежали 900 километров — бригаде дали два дня отдыха.

Полк расположился в селе, название которого Ушаков в письме к жене зашифровал буквой «Ш», и двое суток

приводил себя в порядок: побанились, постирались, у Николая Григорьевича получился праздник вдвойне: 27 декабря генерал-майор вернул ему Золотушу и спасибо сказал. Радость от встречи с другом выплеснулась на странички письма к жене: «Золотой опять со мной. Мы с ним за последнее время даже как будто поправились...».

Новый год встретить не удалось: ночь прошла в марше. Этот бесконечный, всю душу вымотавший тысячекилометровый поход все не кончался. Шли параллельно линии фронта, километрах в трехстах от него, все на север и на север. Ушакову теперь было ясно, что бригада, если не сменит направления, самое большее через неделю выйдет к левому берегу Дона... Полк шел весь, без потерь.

Дружба с майором Емельяновым теперь была «не разлей вода», и ни тот, ни другой не предполагали, что скоро им расставаться.

16 января 33-й запасной артиллерийский полк вошел в станицу Потемкинскую — здесь велено было расквартироваться, приказа на дальнейшее движение ни на текущие, ни на последующие сутки отдано не было.

Ушаков блаженствовал сутки: «...сiju в теплой чистой комнате и даже сходил в баню на станцию, при паровозном депо. Одним словом, чувствую себя великолепно», — писал он жене из Потемкинской. Разумеется, не забыл и о коне: «Золотой цел и здоров, мы с ним еще больше подружились».

На следующие сутки Николай Григорьевич, как ему и по должности положено, сказал майору Емельянову: «Все, Емельяныч, больше полку бить баклуши не дам! С завтрашнего дня планирую занятия, мы все же армия, в первую очередь должны уметь воевать!»

В Потемкинской простояли месяц — не то в резерве командования, не то в ожидании отправки на переформирование, слухи среди комсостава ходили разные, но толком никто ничего не знал, и не только в полку: вся бригада,

разбросанная по окрестным станицам, жила в неопределенности.

Из штаба бригады запросили ни с того, ни с сего служебный отзыв на Ушакова — майор Емельянов забеспокоился: не хотелось бы лишиться такого прекрасного начальника! Комиссар полка Мотынга, к которому Емельянов пошел советоваться, сказал — писать надо честно, как есть и как Ушаков заслуживает. Ушакова, думаю, от нас заберут, будет он сам полком командовать, от этого дело только выиграет.

Емельянов служебный отзыв написал честно — приведу его весь, сохранив язык штабного армейского документа: «В полк прибыл по плану перемещения 23.6.41 г., начало формирования полка проводилось им.

За время работы в полку показал себя, как дисциплинированного, исполнительного, инициативного, требовательного к себе и подчиненным командира.

Как артиллерист подготовлен хорошо. Строевая выправка хорошая, из личного оружия стреляет хорошо. Среди подчиненных пользуется заслуженным авторитетом. Как штабной работник подготовлен хорошо. Партийно-политическую работу в массах проводит. Состояние здоровья хорошее, в походах вынослив. Делу Ленина — Сталина и социалистической Родине предан*.

Занимаемой должности вполне соответствует. Достоин присвоения очередного звания «майор». Может быть использован в должности командира полка».

Но комиссар полка Мотынга, подписав вместе с Емельяновым этот документ, пошел еще дальше: он посоветовал Николаю Григорьевичу «оформить официально партийную принадлежность». Ты, сказал, неизвестно куда дальше попадешь, чем будешь командовать, и не дай бог, найдется

---

* Обычная формула того времени: людей, о которых нельзя было так написать, на командных должностях не держали.

какой-нибудь чинуша-крюкотвор, зацепится: почему комполка — и вдруг беспартийный? Да еще докопается, что тебя в твоём Щегловске исключили за несогласие с уклоном. Знаешь, какое кадило раздует, чтобы бдительность свою проявить?

Там же, в Потемкинской, в феврале 1942 года парторганизация управления полка рассмотрела заявление капитана Ушакова Николая Григорьевича, и коммунисты решили, что товарищ Ушаков быть в партии достоин.

Дальше все вышло не так, как полагали Емельянов и Мотынга: майору Емельянову приказано было сдать полк Ушакову в связи с предстоящим новым назначением.

Передача полка от Емельянова Ушакову произошла 15 февраля, настроение в полку и у самого Николая Григорьевича было праздничное — и потому, что Московская битва завершилась нашей победой, немцев отбросили от столицы, и потому еще, что севернее Москвы успешно развивалось наше наступление в районе Торопец—Пено, и потому, что полк теперь ощущал себя вполне готовым к бою, желал принять участие в боях и гнать этих проклятых фрицев с Советской земли...

II

1 марта 33-й артполк из станицы Потемкинской перебросили в Ерзовку, не то большой поселок, не то маленький городишко километрах в двадцати пяти севернее Сталинграда.

Ушакову приказано было сдать полк и немедленно выехать в Чкалов* в распоряжение командующего Южно-Уральским военным округом. Здесь ему предстояло сформировать минометный полк. На сдачу отведено было всего три дня, выезд на Урал назначен на пятое марта...

* В 1957 г. городу возвращено изначальное название — Оренбург.

Два дня Николай Григорьевич сдавал полк хмурому, молчаливому майору, прибывшему с фронта, и думал о своем Золотом — бросить его было выше сил. Жене 4 марта написал: «Золотого беру с собой, жалко оставлять единственного друга».

5 марта из бригады в полк пришел приказ: «Передачу 33-го запасного артполка новому командиру отставить». Ушаков показал телефонограмму майору, тот невозмутимо пожал плечами — в армии, сказал, и не такой бордель бывает! — и уехал в Сталинград, где теперь размещался штаб бригады.

Николай Григорьевич понимал: что-то у высокого начальства не сошлось, однако, не мог понять, в чем здесь соль? Можно ведь было предположить, что по каким-то причинам выражено недоверие прибывшему с фронта майору и вот-вот пришлют другого командира полка; а возможно, начальство решило вообще Ушакова никуда не отсылать, полк другому командиру не передавать... В таком неопределенном состоянии прошли две недели, а в ночь на 17 марта поступил приказ: полк приготовить к посадке в эшелон! И пошла лихорадка: полк к посадке готов, эшелон не подан; на другую ночь бойцы спят спокойно, потом снова: «Приготовиться к погрузке!» И снова эшелон не подан; опять отбой. Вот такая нервотрепка девять суток. На десятые с утра — полк только вышел на погрузочную площадку — налетели «юнкерсы».

Ушаков впервые в своей жизни испытал, что такое немецкий бомбовой удар: черные самолеты, словно зная, что у нас тут в Ерзовке нет ни зениток, ни истребителей, ходили совсем низко. Ушаков что перед самым ударом сделать успел — дивизионы рассредоточить, людей и лошадей укрыть! — то и успел, а там в разбойничьем свисте бомб, в дьявольском грохоте разрывов, в надрывном, тоскливом ржании лошадей командовать было невозможно...

Многих потом в полку не досчитались: погиб комиссар полка Мотынга, умный, душевный человек; погиб помко-

мандира полка Башкиров и еще десятки бойцов и командиров... И все они погибли, так и не успев сделать ни одного выстрела по врагу...

После налета Ушакову досталась горькая работа: выделять бойцов, спешно долбить мерзлую землю под могилами; еще надо было переправить тяжелораненых в Сталинград, в тыловую госпиталь, прочих же перевязали и оставили в полку: подлечатся и станут в строй, люди все же свои, делу обученные... Тех, кого не зацепило, распределили по дивизионам, чтобы полк остался полком, боевой единицей, способной воевать.

Эшелон подали только 29 марта, Ушаков все думал: если бы не чье-то разгильдяйство, если бы погрузились и убыли еще 17-го марта, после самой первой команды, не попали бы под бомбежку, и был бы сейчас полк в полном составе... Нет, вчерашняя зверская бомбежка его не испугала, но невыносимо было для его души вот это состояние полной беспомощности: тебя бьют, а тебе защищаться нечем, трехдюймовки для зенитной стрельбы не приспособлены, их торчком не поставишь... Вот и забейся в щель, словно мышь, и не дыши, и жди, когда они отбомбятся. Прощай, Ерзовка, прощайте, могилы, прощай, Золотуша...

1 апреля эшелон около трех часов стоял на станции Самодуровка далеко за Сталинградом, и Николай Григорьевич взялся за письмо к жене и пятилетней дочке.

«Милые, родные Лизонька и Светланочка! Сейчас уже определилось, куда едем, т. е. где будем формироваться... пишите мне до востребования по адресу: станция Дубиновка, Оренбургской железной дороги, мне... По приезде на место напишу, куда нас в дальнейшем забросит судьба. Ехать еще придется дней десять-пятнадцать, здесь не похоже на весну, морозы, пурга почти ежедневно, едем в теплушках. С Золотым пришлось расстаться, как ни тяжело было его оставлять в Сталинграде, а пришлось. Начштаба бригады его с удовольствием взял к себе. Но ничего, если

нужда будет, лошадь на фронте добудем еще лучше...

Скучаю по тебе, моя голубка, сильно, и по Светланочке. Но надо терпеть, теперь не время об этом думать, теперь единственная цель должна быть у нас — уничтожить эту проклятую заразу. Весна этого года и лето окончательно решат судьбу этих бандитов. В том, что Красная Армия победит — в этом нет ни на минуту сомнения... Я в свою очередь постараюсь отдать все силы для победы над врагом, если потребуется, отдам и жизнь свою... Целую крепко, крепко, крепко и несчетно раз. Ваш папка».

Ехали и ехали в теплушках сначала на Балашов, потом свернули на восток, на Саратов, а там по Оренбургским заснеженным степям, сквозь пургу и мороз, и грудились по ночам бойцы у чугунных печек, от которых трубы были выведены в окошечко, и мерзли часовые на платформах с накрытыми брезентом старыми, давно отслужившими свое трехдюймовками, и Николай Григорьевич по приказу ста граммов «для поддержания здоровья и духа», думал: «должны бы дать полку те пушки-красавицы калибра 122 мм, и маленько подучить бойцов и командиров, а там пойдем крушить эту фашистскую свору, и не будет ей от огня спасения...»

III

Эшелон остановили 17 апреля 1942 года на станции Кувандык — здесь Ушакову велено было полк разгрузить и следовать своим ходом в летние лагеря, до них было рукой подать, сразу за станцией, за небольшим сосновым бором. Стоявшая здесь прежде часть оставила кухню, огромный навес, под которым бойцов можно было кормить, домики для комсостава. Остались и гнезда для взводных палаток — их и разбили сразу, но прежде всего Ушаков приказал людей побанить, чтобы смыть ужасающую грязь, накопленную за месяц путешествия.

В этот же день первый, как прибыли, Ушакову прислали из Чкалова «эмку»: теперь полк переходил полностью на мехтягу и командиру полка полагалась не лошадь, а легковая машина. Николай Григорьевич, чувствуя себя после жаркой вокзальной бани в состоянии райского блаженства, сразу же вызвал водителя, спросил, за сколько доедут до Чкалова?

Шофер пожал плечами — а как любит ездить товарищ капитан? Если с риском, то одно время, если спокойно — другое. А вообще тут недалеко, всего двести километров, бак заправлен. Когда выезжать?

Ушаков спросил — обедали? Нет? Вот после обеда — сразу. Шофер бросил руку к козырьку — есть сразу! Ушакову такая четкость понравилась...

До Чкалова добрались быстро и без приключений, в штабе округа Ушакова сразу пропустили к генералу, командующему артиллерией округа. Николай Григорьевич доложил.

Сухощавый, невысокого роста генерал-майор заулыбался — так вот вы какой... Снял трубку, попросил — соедините с командующим! Когда тот откликнулся, заговорил весело: «Товарищ командующий! Помните, я вам докладывал о героической эпопее 33-го запасного артполка? Да, да, тот самый... Полк сегодня прибыл в наше распоряжение, выгрузился в Кувандыке. Да, конечно, я это имею в виду... Командир стоит передо мной... Да, это тоже имею в виду. Есть, товарищ командующий!»

Лишь позже Ушаков узнал от штабных командиров: и командующий округом, и подчиненный ему командующий артиллерией округа оказались в одном звании, оба были генерал-майорами, оба понимали: нелепо бы выглядело, если бы один другому говорил — вы, товарищ генерал, постарайтесь сделать то-то и то-то, а ему в ответ: «Слушаюсь, товарищ генерал!» Потому они и обращались друг к другу либо по должности, либо по имени-отчеству...

Командующий артиллерией, усадив Ушакова, вызвал

своего начштаба и приказал адъютанту пока никого к нему не пускать и добрый час объяснял Николаю Григорьевичу, что к чему: на базе 33-го запасного поручено ему, капитану Ушакову, создать новый полк, и номер у него будет 1166, называться будет ПАП РГК — «пушечно-артиллерийский полк резерва главного командования». Состоять полк будет из трех дивизионов, всего 36 орудий, получите их со дня на день, и будут это пушки А-19 образца 1931 года, в 1937 году модернизированные, калибра 122 миллиметра, с раздвижными станинами, прочие характеристики таковы: дальность до 20 км, вес снаряда 25 кг, скорострельность 4 выстрела в минуту.

Ушаков за генералом поспевал, записывал — зачем лишать человека удовольствия? — хотя данные помнил наизусть: это были те самые чудо-пушки, которые поразили его в Орджоникидзе, на командирских сборах десять лет назад... Сколько же времени дадут ему на освоение? Месяц? два? Но спросил о другом: будет ли полк доукомплектован личным составом? как скоро станут прибывать люди? У него из старых командиров дивизионов всего двое остались, он бы их переставил на штаб полка, оба они люди опытные, кадровые, а командиров батарей практически нет...

Начштаба артиллерии округа объяснил, что командиров, сколько можно будет, штаб товарищу Ушакову даст, рядовыми полк укомплектуют до штатного состава за счет Уральских казаков — это люди особого склада, воины прирожденные, хотя по характеру суровые и независимые. Хотелось бы, чтобы товарищ Ушаков сумел понять этот народ...

Ушаков склонил голову — я с любым найду общий язык, если служить будут от души, не из-под палки...

Потом Ушаков обговорил с начальством самое главное — боевые стрельбы: недели две-три он отведет на освоение матчасти, потом надо людей учить стрелять! Так сколько снарядов даст ему штаб артиллерии для обучения?

Генерал усмехнулся — для такого благого дела боеприпасов экономить не будем, но и вы должны понимать: лишних снарядов сейчас нет, все съедает фронт. Найдите разумную середину между «хочется» и «возможно», заявку подайте в штаб. Все? — Он поднялся, и Ушаков тоже встал. — Приказ, подтверждающий ваше назначение, получите позже. Желаю успеха!

Когда Ушаков по возвращении в полк сказал своему начштаба, что им дадут для формирования казаков-уральцев, тот глаза раскрыл — а точно? Так это здорово! Они же как сибиряки!

Ушаков, которому еще не довелось побывать на фронте, из этих слов ничего не понял, и начштаба пояснил: под Москвой сибирские дивизии ох какие чудеса творили! Их немцы просто боялись — до паники. Так у нас после как пополнение приходит, первым делом выискиваем сибиряков, чтобы к себе, в батарею... Вот верите, даже специальных ходоков посылали на сборный пункт, совали писарям самогон, чтобы сибиряков нам записали...

Ушаков слушал и удивлялся: о таком слышать еще не приходилось. О том, что сам — родом из Сибири, промолчал.

Два дня спустя Ушакова уведомили: к восемнадцати часам на станцию прибывает эшелон с орудиями, на разгрузку отводится два часа, с этим же эшелоном отправить на завод старые трехдюймовки.

Начштаба предложил Николаю Григорьевичу — вы не беспокойтесь, я встречу эшелон, все сделаю.

Ушаков поблагодарил: хочу первым увидеть, что нам начальство посылает...

Орудия были те самые, совсем новенькие 122-миллиметровые, о которых мечталось Ушакову. Они еще словно бы пахли свежей зеленой краской; прицелы к ним, бережно завернутые в пергамент, уложены были в отдельные ящики, обитые изнутри сукном...

Солдаты дружно разворачивали орудия на платфор-

мах, подгоняли тягачи, цепляли и перетягивали семитонные машины на каменный парапет разгрузочной площадки, отвозили к дороге. Потом колонна двинулась — литые широкие шины легко катились по дороге. Ушаков шагал сбоку от ревущей моторами, лягающей гусеницами колонны, испытывая чувство великого праздника...

Первую неделю после прибытия Николай Григорьевич все никак не мог освоиться: здесь, на Южном Урале, жизнь шла совсем мирная. «Иногда даже забываешь, что идет война, народ здесь о ней и понятия не имеет», — писал он жене 18 апреля. Единственным напоминанием о тяжелых бедах страны была, пожалуй, «дороговизна ужасающая» (так в письме): мука 1000 рублей пуд, яйца 120 рублей десяток, масло 500—600 рублей килограмм. На другой же день он перевел Лизе 600 рублей — все, что у него было в карманах, себе ничего не оставил. Просто подумал: а что, если и в Орджоникидзе сейчас такие же дикие, несуразные цены?

Однако война вскоре же напомнила о себе совершенно неожиданным образом...

В полк прибыл новый комиссар. Он оказался человеком дельным, кадровым армейским партработником; с людьми работать умел и любил. И была у комиссара одна печаль: вот уже семь месяцев ничего не знал о своей жене. И — чего только в войну не бывает? Перед самым праздником 1 мая комиссар поехал на полковой «эмке» в Чкалов. И на улице неожиданно-негаданно встретил собственную жену... Он привез ее в полк, познакомил с Ушаковым, не в силах сдержать счастливой улыбки:

— Выпрыгиваю, понимаешь, из машины, а она стоит у штаба, прямо у штаба! Выпрыгиваю, а она стоит, меня не видит... Привез вот, пусть у нас в полку поживет, пока формируемся...

Потом комиссар пришел советоваться: в одной из батарей боец попался — загнал свою шинель на базаре за два литра самогона и килограмм сала, всех в батарее уго-

стил. Особист требует предать его суду военного трибунала, и по форме прав, а как быть по существу?

Комиссар вздохнул: был в батарее, говорил с людьми. Боец хороший, из тех, кто шел с тобой от Абинска, а шинель у него вся прожженная, он ребятам объяснил — скоро, мол, лето, без нее как-нибудь прокантуюсь, а если к зиме на фронте не убьют, там новой разживусь.

— А что начальство новую даст — не поминал?

— Нет, не поминал такого.

— Тогда солдат правильный, рассуждает честно. Судить не будем, пусть на губе посидит, только недолго, мне его на пушкаря учить надо. В батарее воспитательную работу провел? Ну и добро, а то вся батарея шинели снесет на рынок. А я строевой части скажу, чтобы приказ подготовили: командиру батареи за такие дела следует выговор.

11 мая в полк пришла телеграмма: военный совет округа поздравил Николая Григорьевича с присвоением очередного звания. Он с гордостью написал в тот же вечер жене: «Можешь поздравить, теперь я у тебя не капитан, а майор... Я команду тяжелым артполком — артиллерия резерва главного командования, все на мехтяге. Действовать будем на главных направлениях, подчиняться только командарму. Все горим желанием скорее на фронт, испытать всю мощь нашей техники на вшивых фрицах...»

Погода весь май стояла холодная и дождливая, ясных дней почти не выпадало, в солдатских палатках по ночам было невероятно холодно.

Занятия с солдатами шли по десять часов в день, семь часов от завтрака до обеда, еще три часа после обеда и отдыха — до ужина. Ушаков поставил задачу: все номера в расчете должны уметь заменять друг друга, и обязательно, чтобы любой мог стать за наводчика; понимая, что потери в боях неизбежны, требовал от командиров батарей: учите расчеты действовать в половинном составе, составы постоянно меняйте!

Ушаков был вездесущ — не то чтобы он подменял нач-

штаба или начальника боепитания, или командиров дивизионов, просто каждый в полку знал: комполка может в любой час, в любую минуту прийти, скажем, на занятия в класс или в парк, к орудию, стать в сторонке и минут двадцать, а то и тридцать молча смотреть и слушать. Если все делалось правильно — уходил, бросив кратко: «Продолжайте занятия!» Если замечал ошибку, без раздражения или гнева вмешивался: «Отставить! Здесь надо вот так...» Он учил их всех, и командиров, и рядовых, на него не обижались, потому что впереди всех ждала война, а в артиллерийской науке он разбирался лучше любого из них.

Но окончательно покорила всех в полку Ушаков, когда начались боевые стрельбы на полигоне, в холмистой степи за Сакмарой, на самой границе с Башкирией.

Ушаков оказался «стреляющим» командиром. Он ставил батареи на закрытые огневые позиции, каждый раз разные, цели с позиций было не видно.

Сам с командирами уходил на НП... Цель, если смотреть в стереотрубку, казалась совсем рядом, руку протяни, и достанешь, хотя до нее было километров пять-шесть. Дальше начиналось таинство — нанесение на планшет исходных данных для стрельбы: ДК (дальность от командира до цели) и ДБ (дальность от командира до батареи); и еще расстояние от ОП до цели; исчисление углов артиллерийского треугольника. И еще важно знать, как стреляем? Огонь сосредоточенный, всеми стволами в одну точку? Или наводим стволы параллельно, разрывы пойдут по фронту? Выберем репер... Одинокая сосна на склоне — это хорошо, очень заметна, наводить легко... А если противник его собьет, этот репер? Уж лучше кромка леса... Ну-с, товарищи командиры, засекайте время. Следите за мной...

На полную подготовку отводится 7 минут, но проводить ее без данных АМП, артиллерийского метеопункта, т. е. без учета силы и направления ветра в разных слоях атмосферы, без знания влажности воздуха, от чего зависела

и влажность пороха, было просто бессмысленно, и Ушаков учил людей стрельбе с сокращенной подготовкой. На эти расчеты отводилось от двух до трех минут, у Николая Григорьевича уходило не больше двух, иногда и полторы; после двух пристрелочных выстрелов брал цель в «вилку» — недолет столько-то метров, перелет столько-то, поправку вносил без расчета, по врожденной интуиции. После залпа всей батареей летели вверх бревна накрытого блиндажа, завтра хозроте строить новый, в другом месте, чтобы было по чему стрелять...

Потом Ушаков обращался к командирам — с кого сегодня начнем? кто пробует первым? командир обязан рассуждать вслух, что делает и почему... Ушаков слушал и кивал — подавайте команду на ОП! Или усмехался — у вас снаряды куда пойдут? по цели или в обратную сторону? самих себя не накроем? отойдите, сядьте в сторонке, пока ошибку не найдете, не подходите ко мне. Кто следующий?

22 мая 1942 года в полк нагрянуло из Чкалова высокое начальство с проверкой, которая длилась ровно неделю. Результаты проверки даже для самого Николая Григорьевича оказались неожиданными: полк был признан лучшим в округе по всем статьям.

Перевод тяжелых орудий из походного положения в боевое, из боевого в походное солдаты выполняли дружно и умело; те бойцы, что влезали между сведенными станинами, накатывающиеся стволы закрепляли сноровисто; окопы для орудий расчеты рыли грамотно — с секторами для разворотов, с ровиками для снарядов; потом восемь человек расчета, подняв рывком разведенные станины на вытянутые руки, по команде легко разворачивали семитонное орудие — вправо, взяли! влево, взяли! Полковник из проверяющих следил за действиями бойцов с часами в руках, качал головой...

Комиссар — тоже из проверяющих, — подводя итог, сказал Ушакову: «Даже не верится, что полк всего месяц как

сформирован, он выглядит, как старый кадровый полк!»

31 мая, когда комиссия еще была в полку, приехала делегация рабочих с оборонного завода, привезла красное знамя. Ушаков с разрешения комиссии приказал полк построить для торжественного митинга, сам на нем и выступил с приветственной речью. Все, что следовало сказать по такому случаю, Ушаков сказал, голос у него был сильный, звучный, его и без микрофона было слышно; не написать о таком торжестве жене он, разумеется, не мог — это письмо Елизавета Тимофеевна получила, когда артполк уже убыл со станции Кувандык: «31.5.42 г. полку вручили Красное знамя, и это счастье выпадает далеко не всем полкам, надо заслужить... А там будем драться так, чтобы получить гвардейское знамя».

...5 августа 1942 года 1166-й ПАП очутился в лесу под Коломной, в ста километрах южнее Москвы. Эшелон шел на фронт, чего ради завезли полк именно сюда, Ушаков не понимал: на Западном направлении в эти дни было достаточно спокойно, тяжелейшие бои шли много южнее, у Воронежа...

Застыли на платформах могучие орудия, заботливо укрытые серым брезентом; стояли тягачи; на отдельной платформе, в хвосте эшелона, Ушаков припас бочки с горючим, на две ходки — за счет экономии и на всякий случай: на фронте, конечно, дадут, вопрос только, когда — сразу по прибытии или опять натолкнется на разгильдяйство? Но сейчас, поглядывая на эшелон с высокой, поросшей сосняком насыпи, Ушаков думал об одном: хоть бы продержали их тут, в лесу, до ночи. До темна. Он все еще помнил ту немецкую бомбежку в Ерзовке.

СТАЛИНГРАД

...И с этой массой подкошенных голодом, измученных морозами людей, на которых уже лежала печать смерти, продолжали бессмысленное сопротивление. Руководящие штабы по-прежнему ставили боевые задачи, приказывали предпринимать контратаки, строго запрещая частичную капитуляцию.

*Из воспоминаний Иоахима Видера,
офицера разведки 6-й германской армии.*

I

Перед наступлением на Сталинград и на Кавказ у командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Федора фон Бока не было — да и не могло быть! — никаких сомнений в полном и безусловном успехе операции.

Немецкое командование считало, что летняя кампания 1942 года решит судьбу всей войны. Главной целью для генерал-фельдмаршала Бока было как можно более быстрое уничтожение всей массы советских войск на южном фронте. До Сталинграда было 500—600 километров, до нефтяных месторождений Кавказа 1200—1400. Поскольку столь длительный марш сам по себе был необычайно труден для солдат и техники, ОКВ предполагало провести разгром русских войск в начальных фазах операции.

Севернее группы армий «Юг» должен был наступать генерал-полковник Максимилиан фон Вейхс — его две армии, 2-я и 4-я танковая наносили по плану свой удар первыми 28 июня из Курска в направлении Воронежа. Несколько дней спустя фон Вейхс прорвал советский фронт на ширине 300 километров. Острие мощного немецкого клина нацелилось на Дон — начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер в своем служебном дневнике записал 3 июля: «Кажется, разгромленный враг отхлынул назад...» Правда, Гитлер высказал опасение, что со-

ветская группировка смогла отойти и избежать уничтожения, но Гальдер считал, что «общее развитие операции весьма удовлетворительное».

II

9 декабря 1941 года, в самый разгар советского контрнаступления под Москвой, наш разведчик Харро Шульце-Бойзен, сотрудник управления связи имперского министерства авиации, передал в Москву в разведывательное управление генштаба радиogramму, из которой следовало, что германское командование под воздействием поражения под Москвой считает, что «...цели, поставленные после 22 июня, не достигнуты. В результате советского сопротивления пришлось отказаться от плана I «Урал», плана II «Архангельск—Астрахань», от плана III «Кавказ». Однако несколько дней спустя, 12 декабря 1941 года (советские войска под Москвой в эти дни выбили немцев из городов Клин и Сухиничи), от Харро Шульце-Бойзена поступила еще одна радиogramма: «План III (цель—Кавказ) вступает в силу весной 1942 года. Развертывание войск должно быть закончено к 1 мая. Все снабжение с 1 февраля подчинено этой цели. Район сосредоточения войск для наступления на Кавказ: Лозовая—Балаклея—Чугуев—Белгород—Ахтырка—Красноград»*.

Однако, как не раз уже бывало, и на этот раз советское Верховное командование проявило недоверие к полученной информации. Как пишет Георгий Константинович Жуков: «После дополнительного изучения обстановки Ставка и Генеральный штаб пришли к выводу, что наиболее опасными направлениями следует считать Орловско-Тульское и Курско-Воронежское с возможным ударом противника

* Бланк А. С. В сердце третьего рейха. М.: Мысль, 1974. С. 170—171.

на Москву—обходом столицы с юго-запада»*. В соответствии с этим решением значительная часть резервов Ставки была сосредоточена именно здесь, в районе Брянского фронта, и когда немцы, отразив все наши наступательные операции весны 42-го года под Харьковом, нанесли контрудары, обстановка на юго-западном направлении стала катастрофической.

Наши войска с большими потерями отошли за реку Оскол и попытались тут закрепиться, но после нового удара, нанесенного немцами 28 июня из района Курска, а затем еще и 30 июня из района Волчанска фронт советских войск оказался разорван—началось стремительное продвижение немцев к Волге и на Кавказ. К середине июля бои уже шли в большой излучине Дона, угроза выхода немцев к Волге и на Северный Кавказ замаячила весьма зримо...

Выдержать немецкие танковые удары наша пехота, не имея ни артиллерии, ни танков, ни авиационного прикрытия, не могла. Бойцы, понимая, что штыком броню не остановишь, просто уходили, оттягивались с одной позиции на другую, потому что за стратегические просчеты высшего командования солдат расплачивается своей кровью.

28 июля 1942 года Сталин как нарком обороны издал приказ № 227—тот самый приказ, который в армии называли «Ни шагу назад», потому что если будем и дальше пятиться, то пропала Россия, немец возьмет Кубань, как взял Украину и Донбасс, и отрежет весь Кавказ, и перехватит Волгу, лишит нас нефти,—тогда конец всему, конец великому государству Российскому! Приказ требовал решительно покончить с «отступательными настроениями». Потому позади войск надлежало ставить заградительные отряды с пулеметами и беспощадно расстреливать трусов,

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1974. Т. 2. С. 64—65.

паникеров, нарушителей дисциплины, всех, самовольно оставивших свои позиции; всех, ушедших в тыл без приказа.

Но один этот беспощадный приказ немцев, конечно, ни остановить, ни даже задержать не мог.

Ставка в эти дни создала Сталинградский фронт, который должен был преградить путь немцам к Волге. Командовать фронтом поручено было маршалу Тимошенко, затем его сменил генерал Гордов. В состав фронта вошли четыре общевойсковые, две танковые армии, а также уцелевшие в боях части трех армий, которые отходили вниз по Дону от Воронежа.

Вот сюда, в самое пекло боев, и был переброшен из-за Волги бывший 33-й запасной, а ныне 1166-й пушечный артиллерийский полк РКГ майора Ушакова.

Ушаков знал, что броня немецких танков Т-IV удара его орудий не выдержит, но у него было всего тридцать шесть пушек, а у немцев целый танковый корпус, и уцелеть в том бою у артиллерийского полка—если немцы прорвут фронт—никакой надежды не было: ни сменить позиции, ни уйти от немецких танков полк не мог. Потому главная задача была—не допускать немцев на огневые позиции, расстреливать танки на расстоянии.

До начала боя артиллеристы Ушакова успели врыть свои орудия в жесткую неподатливую землю по самым стволам и еще расчистили сектора для разворота; отрыли ровики для снарядов и щели для себя; под палящим августовским солнцем без воды всем была погибель, и майор Ушаков позаботился, чтобы солдаты запасли воду в свои фляжки и заполнили бидоны. Ушаков не испытывал ни волнения, ни страха перед сражением, хотя это был первый его бой. Он был сосредоточен и предельно собран и успел до немецкой атаки всё: обозначил репера, пристрелялся, наладил связь, разведка танкоопасные подходы к огненным позициям; предусмотрел, как будут подвозить снаряды; успел оборудовать наблюдательный пункт и замаскировать

его, чтобы с немецкой стороны не видно было солнечных зайчиков от стереотрубы. Единственное, чего не мог предугадать Ушаков,—как поведут себя его артиллеристы в бою, под немецким огнем, выдержат ли натиск танков, не оплошают ли?

62-я армия удерживала фронт по восточному берегу Дона. Частные попытки немцев переправиться через Дон отражались, крупномасштабных ударов немцы не предпринимали: они в это время заняты были перегруппировкой своих сил.

19 августа с рассвета немецкие пикировщики повисли над нашими позициями, не давая поднять головы, потом из-за Дона двинулись 14-й танковый и 51-й армейские корпуса.

Бои у Песковатки и Вертячего, на правом фланге 62-й армии, кипели непрерывно до 23 августа, и в этих боях полк Ушакова проявил себя наилучшим образом — надежно укрытые четыре десятка его могучих орудий были опорой пехоты, они расстреливали осатанело рвавшиеся из-за Дона немецкие танки, раскалывали крупную броню, сшибали башни, и танки вспыхивали ярким пламенем, когда в них рвались собственные боеприпасы, и чадили черными столбами, и все предполье перед нашими позициями утыкано было сгоревшими немецкими танками, а новые все наползали и наползали...

Немцы нащупали позиции полка, последовали огневые налеты, но Ушакову уходить было некуда: без него пехоте было не продержаться.

23 августа 14-й танковый корпус немцев прорвался в районе Вертячего, и, как писал много позже Г. К. Жуков, «...рассекая Сталинградскую оборону на две части, вышел к Волге в районе Латошинка—рынок. 62-я армия была отрезана от основных сил Сталинградского фронта, вследствие чего ее передали в состав Юго-Восточного фронта»*.

* Жуков Г. К. Назв. соч. Т. 2. С. 77.

В эти жуткие для нас дни немецкого торжества майор Ушаков головы не потерял и в панику не ударился. Он и его полк остались на позициях. По северному и южному фасу Сталинградской линии обороны бои шли у самой городской черты, а здесь, южнее Песковатки и Вертячего, у 62-й армии еще были силы, чтобы не пускать немцев к Сталинграду, и их не пускали и держались насмерть до 3 сентября, пока командование не отдало приказ нашей 62-й и 64-й армиям, чтобы избежать окружения, отступить на внутренний пояс обороны Сталинграда*.

III

В первые дни сентября 1942 года Ставка, кажется, уверилась, что у Сталинграда бои примут затяжной характер, и провела реорганизацию фронтов: Юго-Восточный переименовали в Сталинградский, и на две его армии, 62-ю и 64-ю, возложили задачу: удержать город. Бывший Сталинградский фронт переименован в Донской, он теперь, после прорыва немцев к Волге, нависал над немецким клином, и тут развернулись тяжелые для нас и для немцев бои: 24-я и 66-я наши армии, облегчая положение двух Сталинградских армий, упорно, хотя и безуспешно, штурмовали позиции 60-й и 3-й моторизованной немецких дивизий, развернувшихся фронтом на север. Ширина немецкого клина, отрезавшего 62-ю и 64-ю армии, была всего-то десять километров, но немецкие позиции проходили по возвышенности, немцы просматривали наше расположение и все передвижения наших войск и реагировали немедленно.

Ставка провела смену командующих фронтами: Донской фронт принял генерал Рокоссовский, с ним сюда же прибыл и его бессменный, с 1941 года командующий артиллерией генерал Казаков. Сталинградский фронт принял генерал Еременко.

* Германия во второй мировой войне. Т. 2. С. 345.

Казаков сумел доказать товарищам генералам Рокоссовскому и Еременко, что такой мощный огневой кулак, как тяжелый артиллерийский полк, целесообразнее использовать в условиях боя на открытом пространстве, где его слитная поражающая сила неимоверно велика, тогда как в условиях уличных боев в городе, с его каменными домами, перекрестками и закоулками эффективность огня значительно ниже. В результате полк майора Ушакова к середине сентября был выведен из подчинения 62-й армии, переправлен через Волгу на левый берег, затем его снова переправили на правый берег, повыше немецкого клина, и придали 24-й армии И. В. Галанина. Эта армия, упершись правым флангом в Дон, а левым — в железнодорожное полотно линии Сталинград—Иловля, то пыталась пробить брешь в Сталинград с севера, то отражала свирепые немецкие попытки расширить коридор.

Полк Ушакова занял позиции в районе разъезда 564 у станции Котлубань, и за две недели сентября этот разъезд переходил из рук в руки двадцать восемь раз. Тут я обязан дать слово самому Николаю Григорьевичу Ушакову о том ужасе, через который ему и его солдатам пришлось пройти — рассказ этот беру из статьи, подготовленной Ушаковым для газеты, но так и не увидевшей света:

«...Поле боя превратилось в кромешный ад. Горели подбитые нами танки, трупы не успевали убирать ни мы, ни немцы, воздух был отравлен трупным запахом, пахло жареным в танках человеческим мясом, копать в горящих танках, грохот от разрыва бомб и снарядов — все это страшно действовало на психику, и в этой обстановке мы даже не имели возможности оказывать первую помощь раненым бойцам и командирам; можно было слышать, особенно ночью, при сравнительном затишье... крики раненых, которые зывали о помощи или просили их добить. Люди со слабыми нервами сходили с ума...»*

* Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 2, с. 33—34.

Полк майора Ушакова в этих сентябрьских боях позиций практически не менял: как врылся в окаменевшую землю у разъезда 564, так и стоял — все попытки немцев продвинуться на север ни к чему не приводили, их отбрасывали беспощадным прицельным огнем всего полка. В одном из боев героически погиб старший лейтенант Алексей Сидоров, командир 4-й батареи. Его НП был выдвинут вперед, в боевые порядки пехоты, откуда он мог видеть немецкие позиции, и в один из дней, когда танки и пехота врага едва не прорвалась именно там, где был НП, Алексей вызвал огонь на себя, и Ушаков, зная, что Алексею от его залпов уцелеть будет невозможно, все же обрушил на его НП море огня...

Я снова привожу воспоминания Н. Г. Ушакова: «От паровоза, который продолжал стоять на разъезде, остался голый котел без наружной арматуры, и еще уцелели под ним колеса. Весь район разъезда был буквально завален трупами, здесь было попросту кладбище подбитых танков, танки буквально буксовали на трупах, не могли продвинуться и расстреливались артиллерией...»

В немалой степени ожесточенность боев, стремление наших и немцев удержать разъезд 564 в своих руках объяснялось тем обыденным обстоятельством, что именно здесь, в неглубоком овражке оказался единственный на всю округу колодец с питьевой водой. В те ночи, когда колодец владели мы, немцы его беспощадно обстреливали, не давая застаться водой, так что ходили туда только смельчаки-добровольцы: когда на какое-то время колодец захватывали немцы, Ушаков вел по овражку методический огонь... Потом, в какую-то из ночей, наши набрали воду спокойно, немцы часа два, заведомо зная, что у колодца русские солдаты, огня не вели. Потом наши отошли, а за водой спустились немцы, и по ним не стреляли, дали напиться и застались питьем на день. Как вспоминал позже Ушаков, «как-то сам собой утвердился неписанный договор... Об этом соглашении знали только мы, ни армейское, ни

фронтовое начальство не знало, а мы это соглашение держали в секрете».

Проработав в свое время много лет следователем КГБ, могу по этому поводу сказать, что Николай Григорьевич в 42-м году, соблюдая этот «неписанный договор» с немцами, весьма и весьма рисковал, ибо тогда, в дни ожесточеннейших боев, такого рода действия Ушакова военный трибунал наверняка расценил бы как «братание» с фашистами, что равнозначно было измене Родине, и приговор трибунала мог быть самым суровым: разжалование и штрафбаты, смывать позор предательства собственной кровью. Не думаю, чтобы майор Ушаков не представлял себе всей опасности, но, видимо, было в его душе убеждение, что важнее — даже ценой негласного перемирия — купить для солдат бесценную воду, чем думать о риске лично для себя, тем более, что с рассветом «перемирия» вновь сменялось беспощадными боями.

22 сентября, в очередном бою немецкий снаряд разорвался за НП Ушакова, совсем близко, крохотный горячий кусочек металла распорол гимнастерку, прочертил на спине кровавый след...

Николай Григорьевич о своем ранении начальству докладывать не стал, повязку ему наложили в полковой санчасти, и сутки спустя он, неповоротливый под едва затянутой портупеей, снова явился на свой наблюдательный пункт...

IV

На рубеже лета и осени 1942 года в немецком верховном командовании вновь возникли острые разногласия и в оценке военного положения, и по планам дальнейших операций.

По мнению Гитлера летняя кампания привела к великой победе, удалось захватить такие важные районы, как Донбасс и Кубань, выйти на северный Кавказ, пробиться

к Волге. Гитлер настаивал на продолжении боев с тем, чтобы взять Сталинград полностью и захватить Закавказье. Правда, о прыжке через Каспий, в Туркестан, теперь не было речи, хотя в немецких тылах стоял наготове «Туркестанский легион», набранный из советских военнопленных (Гитлер еще прежде объявил, что туркмены — «арийцы Азии»).

Однако начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер уже в августе начал провозглашать «сдержанный пессимизм» по поводу возможности достичь поставленных целей. Засомневались и командующие армейскими группами «А» и «В».

Гитлер отстранил от командования того и другого: фон Бока 15 июля, Листа — 10 сентября; 24 сентября дошла очередь и до Гальдера, которого сменил генерал пехоты Цейтцлер. И все же оперативный приказ ОКХ № 1 от 14 октября был не о продолжении наступления, а о переходе к обороне: от немецких войск теперь требовали «безусловно удерживать ту линию фронта и те позиции, которые войска достигли». Убеждение в близком падении Сталинграда было в ОКХ столь велико, что командующему 6-й армией генерал-полковнику Паулюсу было приказано представить к 25 ноября проект специального ордена «Нагрудный знак в память о Сталинграде»*.

В октябре, когда фронт стабилизировался и подготовка нашего контрнаступления у Сталинграда была в полном разгаре, когда к фронту непрерывным потоком двигались по ночам пехота, танки и артиллерия, полк Ушакова забрали у 24-й армии и перебросили в 21-ю, на правый фланг Донского фронта**. Здесь планировался главный удар силами трех армий Юго-Западного фронта — им командо-

* Германия во второй мировой войне. Т. 2. С. 352.

** 21-я армия в ходе нашего наступления то действовала в составе Юго-Западного фронта, то возвращалась в состав Донского фронта.

вал генерал Ватутин. Наша Ставка считала, что стоявшая против нас на этом участке фронта румынская армия удара не выдержит, и советские войска с севера прорвутся к Калачу. Туда же, к Калачу, с юга должны были выйти войска Сталинградского фронта—в огромное кольцо должны были попасть обе немецкие армии, увязшие в Сталинграде, в бесконечных уличных боях—6-я полевая и 4-я танковая.

Ушаков за три месяца боев убедился, что такой полк, как у него, вполне в состоянии выдержать любую танковую атаку немцев, что люди у него ни в каких передрягах не растеряются, орудий не бросят и с линии огня не побегут; был в сентябре даже случай, когда немецкая пехота прорвалась к огненным позициям полка, и артиллеристы схватились с автоматчиками врукопашную,—всех, кто прорвался, тут и положили...

Но теперь полку предстояло наступать, и майор Ушаков должен был предусмотреть действия трех своих дивизионов на всех этапах боя, согласовать их с начальством 51-й гвардейской дивизии, которой был придан на этот раз.

У противника на этом участке, у станции Клетская, была мощная оборонительная полоса, и Ушаков посчитал, что за оставшиеся до наступления недели он обязан разведать систему обороны. На передовые позиции пехоты были высланы наблюдатели, в тыл к немцам пошли добровольцы-разведчики, и Ушаков по утрам, когда после ночных поисков его люди возвращались, наносил на карту позиции немецких батарей. Всего у Клетской их оказалось пятнадцать. Он их все и расстрелял в первые тридцать минут артподготовки.*

Что есть артиллерийское наступление?

В «Боевом уставе пехоты» 1942 года сказано: «Артиллерийское наступление заключается в непрерывной под-

* Отзыв о боевой деятельности 1166 ПАП РГК от 27.02.43 г. Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 1, л. 3.

держке пехоты массированным действительным огнем артиллерии и минометов в течение всего периода наступления. Артиллерийский и минометный огонь должен вести за собой пехоту и танки в атаку от одного объекта обороны к другому». Для Ушакова же эти строчки из устава на практике означали—по мере продвижения пехоты от одной траншеи к другой—перенос огня, затем и смена огневых позиций, но такая смена, чтобы огонь орудий не ослаб; значит, два дивизиона бьют по врагу, один в движении; значит, тягачи на ходу всегда, и горючее запасено, и машины со снарядами наготове; на передвижение каждого дивизиона свой график, куда и когда двигаться, хотя бы на первые двое суток боя. Южнее Клетской у противника оборудована промежуточная позиция у Селиваново, от нее наши армии будут отклоняться все более влево, на восток, к Верхне-Бузиновке, что на речке Лиска, и как тут развернутся дела, заранее предусмотреть было невозможно. Но если немцы станут контратаковать танками, то Ушаков должен будет вывернуться наизнанку, но занять огневые позиции до того, как танки начнут бой...

За неделю до начала нашего наступления Ушаков собрал комсостав полка, сказал: в оборонительных боях у Котлубани полк проявил себя достойно, думаю, и в наступлении чести своей не уроним. Хочу разобрать, как штаб полка планирует артиллерийское наступление. Запишите...

V

19 ноября, когда началось наше контрнаступление под Сталинградом, день был пасмурный и туманный, ввести в дело авиацию никакой возможности не было, и вся тяжесть прорыва немецких позиций легла на артиллерию.

В первые же часы боя полк Ушакова свое дело сделал—расчистил путь батальонам 51-й гвардейской дивизии, пехота вместе с танками 4-го нашего корпуса устремилась на юг.

В полдень полк Ушакова был у Селиванова, притом поспел как нельзя более вовремя: наши танки натолкнулись на огневые позиции немецкой тяжелой артиллерии и Ушаков с ходу врезался в бой. Чтобы свои орудия привести из походного положения в боевое, времени Ушакову не было отведено вовсе, бой наших танков с немецкой артиллерией уже кипел. Ушаков и его люди работали в таком порыве, что минуты спустя после выхода к Селиваново грохнул первый пристрелочный залп, после третьего Ушаков понял, что накрыл огневые позиции немцев, и перешел на поражение. В отъезде замкомандира 51-й гвардейской дивизии гвардии полковника Бобровникова об этом бое сказано только: «В районе Селиваново (Ушаков) поддержал танковый бой с артиллерией противника и обеспечил победу наших танков».

«Обеспечил победу»—значит, своим артогнем разбил, расстрелял вражеские орудия, и танки пошли дальше и, догоняя их, двинулись тягачи с пушками...

У Верхне-Бузиновки располагалась в резерве 14-я немецкая танковая дивизия. 21 ноября эта дивизия попыталась остановить наше наступление. Полк майора Ушакова еще предыдущей ночью вышел к станции Свечниковской, там развернулся на огневых позициях и с утра нанес по немцам несколько ударов, затем пошли вперед наши танки и пехота, и противник стал поспешно отходить к Сталинграду...

К началу русского наступления штаб 6-й армии находился в Голубинской, на западном берегу Дона. На север отсюда линия фронта отстояла километров на шестьдесят, на юг—девятьюсто. С начала русского прорыва в штаб армии непрерывно поступали тревожные донесения, однако генерал-полковник Паулюс не сразу уяснил себе масштабы надвигающейся катастрофы. К вечеру стало ясно, что прорвавшиеся с севера советские войска продвинулись на тридцать пять километров, и Паулюс приказал раз-

вернуть северный фронт своей армии на запад, чтобы прикрыть собственные тылы.

21 ноября Паулюсу стало ясно, что русское наступление грозит окружением всей армии, русские танки появились в тот день всего в двадцати километрах южнее Голубинской. Штаб 6-й армии был немедленно переброшен в Нижне-Чирскую. Паулюс запросил у штаба армейской группы «В» разрешения: оставить Сталинград, отвести войска армии на линию рек Чир—Дон. 22 ноября Паулюс перешел в образующийся котел на новый командный пункт в Гумраке, чтобы отсюда руководить действиями армии.

В юго-западную часть котла он стянул три дивизии, 14-ю танковую, а также 3-ю и 29-ю моторизованные, этими силами он хотел 25—26 ноября нанести удар на юго-запад и проложить дорогу остальным своим войскам, пока русские не укрепили внутреннего и внешнего кольца окружения.

Генерал Цейтлер с предложениями Паулюса был вполне согласен, однако сам он решения принять не мог. 22 ноября Гитлер провел совещание с шефом ОКВ, генерал-фельдмаршалом Кейтелем и начальником генштаба ОКВ генерал-фельдмаршалом Йодлем. Гитлер отклонил все предложения вывести 6-ю армию за Дон: он считал, что такой отход нарушит устойчивость всего фронта, что до дальнейшей судьбы 6-й армии, то Гитлер решил деблокировать ее ударом с юга. Эту операцию должен был провести генерал-полковник Гот из района Котельниково. В распоряжение Гота была передана та часть 4-й танковой армии, которая оказалась вне кольца окружения, и еще десять дивизий, среди них четыре танковые.

В этом ударе решено было испытать и впервые прибывшие на фронт особомощные танки «Тигр». Их было немного, всего одна рота, но на них возлагались особые надежды*.

* Германия во второй мировой войне. Т. 3. С. 42.

12 декабря Гот начал наступление из района Котельниково против 51-й нашей армии. За неделю ожесточенных боев пробился в сторону окруженной армии Паулюса на сорок километров, но на замерзшей реке Мышкова его остановила переброшенная сюда 2-я Гвардейская армия генерала Малиновского, и дальше танковые дивизии Гота продвинуться не смогли.

VI

К 10 декабря 1942 года 51-й Гвардейский корпус генерал-майора Товаркиладзе вышел к Песковатке, и здесь же, у Песковатки, майор Ушаков поставил на огневые позиции свой полк. До Сталинграда оставалось всего ничего, не более тридцати километров.

1 января 1943 года Ставка распорядилась объединить войска Донского и Сталинградского фронтов в один, Донской, командовать которым было поручено Рокоссовскому, и вплоть до 10 января шла лихорадочная подготовка к разгрому окруженных немцев: из резерва подтягивались танковые части и артиллерия, подвозились ящики с боеприпасами. По ночам наша артиллерия проводила огневые беспокоящие налеты: Ставка требовала «не давать врагу передышки ни днем, ни ночью».

6 января генерал Воронов, представитель Ставки на Донском фронте, и Рокоссовский направили Паулюсу ультиматум с требованием о полной капитуляции—документ этот хорошо известен, он много раз цитировался, пересказывать его нет надобности. Лишь на один пункт нам надо обратить внимание: «Мы ожидаем ваш письменный ответ 9 января 1943 года в 15 часов московского времени через уполномоченного Вами представителя, который должен прибыть в легковой автомашине с белым флагом по шоссе развилки Конный к станции Котлубань»*.

* Германия во второй мировой войне. Т. 3. С. 56—57.

Котлубань—это была та самая Котлубань, за которую в сентябре-октябре шла ожесточенная борьба и которую немцам не отдали.

Как известно, обе наши попытки склонить Паулюса и его армию к капитуляции ничего не дали, немцы хотя и понимали всю безвыходность своего положения, но сама мысль о капитуляции была для них непереносимой.

10 января в 8 часов 05 минут на фронте наших 65-й и 21-й армий земля вздрогнула от одновременного залпа семи тысяч орудий и минометов*. Над немецкими позициями забушевало сплошное море огня. Здесь, у Дмитриевки и Карповки, немецкие позиции далее всего выдавались на запад, здесь и всего удобнее было бы для немцев прорваться, потому Рокоссовский желал срезать этот выступ.

Немцы сопротивлялись упорно, лишь на третьи сутки боев обе наши армии продвинулись к реке Россошка.

Артиллерийский полк Ушакова в этих жесточайших боях сыграл не последнюю роль.

Переживший катастрофу 6-й немецкой армии офицер разведки Иоахим Видер рассказал о том, что творилось на немецких позициях в те январские дни: «Мариновскому выступу предназначалась роль плацдарма для прорыва. Однако после крушения всех этих планов командование не выровняло фронт... Теперь же продвигающиеся ударные клинья русских грозили со дня на день попросту отрезать «Мариновский выступ». И тут-то штаб армии отдал один из немногих своих приказов об оставлении занимаемых позиций... Русские, двигаясь по пятам наших поспешно отступающих частей, которые бросали большую часть своей боевой техники и снаряжения, ворвались в «котел», и никакая сила не могла их удержать».**

15 января Рокоссовский перенес направление главного удара в полосу наступления 21-й армии генерала Чистя-

* Германия во второй мировой войне. Т. 3. С. 54.

** Видер И. Катастрофа на Волге. М.: Прогресс, 1965. С. 93—94.

кова, его корпуса нацелились прямо на запад, на Воропоново. На Питомник, где немцы оборудовали аэродром и тыловую базу, наступала 65-я армия, потому что захват аэродрома с большой взлетной полосой практически лишил армию Паулюса возможности принимать тяжелые «Юнкерсы» с продовольствием и боеприпасами.

Сутки спустя, 16 января, войсками 65-й армии Питомник был взят. 21-я армия взяла Воропоново. В этот же день Ушаков снова был ранен, на этот раз в ногу, и снова полк не оставил, из боя не вышел: все последние дни Сталинградской операции он сам командовал полком.

Утром 26 января 51-я и 52-я стрелковые дивизии 21-й армии бросились в атаку без артподготовки и после короткого боя в районе поселка Красный Октябрь и Мамаева кургана соединились наконец с дивизиями наступавшей из города 62-й армии Чуйкова. Немецкий котел оказался разрезан на две части.

28 января Ушакова вызвал к телефону командующий артиллерией 51-й дивизии, гвардии полковник Бобровников, спросил весело: как нога, плясать можешь?

Ушаков ответил осторожно: смогу, если не вприсядку...

— Ладно, Николай Григорьевич, плясать или не плясать—дело твое, а мое дело тебя поздравить и получить с тебя законный магарыч! Поздравляю! Тебе присвоено звание подполковника. Говорят, скоро перейдем на новые знаки различия, будешь носить погон штаб-офицера, с двумя просветами и двумя звездочками, а пока суд да дело, прикажи адъютанту, чтобы привинтил к петлицам третью шпалу!

Утром 31 января Паулюс получил радиogramму Гитлера: Паулюсу присваивалось звание генерал-фельдмаршала, а в истории Германии еще не было случая, чтобы генерал-фельдмаршал сдавался в плен. Паулюс понял: от него ждут, чтобы он покончил с собой. Его оплатят Германия, как и всю 6-ю армию, которую три месяца назад, в

ноябре, можно было спасти и которая теперь агонизировала...

Паулюс решил разделить участь десятков тысяч своих солдат, которым предстоял плен, и выбрал капитуляцию.

Вечером 2 февраля появились немецкие самолеты, чтобы удостовериться, идут ли еще бои в Сталинграде. Вот донесение летчиков: «Опознать расположение «котла» больше невозможно. Артиллерийский огонь не наблюдается. С северо-востока к берегу Волги, в район старого «котла» движется колонна врага, голова колонны в районе прежнего сброса. Вокруг прежнего «котла» сильный зенитный огонь. Наблюдается беспорядочная стрельба красными и белыми ракетами»*.

Теперь, когда бои в Сталинграде закончились, полк Ушакова из 21-й армии должны были то ли вывести в резерв Донского фронта, то ли перебросить на запад, на линию внешнего кольца, а куда именно—Ушакову было неизвестно, но, прощаясь с ним, начальник артиллерии 51-й дивизии полковник Бобровников протянул бумагу: «Вот тебе, Николай Григорьевич, от дивизии великая благодарность, мы тебя представили к ордену Александра Невского, а твой полк—к ордену Боевого Красного Знамени»**.

Но, как обычно бывает, командование Донского фронта рассудило по-своему. Оказалось, что генерал Казаков, командующий артиллерией фронта, внимательно присматривался к командирам артиллерийских частей, к их действиям, и полк Ушакова произвел самое лучшее впечатление: решения командира оказались в высшей степени грамотными, боевая стрельба эффективной, потери—при всем ожесточении боев—минимальными. Этот майор, призванный в армию из запаса, закончивший Томскую артишколу в давнем 1923 году, оказался прирожденным офицером, талантливым артиллеристом, и полк он сам сформировал,

* Германия во второй мировой войне. Т. 3. С. 60.

** Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 1, л. 3.

и выучил, и ввел в дело. Вот тут, 1 февраля, и поступило представление командующего 21-й армией генерала Чистякова—генерал считал, что майор Ушаков достоин ордена Боевого Красного Знамени, и Казаков это представление не только поддержал, но и от себя добавил: а весь полк за грамотные действия, за великую самоотверженность в боях следует преобразовать в гвардейский*.

Приказ по Донскому фронту о награждении подполковника Н. Г. Ушакова за № 115/Н от 16 февраля подписан генерал-полковником Рокоссовским—первый орден Николая Григорьевича.

КУРСКАЯ ДУГА

Не дальнейшее продвижение в русском пространстве, а сохранение и использование той части этого пространства, которое немецкие войска и войска союзников вырвали из рук большевизма — вот суть проблемы.

Из речи д-ра И. Геббельса в Берлинском дворце спорта 5 июня 1943 года

15 апреля Гитлер принял регента Венгрии, адмирала Миклоша Хорти, и в беседе с ним заявил: «Могут сказать, что на Востоке следовало бы перейти к обороне, но это привело бы лишь к тому, что в значительной мере разгромленные большевики смогли бы восстановить силы»**.

К тому времени ОКХ уже издало оперативный приказ № 5, в котором заложена была идея крупного наступления на востоке. Наиболее подходящим для него был избран участок так называемой «Курской дуги», где немец-

* Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 1, л. 4.

** Германия во второй мировой войне. Т. 4. С. 519.

ким войскам предоставлялась возможность применить свой традиционный и излюбленный прием: ударом мощных подвижных соединений прорвать севернее и южнее Курска русскую оборону, сомкнуть клещи глубоко в тылу и полностью разгромить окруженные советские войска.

31 марта Гитлер присвоил этой операции кодовое наименование «Цитадель». В случае успеха на вторую половину лета планировалась еще одна операция, в районе Ленинграда.

Концентрацию ударных войск по мнению ОКХ следовало завершить к середине апреля, чтобы перейти в наступление сразу по окончании периода распутицы.

20 апреля командование группы армий «Юг» издало свой приказ № 1 к директиве—«Цитадель», в котором дана оценка противостоящим советским войскам: «Враг занимает позиции в районе Волчанск—Короча—Тим—Ма-лоархангельск—Севск—Рыльск—Краснополье, в составе ста пятнадцати соединений (сорок шесть на фронте, тридцать одно в ближнем тылу, примерно семь танковых и два кавалерийских корпуса в резерве), три других соединения на подходе... Если бы противник стянул все находящиеся перед фронтом группы армий подвижные резервы против атакующего крыла 4-й танковой армии, то в бой вступят: в первый и второй день пять танковых и один кавалерийский корпуса; на третий день три танковых и один механизированный корпуса; на четвертый день—один механизированный и один кавалерийский корпуса; на пятый и шестой день—три механизированных, три кавалерийских корпуса...»*.

Однако последующие события показали, что немецкое командование, просчитывая возможности Красной Армии выдержать таранный танковый удар, даже близко не подошли к реальной оценке тех сил, которые были собраны здесь Ставкой...

* Германия во второй мировой войне. Т. 3. С. 526.

Советская разведка, как это было и два года, и год назад, планы немецкого командования раскрыла своевременно.

Работавшая в Швейцарии группа венгерского коммуниста Шандора Радо, имевшая доступ в самые верхние эшелоны гитлеровского руководства, еще 8 апреля 1943 года, когда в генштабе ОКХ только готовили директиву № 6, сообщила: «Расхождение во мнениях между ОКВ и ОКХ устранены предварительным решением предпринять наступление на Курск до начала мая...

Однако Манштейн заявил, что не сможет удержать южный фланг и Харьков в условиях, когда Красная армия обладает столь обширным плацдармом, как Курский выступ»*.

27 мая Радо сообщил: «1. До 20 мая группы армий Клюге и Манштейна предпримут все подготовительные меры, чтобы ввести в действие моторизованные и танковые части второй линии и придвинуть к фронту; к 1 июня все части стоят наготове на исходных позициях. 2. ОКВ планирует на первые дни июня наступление с ограниченными целями на южном участке советско-германского фронта. С помощью наступления хотят доказать, что германское командование положением на западе не обеспокоено и что Советский Союз пока все еще воюет один. Кроме того, ОКВ стремится к военному успеху, чтобы пробудить мужество в германской армии и в немецком народе»**.

На эти разведанные наложилась та огромная информация, которая текла в Ставку от партизан, от фронтовой разведки и от авиационной разведки. 8 апреля, т. е. в тот самый день, когда первая радиограмма Шандора Радо о наступлении на Курск поступила в разведывательное уп-

*Германия во второй мировой войне. Т. 3. С. 546.

** Там же. С. 546—547.

равление генштаба, Г. К. Жуков как представитель Ставки на Курской дуге доложил Сталину свой анализ предстоящего сражения: «...видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до тринадцати-четыренадцати танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей Орловско-Кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и Белгородско-Харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока»*.

Жуков просчитал и второй, и третий этап сражения, которое готовили немцы на Курской дуге, он считал, что нам не следует начинать сражение раньше, чем немцы перейдут в наступление: наоборот, надо встретить немецкие танки на рубежах обороны, перемолоть атакующие танковые дивизии артогнем, бомбовыми ударами с воздуха и лишь потом нанести мощные контрудары...**.

После длительных обсуждений в генштабе и Ставке предложение Г. К. Жукова было принято и облечено в форму приказа, по которому весь май и июнь действовали Центральный и Воронежский, а также придвинутый сюда Степной фронты.

В мае Жуков, наблюдавший по поручению Ставки за подготовкой обороны по северному и южному фасу Курской дуги, доложил в Москву: «Оборона 13-й и 70-й наших армий организована правильно и глубоко эшелонирована. Оборона 48-й армии организована жидко и с очень слабой артиллерийской плотностью, и если противник ударит по армии Романенко и вздумает обойти Малоархангельск с востока, с целью обхода главной группировки Костина, то Романенко не сможет сдержать удара противника... Я считаю, Романенко надо усилить за счет резерва Ставки двумя стрелковыми дивизиями, тремя танковы-

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1974. Т. 2. С. 140.

** Жуков Г. К. Назв. соч. Т. 2. С. 141.

ми полками Т-34, двумя ИПТАП и двумя минометными или артиллерийскими полками РКК. Если это будет дано Романенко, то он сможет организовать хорошую оборону и, если будет нужно, может плотной группировкой перейти в наступление»*.

III

После окончания боев в Сталинграде фронт генерала Рокоссовского был переименован в Центральный, войска фронта, 21-я и 65-я армии, перемещались в район Ельца. Сюда же из резерва Ставки перебрасывались 2-я танковая и 70-я особая армии. Не успев полностью развернуть все свои части, Рокоссовский в конце февраля вынужден был по приказу Ставки начать наступление на Севск и Лютеж, цель была—во взаимодействии с войсками Брянского и Западного фронтов разгромить Орловскую группировку немцев, но, как пишет К. Рокоссовский, «предпринимая столь грандиозную операцию... Ставка, по-видимому, кое-что недоучла...»**

В день, когда Рокоссовский начал наступление, его 21-я армия только приступила к выгрузке в районе Ельца, тылы же застряли еще под Сталинградом. Вскоре фронт был вынужден наступление прекратить и перейти к обороне.

Там, под Сталинградом, где застряли тылы 21-й армии, до марта оставался и артиллерийский полк Николая Григорьевича Ушакова: шло переформирование.

За мужество в боях 1166-й пушечно-артиллерийский полк был переименован в 205-й гвардейский и включен в состав 1-й гвардейской артиллерийской дивизии РКК.

Но в апреле, когда дивизия наконец прибыла в распоряжение Рокоссовского и поставлена была на огневые по-

* Жуков Г. К. Назв. соч. Т. 2. С. 159.

** Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1972. С. 196.

зиции для поддержки 70-й особой армии, подполковник Н. Г. Ушаков сдал свой 205-й гвардейский полк и принял бригаду—1-ю гвардейскую истребительно-противотанковую, и генерал В. И. Казаков, командующий артиллерией фронта, до начала боев успел перебросить эту бригаду из 70-й армии в 13-ю, на правый ее фланг, на усиление стыка с 48-й армией. Перебросил на всякий случай, но памятуя, что у Жукова острый глаз и что его рекомендациями пренебрегать не следует, даже если они не облечены в форму прямого приказа.

Бригада Ушакова стала на позиции на том самом участке фронта в районе Малоархангельска, который в приказе Гитлера «Цитадель» в пункте 4 обозначен был как место нанесения удара и прорыва нашего фронта.

Николай Григорьевич получил бригаду—три полка, вооружены они были новыми пушками образца 1943 года, калибр их—57 мм. В первый же день как принял бригаду, он осмотрел орудия: по сравнению с его прежними могучими орудиями эти выглядели игрушечными.

Однако эти «игрушки» пробивали броню немецких танков при угле встречи 90 градусов толщиной 106 миллиметров с расстояния полкилометра и толщиной 96 миллиметров с расстояния километр.

В полках бригады не было дивизионного построения, полк—6 батарей, в каждой по 4 орудия, и всего у Николай Григорьевича было теперь 72 маневренных, легких на ходу противотанковых пушки. И была в этих орудиях еще одна особенность, для Николая Григорьевича немаловажная: основной способ уничтожения немецких танков—стрельба прямой наводкой с открытых позиций, с учетом того, как складывается бой на данном участке и в данную минуту, и потому в центр боя выдвигается командир полка, его смелость и его умение организовать огонь. За командиром бригады остается общее руководство боем...

Генерал Казаков дал по артиллерийским частям ориентировку: в предстоящем сражении немцы используют но-

вые танки Т-V «Пантера» и Т-VI «Тигр», лобовая броня у них от 80 до 100 мм, наши противотанковые пушки старого образца калибра 45 мм такую броню не возьмут. Ушаков тогда подумал—а какая у этого зверинца бортовая броня? Наверняка меньше лобовой... Собрал командиров полков, объяснил: ставьте батареи с таким расчетом, чтобы одна вела огонь по фронту, вызывая немцев на себя, две другие в любом случае могли бы вести огонь по бортам. Если «Тигр» пойдет на батарею перед собой, он борта неизбежно подставит...

IV

Сражение на северном фасе Курской дуги началось совсем не так, как планировал генерал-фельдмаршал фон Клюге: за два часа до начала немецкого наступления Рокоссовский приказал Казакову открыть упреждающий огонь. Казаков подал команду, и шестьсот орудий и реактивных установок нанесли огневой удар по изготовившимся к атаке немецким танкам и пехоте, притом противотанковые наши артполки, и бригада Ушакова в том числе, огня не вели, чтобы преждевременно не демаскировать себя.

Огонь над немецкими позициями бушевал всего 30 минут, от него понесла потери артиллерия, связь оказалась во многих местах разрушенной, пострадала система управления войсками.

Лишь около 6 часов утра немцы пришли в себя от потрясения и атаковали нашу 13-ю армию по всему ее фронту; попали под удар и правый фланг 70-й, и левый фланг 48-й армий. Ширина немецкого наступления была всего 45 километров, это был яростный натиск сотен танков и штурмовых орудий одновременно, тоторый, казалось, должен смести со своего пути все живое.

41-й корпус немцев тремя своими дивизиями (одна танковая, две пехотные) ринулись к узкой полосе южнее

Тросны, в направлении Малоархангельска, встык между нашими армиями, 13-й и 48-й, и встречен был плотным артиллерийским огнем.

Пауль Карэл писал позже о первом дне наступления 41-го корпуса: «...«тиграм» и «фердинандам», проносающимся с ревом, не удается привести в состояние паники русскую пехоту. Русские пехотинцы в своих хорошо устроенных стрелковых укрытиях спокойно позволяют танкам проехать над собой и затем возобновляют бой со следующими за танками гренадерами. Так выходит, что сражение бушует там, где по мнению вырвавшихся вперед танкистов давно одержана победа.

Танки и штурмовые орудия должны возвращаться, чтобы помочь гренадерам. И снова вперед. И снова назад. К вечеру гренадеры обессилели. Танки и штурмовые орудия—без горючего. Но и те и другие завязли в глубине советской обороны.

Батальоны и полки доносят: «Дело идет... тяжело, идет с трудом. Бой кровавый и обильный на потери...»

И еще доносят единогласно командиры: «Русские нигде не захвачены врасплох... Совершенно очевидно, что они ждали нападения»*.

К исходу первого, самого тяжелого для нас дня немецкого наступления, когда немцы обрушились на позиции всеми своими силами, на Малоархангельском направлении пехота и артиллерия была вынуждена отойти на тыловые позиции, и с этих позиций 41-й корпус ни нашу пехоту, ни артиллерию столкнуть уже не смог.

К 8 июля, на третьи сутки наступления, 9-я армия Моделя потеряла десять тысяч человек**, перед артиллерийской бригадой Н. Г. Ушакова поле было утыкано сожженными «тиграми» и «фердинандами». Расчет Ушакова—

* Цит. по кн.: Кардашов В. 5 июля 1943 г. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 105.

** Германия во второй мировой войне. Т. 3. С. 559.

поражать бортовую броню—оказался правильным, противотанковые длинноствольные пушки прошивали борта немецких танков, главное при этом было выбрать правильную позицию и не подставлять самих себя под огонь танковых орудий и под гусеницы.

Главный удар 9-я армия немцев наносила юго-восточнее, на Поньры и Ольховатку, но и здесь продвижение было минимальным, прорвать советский фронт не удалось.

9 июля генерал Модель доложил командующему группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалу фон Клюге свои соображения: количество танков уменьшилось, живой силы недостаточно, танкисты и grenадеры не обладают достаточным опытом борьбы с новой тактикой русских; цели надо ставить самые ближние, захваченные у русских позиции следует немедленно переоборудовать и укрепить и только после этого, после тщательной подготовки, продолжать наступление. Модель полагал, что при этих условиях он через четыре—пять дней сможет прорвать русские позиции между Ольховаткой и станцией Поньры, где наступал его 47-й танковый корпус, и двинуться на Курск*.

10 июля бои на этих двух направлениях, Ольховатка и Малоархангельск, возобновились с новым ожесточением, но теперь советские войска не просто отбивали натиск—Рокоссовский предпринял несколько коротких контрударов, немцев отбросили, и на следующий день, 11 июля, наступление 9-й армии практически прекратилось. Правда, Модель все еще требовал наступать, однако командующий 47-м танковым корпусом Лемельзен приказ отклонил, как невыполнимый: силы противостоящих советских частей слишком велики, ударная мощь корпуса ослаблена поражениями в дни предыдущих боев.

Модель настаивал: наступать! Но вечером 11 июля все дивизии 9-й армии были контратакованы советскими войсками и вынуждены перейти к обороне...

* Германия во второй мировой войне. Т. 3. С. 559.

Командование 1-й гвардейской артиллерийской дивизией затребовало боевую характеристику на Ушакова, и заместитель Николая Григорьевича, гвардии подполковник Керп написал: «Гвардии подполковник Ушаков Н. Г. дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным, морально устойчив, идеологически выдержан. На фронте борьбы с немецкими оккупантами проявил себя стойким защитником Социалистического Отечества. За умелое руководство полком и проявленное мужество в боях по разгрому немецких войск под Сталинградом Правительством награжден орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Сталинграда».

В боях с немецкими войсками на Орловско-Курском направлении гвардии подполковник Ушаков снова проявил образцы отваги и героизма. Представлен к ордену Отечественной войны II степени. Обладает командирскими и волевыми навыками, организаторскими способностями*.

Гвардии подполковник Керп и принял от Ушакова артиллерию бригаду—Ушаков стал командовать другой бригадой, 3-й гвардейской легкоартиллерийской. Теперь у него было тоже три полка, сто орудий, калибр 76 мм, или по-старому трехдюймовки, но это были новые пушки образца 1942 года.

12 июля войска Брянского фронта начали наступление на Орловском выступе, на другой же день прорвали фронт 2-й танковой армии и продвинулись в район Моховое и Болхов. Фон Клюге именно этого опасался еще до начала сражения на Курской дуге: в случае успеха советские войска выходили с севера прямо в тыл 9-й армии Моделя.

По корпусам 9-й армии отдан был приказ: наступление прекратить; часть дивизий с тяжелой артиллерией и штурмовыми орудиями передать во 2-ю танковую армию; захваченные позиции удерживать любой ценой**.

* Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 1, л. 6.

** Германия во второй мировой войне. Т. 3. С. 560.

Гитлер сместил командующего 2-й танковой армией генерала Шмидта и вместо него назначил все того же Моделя, уверенный, что Модель остановит наступление русских войск. Орловская группировка немцев, получив дополнительно 17 дивизий, оказала наступающим войскам Брянского и Западного фронтов упорнейшее сопротивление, контратаки танков и пехоты следовали одна за другой. Ожесточенные бои шли 13 и 14 июля, а 15-го с утра, после короткой, но мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление те самые четыре армии Центрального фронта, которые с 5 июля стойко отражали немецкие удары, и среди них 13-я армия. Наступление шло на северо-запад, в сторону города Кромы. В первый же день боев немцев отбросили на те их позиции, с которых они 5 июля начинали свое наступление.

Все, что можно было, немцы ввели в бой, но сдержать наши части оказались не в силах.

К обеду 16 июля передовые батальоны, наступавшие у Малой Тросны, ворвались в первую линию немецких траншей, с пехотой продвигались танки; Ушаков приказал полкам сняться с позиций и—вперед! бить по врагу прямой наводкой! двигаться вслед за пехотой, не отставать! подавить узлы сопротивления!

Убедившись, что полки пошли, он ринулся вперед, на новый НП. С ним бежали по сожженной, перепаханной снарядами взрывами, перекорезанной гусеницами танков земле офицеры штаба и взвод разведки. Немецкий артолет настиг Ушакова и его людей, когда до захваченных траншей оставалось метров 50—60. Всех накрыло горячей волной, разметало, оглушило... Ушаков очнулся сразу же—он не ощущал боли, но не было кончиков пальцев на правой руке! Это было глупо, это было бессмысленно! Шел бой, и он не имел права оставить свои полки! Приказал поднявшемуся адъютанту: «Помоги унять кровь! наложи повязку!»

Возня с повязкой длилась минуты три—подтянутая к

шее рука вдруг заняла, ее стало рвать, но Ушаков скомандовал тем, кто уцелел,—встали! бегом!

Новый удар настиг их полминуты спустя, когда до немецких траншей оставалось не более двадцати метров. Ушакову снова обожгло правую руку, жаркая, удушающая волна бросила его на землю.

Солдаты бережно, не обращая внимания на немецкий огонь, донесли Ушакова до захваченных траншей; кто-то бросил на дно вещмешок, и Ушакова уложили на него головой. Он был без сознания, правую руку теперь оторвало по локоть, и солдаты старательно бинтовали культю, чтобы товарищ подполковник не изощел кровью: вынести его с поля боя сейчас, сразу, не было никакой возможности...

К вечеру Ушакова доставили в село Михайловку, под Курском, где расположился в те дни 85-й полевой госпиталь, немедленно уложили на операционный стол.

Женщина-хирург потом два месяца выхаживала его, чтобы спасти от гангрены, руку пришлось отнять почти по плечо, но ему спасли жизнь. Две недели спустя Николай Григорьевич пришел в себя настолько, что при очередном обходе спросил: «Как думаете, доктор, скоро ли я смогу вернуться на службу?»

Изумление военврача было безмерно—как в строй? Демобилизация, полная отставка—вот что вас ждет! Об этом и не помышляйте! Еще не хватало—безруких калек отправлять на фронт! Но она не знала, каким характером, какой волей был наделен подполковник Ушаков. Наверное, он тогда и сам не все о себе знал, ибо после столь жестоких слов засомневался: может, и правда отвоевался?

Сюда, в госпиталь, Ушакову прислали документ, прочитав который, Николай Григорьевич разволновался: это было обращение командования и политотдела 1-й гвардейской артиллерийской дивизии ко всем солдатам и офи-

церам: «Несколько дней тому назад фашисты пролили кровь двух командиров нашего соединения. Это наши лучшие люди, они вели бесстрашно нас в бой, они ковали нашу победу вместе с нами. Это товарищ Ушаков и Грехов. За их пролитую кровь фашистам... пусть прольются реки черной фашистской крови... пусть слово гвардейца-артиллериста будет гвардейской клятвой, что там, где гвардейцы-УШАКОВЦЫ, враг не пройдет и не уйдет от суровой мести! Добьемся, чтобы в наступательных боях товарищ Сталин сказал—отлично! Отомстим извергам за кровь наших товарищей и страдания нашего народа! Вперед, товарищи! Смерть немецким оккупантам!»*

Дата на обращении стояла «21 июля». В этот день, кажется, сознание еще к нему не вернулось...

24 июля по представлению дивизии Президиум Верховного Совета СССР присвоил Ушакову звание полковника, но приказ об этом по армии отдан не был, поскольку дальнейшая судьба Николая Григорьевича еще не определилась...

В конце сентября Ушакова из госпиталя выписали, и приехавшая за ним жена, Елизавета Тимофеевна, отвезла его в Грузию, в Тбилиси: на поправку и отдых Ушакову отпущен был месяц, и он в этот месяц думал только об одном: как вернуться на фронт? И не вообще на фронт, а на свой, Белорусский, где генерал Казаков его обязательно возьмет, в этом у Николая Григорьевича сомнений не было.

Так уже было один раз в их жизни, Елизавета Тимофеевна в 1935 году провожала его в Новороссийск. Правда, тогда время было мирное, но стать на пути мужа Елизавета Тимофеевна не пожелала ни тогда, ни сейчас...

В ноябре, перед самыми Октябрьскими праздниками Ушаков на свой страх и риск явился в Москву, в Главное управление командующего артиллерией Красной ар-

* Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 1. С. 9.

мии. Он подал рапорт о возвращении в строй, писал рапорт для убедительности сам: успел за эти месяцы научиться писать левой рукой.

Ушакова принял начальник управления кадров, в недавнем прошлом боевой артиллерийский генерал Гамов.

Николай Григорьевич уложил устный доклад в пять минут: считаю, что, пройдя бои в Сталинграде и на Курской дуге, могу быть со своим опытом полезным на фронте, служить готов в любом качестве и в любой должности.

Генерал Гамов, прежде чем принять Николая Григорьевича, внимательно прочитал его личное дело, потому стал расспрашивать о Томской артшколе, о преподавателях, о курсах переподготовки в Орджоникидзе, потом про 33-й запасной полк: как оценивает товарищ Ушаков довоенную подготовку наших артиллеристов? Как оценивает артсистемы, от пушек легких до тяжелых, которыми довелось командовать? Затем Ушакову пришлось подробно рассказать о той тактике, которую он применил в борьбе с тяжелыми немецкими танками, командуя истребительной бригадой...

Гамов отпустил Николая Григорьевича только через час, заглядывавших в кабинет полковников с папками в руках выпроваживал нетерпеливым взмахом руки — мешайте! Прощаясь, Гамов спросил: «Есть где остановиться в Москве? или устроились в офицерской гостинице? ах, у сестры...» Предупредил—на неделю я вас задержу, раньше решение не смогу принять... Если бы решили служить в тылу, хотя бы и в нашем управлении, должностей предложил бы разных, на выбор. Но вы ведь рветесь на фронт... Глядя в спину уходящего по ковровой дорожке подполковника, подумал сочувственно: как он управляется без руки? как щеки бреет? как китель застегивает? как сапоги натягивает?

Генерал-майор Гамов, после разговора с Ушаковым убежденный, что этот одорукий подполковник действи-

тельно полезен для армии, сделал за неделю два великих дела: он приказал включить подполковника Ушакова Н. Г. в приказ по армии о присвоении ему звания полковника, поскольку Указ давал для этого основание.

Сталин как нарком обороны подписал этот приказ за № 03589 десять дней спустя, 17 ноября*.

В эти же дни Гамов запросил по ВЧ генерала Казакова: готов ли штаб артиллерии Белорусского фронта взять на службу полковника Ушакова, потерявшего в боях с немецко-фашистскими захватчиками правую руку?

Ответ пришел сутки спустя: штаб артиллерии фронта готов был принять Ушакова.

18 ноября 1943 года Гамов подписал направление: «Следует в ваше распоряжение полковник Ушаков Николай Григорьевич для дальнейшего прохождения службы.

На какую должность будет допущен полковник Ушаков, донесите в Управление кадров артиллерии Красной армии.

Прибытие телеграфируйте**».

Из письма Н. Г. Ушакова с фронта жене, Елизавете Тимофеевне: «Милые, родные мои, Лизочка и Светланочка!

В течение 15 дней не писал вам. Все это время почти жил на колесах, разъезжал по частям фронта по специальному заданию. Сейчас эту миссию заканчиваю и на днях получу назначение. И тогда буду иметь адрес... С этим письмом посылаю фотографию «полковника»... Помучился, пока ехал из Москвы до фронта, а здесь дали ординарца, человек оказался очень хорошим, честным, старательным. Мои любимые, не беспокойтесь обо мне... Ваш папка».

Дата на этом письме—16 декабря 1943 года.

Еще два дня спустя, 18 декабря, командующий артиллерией фронта, генерал В. И. Казаков, посмотрев за две

* Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 1, л. 10.

** Там же, п. 1, л. 22.

недели, как безотказен Ушаков, с какой готовностью—днем ли, ночью ли—выполняет любые задания и не просит для себя скидок, приказал начальнику своего отдела кадров: «Готовьте приказ, я чуть позже скажу, куда мы назначим полковника, а вы его ко мне вызывайте сейчас, сразу...»

После недолгой беседы с Николаем Григорьевичем Казаков принял окончательное решение, в котором, кстати, до последнего дня войны не разочаровался: полковнику Ушакову предложено было «убыть на должность командира 35-й гвардейской Речицкой минометной бригады РГК»*.

БРИГАДА—ГВАРДЕЙСКАЯ, РЕЧИЦКАЯ, МИНОМЕТНАЯ

...За образцовое выполнение заданий командования Центрального фронта, за проявленные при этом мужество, отвагу, высокую дисциплину и организованность, исключительную преданность всего личного состава делу партии, ходатайствую преобразовать (бригаду) в гвардейскую.

Командующий артиллерией Центрального фронта генерал-лейтенант артиллерии Казаков**.

I

Бригада досталась Николаю Григорьевичу знаменитая: 7 июля 43-го года, на вторые сутки немецкого наступления на Курской дуге, бригада с марша вышла к Малоархангельску—Федоровке, на усиление 18-го гвардейского корпуса. Николай Григорьевич в те дни воевал тут же, ря-

* Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 1, л. 12.

** ЦАМО СССР, фонд 35 ГМБр, оп. 34143/с, д. 5, л. 3.

дом. Но у Малоархангельска наших войск поставлено было столько, что все их Ушаков просто знать не мог. Минометная бригада сражалась поблизости, теперь по документам Николай Григорьевич это видел, а тогда не знал, не гадал, что эта именно бригада и достанется ему в командование...

8 июля бригада огнем всех четырех своих полков отбила шесть атак пехоты и танков, а в ночь на 9-е Казаков перебросил ее на самый угрожающий участок, в район Поньры—Ольховатка.

В развалинах станции Поньры все эти дни упорно держалась наша 307-я дивизия генерала Еншина, немцы осатанело рвались к этому стратегически важному узлу нашей обороны, но выбить дивизию из станции не могли. Что до минометной бригады, то она с 9 по 14 июля не выходила из боев, отбивая массированным огнем непрерывные атаки немецких танков и пехоты.

Затем началось наше контрнаступление.

Когда 14 июля на участке Федоровка—станция Поньры 18-й корпус перешел в контратаку, минометная бригада поддержала пехоту слитным мощным ударом всех полков, и до 17 июля так и шла за пехотой.

Николай Григорьевич, читая штабные документы, невольно прикидывал, что он сам делал в эти дни: 14 июля—перелом у Малоархангельска, равновесие: у немцев нет сил для продолжения наступления, мы еще не начали...

15 июля—Николай Григорьевич как раз получил под свою команду 3-ю гвардейскую легкоартиллерийскую бригаду; в этот же день немцев отбросили на их старые позиции, откуда они начали наступление. Они потратили десять дней, чтобы продвинуться на семь километров, мы их отбросили за один день...

16 июля 35-я минометная бригада вела бой; Ушаков в этот день под Малой Тросной попал под немецкий артолет и лишился правой руки...

18 июля, когда все тело Николая Григорьевича, каж-

дый сустав, каждая клетка, каждый нерв страдали и мучились от нестерпимой боли, 35-я минометная бригада перешла в подчинение 70-й армии и до 23 июля вела бои в районе Тросны. Вот уж воистину неисповедимы пути воинские и судьбы людские!

II

В сентябре 1943 года, когда Николай Григорьевич после операции медленно приходил в себя, 35-я минометная бригада воевала в составе 42-го стрелкового корпуса. В те холодные предзимние месяцы дивизии корпуса безнадежно увязли в изнурительных, бесплодных боях на правом берегу Днепра. Из сводки в сводку кочевали одни и те же названия: Жеребная, Марс-2, Венера...

У поселка Марс-2 немецкую оборону пыталась прорвать знаменитая по боям за станцию Поньры 307-я дивизия, ее поддерживали 114-й, 115-й и 210-й минометные полки, но решающего успеха не было ни в сентябре, ни в октябре; командир дивизии разделил минометные дивизионы по своим полкам и даже батальонам, так что вести массированный огонь всей бригады было невозможно.

В октябре бригаду отдали на поддержку 102-й стрелковой дивизии, и Николай Григорьевич с болью сердечной читал рапорт погибшего месяц назад, 28 ноября, командира 114-го полка гвардии подполковника И. И. Староватова: оказалось, что в боях за Жеребную полку не подвезли в достатке мин, и Староватов, чтобы обезопасить свои огневые позиции от немецкого контрудара, вывел часть минометчиков в стрелковые цепи 954-го полка и штрафной роты, командовать своими минометчиками в цепи поручил гвардии подполковнику Андрееву. Как писал Староватов, около семи часов утра 11 октября «к командиру 954-го полка явился представитель... 102-й дивизии и доложил, что они занимают окопы, что 200 метров северо-западнее Жеребной, но там через сорок минут оказались немцы.

Около восьми утра до двух батальонов немцев с пятью танками перешли в контратаку на левый фланг 954-го полка. Через шесть минут противник был встречен огнем 114-го ГМП и откатился назад. Я с гордостью заявляю, что благодаря стойкости полка... мы обеспечили прочность обороны северо-западной окраины Жеребная*.

Николаю Григорьевичу так и осталось неизвестным, каким образом разобралось пехотное начальство с тем, что в окопах вместо нашего стрелкового полка оказались немцы, почему наши отошли без боя; хорошо, что все так обошлось, могло окончиться значительно хуже...

Однако Ушаков понимал, что случай у Жеребной — он и есть частный случай. Но заведенный до него в бригаде порядок получения «Боевых отзывов» он воспринял как унижительный и потому совершенно недопустимый. Суть системы сводилась к тому, что каждый командир минометного полка должен был по окончании боя получить от командира пехотной части письменное свидетельство, что минометчики воевали исправно, в бою не трусили и с позиций не бежали.

В подшитых в дело «Боевых отзывах» Ушаков читал: «131-й гвардейский минометный полк в боях с 8 октября 1943 года по 18 октября 1943 года поддерживал 40-й СП 102-й дивизии, помог форсировать р. Сож в районе Жеребная... С поставленной задачей полк справился хорошо. Комполка полковник Погребняк**».

«В период боев с 9 по 12 октября 1943 года в районе Жеребная 114-й ГМП своей огневой работой дал отличные результаты, обеспечив 954-му стрелковому полку захват первой и второй линий обороны противника, захват и удержание деревни Жеребная, несмотря на контратаки противника. Личный состав 114-го ГМП находился непосредственно в боевых порядках пехоты, оказал большую по-

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр, оп. 34143/с, д. 5, л. 29.

** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр, оп. 34143/с, д. 5, л. 30.

мощь в отражении контратак противника на наш левый фланг, открытый ушедшими неожиданно частями 102-й СД. Комполка полковник Бондаренко*».

«Боевой отзыв за период с 2 по 19 сентября 1943 года. 115-й полк поддерживал пехотные полки 137-й стрелковой дивизии, что позволило форсировать реку Лесна, прорвать оборонительную полосу по западному берегу реки Лесна. Полк своим огнем отбил три атаки противника, полностью выполнил поставленную задачу. Командующий артиллерией 137-й дивизии подполковник Яворский**».

«Боевой отзыв. 210-й ГМП поддерживал огнем 282-й стрелковый полк 175-й дивизии за время с 29 сентября, выполнял заявки комбатом и комполка. С работой справился. Комполка полковник Кожурин***».

Их были десятки, таких вот «отзывов» — за август, сентябрь, октябрь, на каждый полк за сутки боев, за неделю. Кто завел этот порядок, Николай Григорьевич не знал, и он не мог взять в толк: для чего нужны эти вот «отзывы»? Почему пехотные командиры должны словно бы выдавать свидетельства? Разве сами командиры минометных полков не в состоянии честно и объективно доложить ему, командиру бригады, о прошедших боях и о боевых действиях своих минометчиков? Неужели нет уверенности в их честности? И вообще: зачем держать таких командиров полков, воинское мастерство и мужество которых должны удостоверять каждый день чужие пехотные командиры?

III

10 ноября 1943 года Рокоссовский начал новое наступление в Белоруссии: с Днепровского плацдарма в районе Лоева три его армии, 48-я, 65-я и 61-я, нанесли удар в

* Там же, л. 31.

** Там же, оп. 76438/с, д. 2, л. 46.

*** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр, оп. 34143/с, д. 5, л. 33.

сторону города Речица; еще две армии, 11-я и 63-я, наступали севернее Гомеля.

В оперсводке № 124 от 11 ноября начштаба 35-й минометной бригады гвардии подполковник Бахолдин указал: «части 42-го СК, ломая упорное сопротивление противника, в течение дня овладели поселком Венера»*.

Вот только когда взяли эту проклятую, сотни раз обматеренную Венеру... Николай Григорьевич внимательно, с карандашом в левой руке, изучил схему боевого порядка бригады на 10 ноября. Чертил Бахолдин грамотно, отчетливо: вот Днепр, вот поселок Рекорд, где обосновался штаб бригады. Выходило, что своего передового наблюдательного пункта командир бригады Соболев—он командовал бригадой даже меньше месяца, с 16 октября до 11 ноября—не имел, по крайней мере, на схеме такой НП не помечен. Николай Григорьевич для самого себя отметил: так командовать бригадой не годится... Все полковые КП кучно расположились вокруг поселка Буштей, огневые позиции полков оказались все в одном месте, между Буштей и поселком Нива, одни дивизионы поперек дороги, другие—вдоль...

Ушаков воистину не мог понять, отчего так долго толклись у этой Венеры: она вся была в пределах досягаемости огня бригады, накрыть слитным огнем полтораста минометов немецкие позиции—чего, казалось бы, проще?

На четвертые сутки после начала наступления Бахолдин отметил в оперсводке № 127: «Противник, прикрываясь мелкими группами, при поддержке артиллерии отходит в северо-западном направлении»**

Наступление 170-й дивизии шло медленно: 15 ноября «противник закрепился на промежуточном рубеже севернее поселка Май, севернее Ровное, севернее Храбрый»***,

* Там же. д. 12, л. 207.

** ЦАМО СССР ф. 35 ГМБр, оп. 34143/с, д. 12, л. 213.

*** Там же, л. 223.

еще двое суток спустя, к исходу 17 ноября наша пехота пробилась к станции Речица. В этот день минометная бригада отбила две немецкие контратаки пехоты и самоходных установок, 18 ноября немцы из направления Вольчья Гора контратаковали трижды, но и эти атаки были отбиты огнем бригады. В оперсводке за 18 ноября Бахолдин указал, что после суток боя из 144 минометов, полонных бригаде по штату, огонь вели 129, еще четыре находились в ремонте. Николай Григорьевич в блокнотик себе записал: как же так? Заместитель командира бригады по тылу, хоть кровь из носу, хоть стреляйся, но обязан восполнить суточную убыль в минометах к следующему утру! Иначе по названию будет бригада, а по существу?

Согласно сводке № 133 на 17 часов 20 ноября штаб бригады все еще находился в Речице, в доме по улице Вокзальная, 138. Николая Григорьевича и удивило, и огорчило, что сменивший в эти дни Соболева гвардии подполковник Юрин тоже не торопился подтянуть свой штаб поближе к боевым позициям: полки 170-й стрелковой дивизии в этот день при поддержке минометчиков отбивали контратаки противника, в течение дня их было шесть*, а где в этот день был товарищ Юрин?

21 ноября бригада практически вышла из боя: во-первых 170-я дивизия получила задачу совершить марш и выйти в район леса западнее Береговой Слободы; во-вторых, полки минометной бригады, сосредоточенные на северо-западной окраине Речицы, оказались без горючего для «студебеккеров», огромных американских грузовиков.

Почему подполковник Юрин не принял мер? Почему заранее не предусмотрел, чтобы запас горючего не иссяк? Кого и как наказал за разгильдяйство? То мин не подвели, то оставили бригады без горючего, то минометов против штата не хватает пятнадцати—это же пять батарей, без малого дивизион! Считай, половины полка нет! Конечно,

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр, оп. 34143/с, д. 12, л. 229.

но, это было безобразие, такой бордель в бригаде! Но ни Юрина сейчас не спросишь, ни Бахолдина—обоих уже нет. Сам Ушаков принял бригаду 19 декабря, а 20-го Бахолдин убыл, даже не подписав очередную оперсводку*, а сутки спустя на его место прибыл новый начштаба—Иван Иванович Карчевский, гвардии подполковник...

В ночь с 24 на 25 ноября по понтонному мосту бригаду перебросили через Березину в район Горваль.

Затем почти на месяц пошли оперсводки, похожие одна на другую: «Противник упорно обороняется на прежних рубежах, ведет методический артогонь»—за 9 декабря, за 16-е, за 18-е... Бригаду раздергали совершенно: 131-й и 210-й полки отдали 4-й дивизии, 114-й, 115-й—197-й дивизии 25-го корпуса. Приехав в бригаду, Николай Григорьевич застал вот такой боевой порядок: штаб бригады оставался в тылу, в деревне Гелино, штабы полков в Новой Поляне и в деревне с красивым названием Вишенки. Противник удерживает фронт по окраине деревни Дубина, огневые позиции минометчиков у деревень Папортное, Ляды и Ново-Лесновский; передовые НП полков вынесены вперед, к линии фронта, а бригадного КП и НП вообще нет.

Нет по той простой причине, что командир бригады массированного огня не ведет, огнем полков не управляет, полки подчинены пехотным командирам...

20 декабря, на другой день после прибытия в бригаду Николая Григорьевича, из штаба 25-го корпуса пришло устное распоряжение: сняться с боевого порядка, перейти на участок 217-й дивизии, на правый фланг 25-го корпуса.

Ушаков снял полки, к утру 21 ноября передвинул их в район поселка Возрождение. Этот день—21 декабря—должен был стать днем его первого сражения в теперешней должности. Он хотел сам все видеть, хотел участвовать в боевых действиях бригады. Командующий артил-

* Там же, л. 282.

лерией 25-го корпуса думал, однако, не о бригаде, как о средстве мощного огневого воздействия, а о том, как бы растянуть минометные полки максимально, чтобы каждый пехотный командир получил свою долю.

Ушаков установил устойчивую радиосвязь со всеми своими командирами полков, чтобы, если нет у него возможности взять управление огнем в свои руки, то хотя бы знать, что творится на огневых позициях. А творилось в этот день совсем не то, что спланировало командование 25-го корпуса: вместо наступления пришлось до вечера, до 18 часов отражать немецкие атаки на деревни Папортное и Возрождение. Немцев, конечно, отбили, однако и нашего наступления на Затон—Проскурино не получилось...

IV

Главные события на Восточном фронте осенью и зимой 1943 года разворачивались на юге, на Украине.

Немецкие войска намерены были удержать так называемый «Восточный вал» по течению Днепра. Притом, если дивизии группы армий «Центр» в Белоруссии просто отошли на заранее оборудованные позиции и здесь закрепились, то на юге 1-я и 4-я танковые армии, как и 8-я армия, с трудом сдерживая наступление русских, производили сложные маневры, чтобы стянуть дивизии со всем их тяжелым вооружением к пяти подготовленным заранее переправам через Днепр и уйти за эту могучую водную преграду и там наконец остановиться.

29 сентября 1943 года командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн издал по войскам приказ № 3212/43: «Солдаты группы армий «Юг»! После долгих наступательных и оборонительных боев армии группы отведены за Днепр, чтобы здесь, на благоприятных позициях, вновь дать отпор противнику. Враг, разбитый вами наголову в обороне и контратаках, не смог помешать нашему уходу, он лишь выиграл территорию, оп-

латив ее потерями, многократно превысившими наши...»*.

Однако этот приказ, написанный в победном тоне, не отражал действительного положения вещей, и Манштейн знал это. Продвижение к Днепру четырех советских фронтов—Воронежского, Степного, Южного и Юго-Западного—опрокинуло расчет Манштейна на медленный и организованный отход к переправам; зачастую этот отход превращался в постыдное бегство—угроза окружения заставляла немецкие дивизии поспешно отходить, бросая тяжелую технику.

Но самые ожесточенные и продолжительные бои развернулись за древний Киев: здесь и мы, и немцы стянули огромные силы, полмиллиона солдат и офицеров с немецкой стороны, более шестисот тысяч с нашей; шесть тысяч орудий бросили сюда немцы, мы—семь тысяч; у немцев в боях участвовало четыреста танков и штурмовых орудий, у нас почти семьсот.

3 ноября началось генеральное наступление 1-го Украинского фронта (прежде Воронежского), к утру 6 ноября, после ожесточенных уличных боев дивизии 38-й армии освободили «Мать городов русских». 7 ноября, продолжая наступление, части 3-й гвардейской танковой армии взяли Фастов; до 12 ноября бои шли с переменным успехом, пришлось отражать немецкие контратаки, а 12-го войска фронта освободили Житомир. Затем положение советских войск осложнилось...

Еще 7 ноября Манштейн побывал в ставке фюрера в Восточной Пруссии. Манштейн считал наиболее опасным продвижение русских в районе Киева. С согласия Гитлера сюда, к Киеву, были подтянуты резервы Манштейна, 25-я и 1-я танковые, а также давно обещанная дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Этими дивизиями подкрепили 48-й танковый корпус. Еще пять дивизий Манштейн передал 4-й танковой армии (в том числе 20-ю

* Германия во второй мировой войне. Т. 4. С. 47.

танково-гренадерскую и дивизию СС «Дас рейх», которые он забрал у 8-й армии).

Этими внушительными силами Манштейн 15 ноября нанес удар из района Фастова, к 20 ноября Житомир вновь оказался в немецких руках. Общее продвижение немцев достигало 35—40 километров, нависла вновь угроза над Киевом...

Немецкое контрнаступление было столь ощутимым, что Сталин засомневался: сможет ли командующий 1-м Украинским фронтом генерал Ватутин остановить немцев? Последовал приказ Рокоссовскому: немедленно прибыть в штаб Ватутина, навести порядок, при необходимости принять командование фронтом...

Рокоссовский, конечно же, понимал двусмысленность своей миссии, но не выполнить приказа Сталина он тоже не мог.

Рокоссовский нашел линию своего поведения и чисто по-товарищески помог Ватутину, и восстановил положение на фронте, и тут же убыл к себе, на Белорусский фронт*.

К концу декабря Ставка передала Ватутину столько армий, что он смог начать 24 декабря новую наступательную операцию, Житомирско-Бердичевскую. В тот же день немецкая оборона была прорвана, к 30 декабря прорыв был расширен до 300 километров, 31 декабря, под самым Новым, 1944 год, вновь освобожден Житомир, 3 января взят с боем Новоград-Волынский, 4 января—Белая Церковь, 5-го—Бердичев...

Гитлер возложил вину за поражение на генералов, произошла новая смена командующих: смещены командующие 1-й танковой армии генерал-полковник Макензен и 4-й танковой армии генерал-полковник Горт; заодно и генерал Клюге был смещен с поста главнокомандующего группой армий «Центр»—вместо него назначен генерал-фельдмаршал Эрнст Буш.

* Рокоссовский К. Солдатский долг. С. 248—250.

2 января 1944 года вернувшийся на свой Белорусский фронт Рокоссовский получил указание Ставки: разбить Мозырскую группировку врага, затем, продолжая наступление, продвигаться на Бобруйск и даже еще дальше, до Минска. Подготовку к наступлению завершить к 7 января, начало наступления—8-го.

Итак, Белорусскому фронту ставилась задача сверхсложная: взломать Восточный вал, который немцы возводили и совершенствовали не один год, притом сделать это своими наличными силами, так как все резервы ставка бросила на Украину.

Рокоссовский не получил ни новых соединений, ни дополнительных боеприпасов, ни дополнительного горючего. Он понимал, что наступление, которое предстоит организовать, по существу, преследует одну-единственную цель: навязать немцам бои с тем, чтобы не дать им возможности снять войска из состава группы армий «Центр» для переброски на Украину. Следовательно, все это наступление есть одно лишь великое самопожертвование во исполнение суворовской заповеди: «сам погибай, а товарища выручай!»

К. К. Рокоссовский об этом наступлении пишет глухо, ибо результаты его оказались более чем скромными*. Биограф К. Рокоссовского В. Кардашов называет сражение в Белоруссии в январе-феврале 1944 года «боями местного значения»**. Однако для Николая Григорьевича Ушакова и его бригады эти бои означали именно то, из чего складывается война: бесконечный, изнурительный, изматывающий труд под вражеским огнем, раны и смерть...

Бригаду снова растащили, раздергали по стрелковым полкам: командование корпуса по-иному воевать просто не умело, и Николай Григорьевич вынужден был покорить-

* Рокоссовский К. Солдатский долг. С. 252.

** Кардашов В. Рокоссовский. М., 1973. С. 350. (ЖЗЛ).

ся, дав себе слово—это последний раз! дойдет хоть до Казакова, но докажет: бригада для того и создана, чтобы громить противника массированным многослойным огнем, а так ее использовать, как сейчас—все равно что колотить в стену растопыренными пальцами. И стену не прошибешь, и пальцы пообломаешь!

Замысел наступательной операции для 48-й армии был таков: ударить по Восточному валу из района Язвин-Дуброво, взять Паричи, дальше наступать на Бобруйск, выходя в тыл Жлобинской группировки немцев, эту группировку окружить и уничтожить.

Здесь должны были наступать дивизии 25-го стрелкового корпуса, но наступление с самого начала не заладилось.

Командование корпуса нервничало, согласованных действий наступающих дивизий не получалось. Весь январь прошел в безуспешных атаках, только 3—4 февраля обозначился успех: 131-й минометный полк гвардии майора Рамзина поддержал огнем наступление пехоты, она прорвалась наконец через заснеженное, кое-где еще покрытое ледком кочковатое болото. К утру 4 февраля немцев вышибли из деревни Дуброво—до города Паричи осталось всего семнадцать километров.

19 февраля был для Ушакова черным днем: наступление нашей пехоты на деревню Притыка поддерживали два полка бригады, 131-й и 115-й. Ушаков видел ясно, что творится неладное: артподготовка при голодном пайке на мины хоть и длилась сорок минут, но подавить все огневые точки немцев не удалось.

Командир 1345-го стрелкового полка связь со своими батальонами утратил*, полк 1348-й поднялся в атаку с опозданием, немцы успели прийти в себя; командующий артиллерией корпуса, не видя иного выхода, приказал Рамзину выдвинуть один из дивизионов полка вперед, на

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр, оп. 34142/с, д. 1, л. 152.

прямую наводку—до немецких позиций оставалось метров восемьсот. Немцы немедленно засекли дивизион и накрыли... Минометчики Рамзина огня не прекратили, с позиции не ушли, только очень многих потеряли, а пехота наша как лежала перед немецкими траншеями, так и осталась лежать, вперед не пошла. Попытка Ушакова вмешаться ни к чему не привела: он в условиях такой организации боя над своими полками был не властен*.

210-й минометный полк в этот же день, 19 февраля, в 8 часов утра нанес огневой удар по немецким позициям севернее растреклятой Притыки, в районе деревни Михайловка, ибо командование корпусом для прорыва обороны противника ударного кулака не создавало, наступление вело сразу несколькими дивизиями на достаточно широком фронте.

После огневого налета наша пехота поднялась в атаку, но сразу же попала под фланговый пулеметный огонь немцев, сначала залегла, затем оттянулась на сто—двести метров и окопалась... Двое суток, 20 и 21 февраля, пехотный полк безуспешно атаковал—минометчики при действительно «голодном пайке» на боеприпасы (выражение К. К. Рокоссовского) подавить немецкие огневые точки не могли. Лишь 22 февраля немцы из деревни Михайловка отошли, наша пехота наконец-то вышла к деревне Притыка с северо-запада, и противник сильнейшим огнем снова положил ее в снег, на мерзлую землю, а до Паричей, как и в самом начале наступления, оставались все те же семнадцать километров...

Николай Григорьевич—при всей его выдержке—на этот раз не вынес. Ну как можно так безграмотно, так бездарно воевать? Он потребовал от командира 115-го полка гвардии майора Тимошенко представить—и немедленно!—подробный доклад о том, как действовал в бою полк, как пехота 399-й дивизии, почему 1348-й полк поднялся в ата-

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр, оп. 34142/с, д. 1, л. 28.

ку спустя десять минут после того, как закончился минометный огонь? Почему атаковал столь малыми силами—из всего полка наступало не более двухсот человек? Почему полк залег, не дойдя до первой линии немецкой обороны?

У Николая Григорьевича не было в характере такой черты—жаловаться. Но тут речь шла о вещах слишком серьезных: о войне; о победе над фашизмом; о цене, которую мы вынуждены платить ради этой победы; о гибели тысяч людей.

Получив от Тимошенко обстоятельный, на двух страницах, доклад о боях 19 и 20 февраля у Притыки, Ушаков сравнил его с докладом Рамзина о боевых действиях 131-го минометного полка у той же Притыки и, испытывая неутолимое чувство горечи, приказал начштабу Карчевскому: «Готовь доклад для генерала Казакова. Укажи, в чем причина неудачных боев: неорганизованность пехоты; потеря управления в бою. И еще—как же так? полк идет в атаку, а в цепи всего двести бойцов, батальон... Разве так с немцами справишься?» Он взял докладную Тимошенко, написал на ней: «НШ: составить доклад генерал-полковнику Казакову. Основной причиной неудачи является...»*, поставил дату—22.11.44 года. И, глядя в сомневающиеся глаза Карчевского, сказал: «Давай, пиши, как все было на самом деле, не бойся, никто нас кляззниками не назовет, а Казакову надо все знать. Еще до конца войны ох как далеко, а так воевать, как под Притыкой,—не скоро немцев разгрохаем.»

Докладную Карчевский написал кратко, полстранички, Ушаков корректировать ее не стал, подписал со спокойной совестью и отправил в штаб артиллерии фронта**.

Командующий артиллерией 48-й армии все так же действовал привычным своим манером: 21 февраля дал

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр, оп. 34142/с, д. 1, л. 152.

** Там же, оп. 76431/с, д. 1, л. 53.

устное распоряжение передать 114-й и 131-й минометные полки в 170-ю дивизию, 115-й и 210-й—в 399-ю дивизию*. Еще три дня спустя, 25 февраля, 210-й полк снова поддерживал огнем 170-ю дивизию, опять совершил марш от Притыки до Язвина и здесь на целую неделю оставался в резерве: наступление наше приостановилось...**

7 марта бои возобновились, и снова Ушаков, сжав зубы, с горечью смотрел, как бездарно растаскивают бригаду, командующий 48-й армией генерал-лейтенант П. Л. Романенко приказал раздать минометные полки и вовсе непонятно как: 114-й получила 17-я дивизия, 131-й—96-я дивизия, обе из 53-го корпуса; 115-й полк достался 25-й дивизии, 210-й—307-й дивизии, эти обе входили в 25-й корпус***. Опять каждый его полк воевал сам по себе, мин расходовалось много—результат был минимальный. По оперсводке № 67 от 7 марта штаба 131-го минометного полка видно, что к 16 часам противник наконец-то оставил под ударами наших войск первую линию траншей, но в 18 часов 30 минут батальон немецкой пехоты при поддержке танков и штурмовых орудий «Фердинанд» контратакует. Под огнем 131-го полка немецкая контратака захлебнулась, но и наша пехота вперед не пошла****.

13 марта, неделю спустя, эта бездарная колготня разом оборвалась: Казаков вывел 35-ю минометную бригаду из подчинения 48-й армии и перебросил ее на север, в распоряжение командующего 50-й армией генерал-лейтенанта И. В. Болдина.

Если 48-я армия вела бои на левом фланге Белорусского фронта, то 50-я—на самом правом, и бригада, совершив двухсоткилометровый марш при полном бездорожье и распутице, вышла к деревне Красница.

* Там же, л. 30.

** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр, оп. 34142/с, д. 1, л. 81.

*** Там же, оп. 76431/с, д. 1, л. 60.

**** Там же, оп. 34142/с, д. 1, л. 89.

● Николай Ушаков (верхний ряд, третий справа) — учащийся Кузнецкого начального училища, 1919 г.

● Старший лейтенант Ушаков с дочерью Светланой.

● Подполковник Н. Г. Ушаков, 1943 г.

● С офицерами 1166-го артполка (крайний слева).

● Предписание на Белорусский фронт.

СССР
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОМАНДОВАНИЯ
КЕ
2-му отд.
18 ноября 43
г. Москва

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА КАДРОВ УКАРТ БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Следует в Ваших распоряжении полковник **УШАКОВ Николай Григорьевич** для дальнейшего прохождения службы.
Во какую должность будет допущен полковник **УШАКОВ** донесите в Управление Кадров Артиллерии Красной Армии.
Присылаю телеграммную форму.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ УКАРТ КА
ГЕНЕРАЛ-МАJOR АРТ. - Гамов /

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА УКАРТ КА
ПОЛКОВНИК - Ушаков /

● Минометный расчет на позиции: боевая учеба.

● Предписание Ушакову о вступлении в командование 35-й гвардейской минометной бригадой.

19.11.43
Дорогой Николай и Александра!
Сколько дорогими для меня
результатами ожидания...
Итак решено было остаться
дома в тишину и дожидаться
всех на войну, но вдруг
получили приказание
полковника **Ушакова**
и, несмотря на то, что в
командовании Гвардейской
Зенитной СД. Получил звание
полковника. Получил звание
облагодетельства: Минин, Гамов,
Медведев, Яковлев, Шуров,
Курочкин, Курочкин, Сидоров...

● Письмо жене от 19 ноября 1943 г.

СССР
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОМАНДОВАНИЯ
КЕ
18 декабря 43
г. Москва

ПРЕДПИСАНИЕ

ПОЛКОВНИКУ УШАКОВУ НИКОЛАЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

Предлагаю Вам убыть на должность командира 35
гвардейской зенитной минометной бригады РККА.
Время прибытия в место службы - 19 - декабря 1943 г.

КОМАНДУЮЩИЙ АРТИЛЛЕРИЕЙ ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК АРТИЛЛЕРИИ - Казаков /

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА КАДРОВ
ПОЛКОВНИК - Ушаков /

● Братья Ушаковы, Евгений и Николай, апрель 1944 г.

● Бригада в строю: ожидаем приезда генерала Казакова.

7.8.44
Здравствуйте мои дорогие
и любимые Лизочка и Сестренки
Я так хочу и здравый сейчас
со всеми вами вместе
За Владу, с боями прошед
злыми долями, боями
и последним живым остатком
с Берлина. За отличные
свои услуги мои по
длинной командировке от
декабря красное знамя
и представляю на выдран
от ходу боями отразил
своими силами с иными
однажды, когда ярем
защиты колхоз.

● «...я пока жив и здоров...».

● Военные будни — день за днем...

● В Турувском лесу.

● Н. Г. Ушаков вручает награды участникам боев на Вислинском плацдарме.

● Н. Г. Ушаков в деревне Кунити (апрель 1945 г., перед наступлением с Одерского плацдарма).

● 2-го мая 1945 г., Берлин.

● 20 лет спустя: май 1965 г., советские ветераны войны в Гданьске, Польша.

● Генерал-майор Н. Г. Ушаков, Герой Советского Союза.

Здесь наступали две наши дивизии, 108-я и 412-я, и к великой радости Ушакова Болдин не возражал, чтобы бригада вела огонь сразу всеми четырьмя полками.

Николай Григорьевич сказал Карчевскому: «Сутки тебе даю на разработку плана огня. Делал когда-нибудь прежде такой план по четырем полкам сразу? Надо предусмотреть вот что...»

Потом командиры полков внимательно вникали в разработку, переносили на свои карты координаты огня — «Х» и «У» для левого фланга, «Х и «У» для правого; огневой вал должен был катиться вперед, от рубежа к рубежу, все сметая, все круша...

Артподготовка продолжалась сорок минут, удар был нанесен и по переднему краю, и по тыловым позициям противника; потом, прикрытая огневым валом, поднялась пехота. Красница была взята одним коротким ударом, и пехота пошла дальше—километр, второй, третий; Ушаков все ждал—он знал: немцы должны контратаковать, однако они хоть и огрызались, но все же отходили на север от Красницы. Лишь в 15 часов из-за лесочка появились шесть танков, за ними замелькали фигурки солдат...

Ушаков видел со своего НП, как залегла наша пехота, подумал: ну, братья-славяне, сейчас вы увидите, как количество переходит в качество... Одно дело—минометный полк, другое—вся бригада...

Полторы сотни его минометов обрушили на контратакующих немцев поток огня, было видно, как вздыбилась земля под ногами противника, потом все заволочло, заслонило черной стеной и огненными всплесками...

Вот это и были «бои местного значения».

Противнику никак нельзя было показать, что наша задача—при полном отсутствии резервов—всего лишь сковать их дивизии, и потому приходилось штурмовать немецкие позиции в полную силу, неся ненужные потери... Сам К. Рокоссовский об этих боях позже писал: «Наши части кое-чего добились: 61-я армия овладела Мозырем, 65-я—

Калинковичами, 48-я армия улучшила свои позиции на правом берегу Березины, 3-я армия... овладела Рогачевом и плацдармом на западном берегу, вынудив противника очистить плацдарм на восточном берегу Днепра у Жлобина. Продвинулась немного на своем левом фланге и 50-я армия...»*.

До 2 апреля бригада Ушакова так и находилась у Красницы, затем Казаков, уже зная, что наступление вот-вот окончится, вывел ее в свой резерв и приказал к 4 апреля сосредоточиться в районе Белой Березы.

15 апреля 1944 года Ставка приказала Рокоссовскому наступательные операции по всем войскам фронта прекратить и перейти к обороне.

VI

В том письме, что отправил жене и дочери Николай Григорьевич 16 декабря 1943 года, есть строчки и о старшем его брате, Евгении Григорьевиче: «С Женей не виделся, он тяжело ранен и находится в госпитале, а где, не знаю...»

К тому времени Евгений Григорьевич Ушаков был уже генерал-майором, командовал 37-й стрелковой дивизией и воевал на том же Белорусском фронте, буквально бок о бок с Николаем Григорьевичем. Оба они безуспешно штурмовали немецкие позиции, прорываясь к Паричам, но ни тот, ни другой не знали, что воюют рядом. В условиях войны ничего удивительного в этом нет, ведь географических названий в письмах с фронта указывать было нельзя, такие письма военная цензура немедленно изъяла бы, а того, кто указал, где, в каком городе находится его войсковая часть, ждали бы серьезные неприятности.

* Рокоссовский К. Солдатский долг. С. 252.

10 ноября 1943 года, когда Николай Григорьевич в Москве ждал решения своей судьбы, 37-я стрелковая дивизия Евгения Григорьевича в составе 65-й армии П. И. Батова наступала на Речицу.

Правда, командовал дивизией в этих боях генерал Жолудев, а Евгений Григорьевич, тяжело раненный 28 октября, был на излечении в госпитале весь ноябрь и декабрь, лишь в январе он вернулся в строй и вновь принял свою дивизию. Вернулся он к самому началу новых боев: 65-я армия штурмовала немецкие позиции у городка Савичи, прорывалась к реке Тремля. В марте П. И. Батов нацелил дивизию Е. Г. Ушакова на те самые Паричи, к которым пробивалась и 48-я армия, но успеха тогда не было...*

Судя по фотографии из личного архива Николая Григорьевича, он все же встретился со старшим братом в апреле 1944 года. Фотограф запечатлел их в лесу. Николай Григорьевич каким-то непостижимым образом вырвался в расположение 65-й армии.

Дивизия Евгения Григорьевича еще в ночь на 7 апреля сдала свои боевые участки 75-й гвардейской дивизии и вышла в резерв, приказано ей было сосредоточиться в районе Николаевки**—вот сюда и приехал повидаться с братом Николай Григорьевич.

Всего день провели братья вместе, да и тот не полностью: обязанности их так на них и оставались, и, как люди военные, они себя от службы освободить не могли.

Говорили о семьях—жена и дочь Николая Григорьевича так и жили в Орджоникидзе и под немецкую оккупацию не попали. Другое дело Евгений Григорьевич: его жена Софья Андреевна и двое ребятишек остались в Белоруссии, в Сморгони, где застала их всех война, так что о

* ЦАМО СССР, ф. 37 Гв. СД, оп. 1, д. 70213, л. 40.

** Там же, л. 46.

судьбе своей семьи Евгению Григорьевичу ничего известно не было.

И неизбежно зашла у братьев речь о февральско-мартовских боях, о тяжелейших «боях местного значения», которые показали, что воевать мы вроде бы научились, но не все, иные норовят по-старинке, потому выходит топорно, тят да ляп, и немцев побить не можем, и своих людей понапрасну гробим...

У Николая Григорьевича все из головы не шли неудачные бои за Притыку и лежал на душе черным камнем день 19 февраля. И, как не покажется странным читателю такое небывалое совпадение, но именно этот день, 19 февраля, был самым страшным в бесконечной череде февральских боев и для Евгения Григорьевича, и для его дивизии.

События того дня Евгений Григорьевич помнил по часам, по минутам.

С утра, после пятнадцатиминутной артподготовки, его полки пошли в атаку. К двенадцати часам была захвачена первая линия траншей, дивизия вышла на рубеж Вьюнище, но немцы тут же контратаковали пехотой, танками и самоходками—таких контратак до вечера было четыре, их отбивали, пока могли, гранатами, потому что свою артиллерию для стрельбы прямой наводкой через реку перетащить не смогли, а огонь по танкам с закрытых позиций нужных результатов не дал. В одну из таких немецких контратак наши бойцы дрогнули, стали отходить. Начальник политотдела дивизии полковник Смирнов бросил в стрелковые цепи весь партийно-политический состав полков; один из немецких танков сожгли бутылкой, три подбили бронейщики, на этот раз немцев снова отбросили, но к 18 часам дивизия, потеряв более 700 человек, оказалась на тех самых позициях, с которых утром начинала наступление...*

* ЦАМО СССР, ф. 37 Гв. СД, оп. 1, д. 108, л. 47 оборот.

Что бои были для нас неудачными, братьям было очевидно; всех, на ком лежала вина за неудачу, за скверную организацию наступления, за то, что ни артиллерией, ни танками не поддержали, оба они знали поименно, от командующих армиями и до самого верхнего фронтowego начальства, но сказат об этом вслух если и могли, то только в разговоре друг с другом: с чужими говорить о таких вещах не полагалось...

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»

...Лучше я потеряю белорусские леса, чем румынскую нефть.

Заявление Гитлера на оперативном совещании.

I

7 ноября 1943 года Борман, заместитель фюрера по фашистской партии, собрал в Мюнхене совещание рейхслайтеров и гауляйтеров империи и попросил начальника штаба оперативного руководства генерала Йодля дать обзор стратегического положения Германии к началу пятого года войны.

Йодль хоть и понимал, что за люди перед ним сидят, но, видимо, не считал нужным юлить и приукрашивать.

Йодль сказал: «Решающим фактором для нас является то, что в результате наступления в неизведанные пространства русской территории мы обнаружили, что противник располагает не только огромными людскими ресурсами, но и обладает таким техническим уровнем военной промышленности, который вынудил нас к ведению тотальной войны и к умножению наших усилий в части военной промышленности, чего мы сами по себе не сделали бы...»

2 апреля 1944 года Гитлер подписал оперативный приказ № 7. К этому времени советские войска завершили начатые в декабре 1943 года наступательные операции на Украине, вышли к границе Румынии, к отрогам Карпат, и потому Гитлер начал с утверждения:

«1. Наступление русских войск на южном участке Восточного фронта достигло своего апогея и пошло на убыль. Русские соединения измотаны предшествующими боями. Они действуют разрозненно, без четкого обозначения направления главного удара.

Настало время окончательно остановить наступление русских.

В этом плане мною отданы соответствующие распоряжения...»*

Для группы армий «Центр» Гитлер задачу сформулировал так:

«Полностью согласен с сосредоточением основных усилий на узком участке фронта в районе Бреста. Первоочередная задача группы армий состоит в том, чтобы вновь овладеть Ковелем и установить связь с войсками группы армий «Юг».

К лету 1944 года группа армий «Центр» занимала особое положение на Восточном фронте. Сами немцы называли свои позиции «Белорусский балкон»: линия фронта, начинаясь на севере у городов Полоцк и Витебск, изгибалась дугой на Восток и проходила по линии Орша—Могилев—Бобруйск; от Жлобина линия фронта устремлялась на запад и уходила к Луцку, куда советские войска прорвались в ходе зимней кампании 1943/44 годов.

Группа прикрывала подступы к Польше и Восточной Пруссии, правый фланг группы армий «Север»; она же грозно нависала из-за реки Припять над правым флангом Первого Украинского фронта, и Буш понимал, что от него

будут требовать удержать эти ключевые позиции Восточного фронта любой ценой. И хотя крупномасштабного русского наступления здесь не ожидалось, Буш 25 апреля 1944 года издал приказ № 5139, в котором требовал: «Глубокие прорывы вражеских танковых сил в ходе боевых действий в южной части Восточного фронта и тот факт, что фронт 9-й, 4-й и 3-й танковой армий в целях усиления правого крыла группы армий пришлось ослабить до крайнего предела, вынуждают к проведению следующих мероприятий:

1. Все армии обязаны возвести в глубине своего расположения в подходящих для этого местах противотанковые позиции и отсечные линии любого вида...»

Буш считал, что эти линии должны протянуться от Буга через Брест—Барановичи—Минск—Молодечно. Еще прежде, 8 марта 44-го года, последовал приказ Гитлера, объявлявший города Белоруссии «крепостями» (Feste Plätze): «крепости» Вильнюс, Минск, Барановичи и Слуцк подчинялись командующему группой армий Бушу; «крепость» Витебск подчинялась штабу 3-й танковой армии; «крепости» Могилев, Орша и Борисов—штабу 4-й армии; штабу 9-й армии подчинялась «крепость» Бобруйск.

Гарнизонам «крепостей» в случае русского наступления приказано было оставаться в окружении с тем, чтобы сковать возможно более крупные силы противника и таким путем создать предпосылки для успешных контрпераций; для обороны «крепостей» было предусмотрено выделение по одной, для Витебска целых трех дивизий. Команданты «крепостей» приравнивались в правах к командующим корпусами, и они давали специальные подписки, что будут удерживать позиции до последнего солдата. Капитуляция «крепостей» в любом случае исключалась.

До начала операции «Багратион» оставалось чуть меньше 3-х месяцев.

* Дашичев В. Д. Совершенно секретно. М.: Наука, 1967. Док. 82. С. 551—552.

Удар по позициям группы армий «Центр» должны были нанести четыре фронта: 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский—через Витебск на Вильнюс, 1-й Белорусский—с юга, от Бобруйска на Слуцк и Барановичи; 2-му Белорусскому фронту предстояло наступать на Могилев. Затем, когда немецкий фронт будет развален, 1-й, 2-й и 3-й Белорусские фронты ударят в сторону Минска.

Этой грандиозной операции, которой предстояло сокрушить группу армий «Центр», присвоено было кодовое название «Багратион». Подготовка к ней шла в апреле, мае и начале июня, шла со всеми мыслимыми и немыслимыми мерами предосторожности: к фронту подтягивались танковые армии и корпуса, выдвигались целых пять общевойсковых армий, подвозились сотни тысяч тонн боеприпасов и продовольствия (каждый фронт принимал в течение суток до ста эшелонов), но генерал-фельдмаршал Буш должен был оставаться в неведении о масштабах готовящегося наступления, о силе нашего предстоящего удара...

Еще 2 апреля генерал-полковник В. И. Казаков, командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта, распорядился вывести 35-ю гвардейскую минометную бригаду в резерв: после мартовских боев за Красницу фронт на какое-то время переходил к обороне.

Н. Г. Ушаков снял полки с боевых позиций, стянул к Белой Березе и в течение двух недель приводил бригаду в порядок: людей побанили, одежду пропустили через вошебойки; офицеры полков на выборку проверили матчасть батарей, связисты перебрали рации дивизионные и полковые; в автопарках готовили к маршу «студебеккеры» — к 20 часам 9 апреля начштаба 131 полка гвардии капитан Орлов доложил в штаб бригады, что приказ Ушакова о подготовке к маршу выполнен, 23 «студебеккера» отремонтированы, остальные будут готовы к 12 часам 10 апреля. Такие же донесения пришли и от остальных полков.

В 7 часов утра 14 апреля полковые колонны сосредоточились на шоссе у деревни Прогресс. Ушаков отдал команду, и бригада двинулась: генерал Казаков определил ей место дислокации в деревнях Еремино и Костюковка, на Гомельщине, километрах в двухстах от замершей линии фронта.

Весь апрель и весь май бригада жила мирной жизнью, но Ушаков и сам не бездельничал, и людям спокойной жизни не дал.

У Николая Григорьевича все не шло из головы февральские неудачные бои за Притыку... Их было много, разных «Почему?»

Почему не могли прорвать немецкую оборону? почему огонь бригады не был действенным? почему наша пехота не шла дальше первой линии немецких траншей?

Он начал писать—пока для самого себя—что-то вроде аналитической статьи: «Использование минометной бригады в наступательном бою». Начал с того, какая это огромная огневая сила — минометная бригада:

«...Бригада, состоящая из четырех полков, имеет на вооружении 144 полковых 120-миллиметровых миномета. Своим огнем в течение пяти минут может подавить площадь 210 га, разрушить 500 метров окопов, подавить 168 огневых точек, разрушить 25 блиндажей, проделать 330 метров проходов в проволочных заграждениях, поставить наземный заградительный огонь 7200 метров или дать огневой вал по фронту 4800 метров (внакладку)*».

Разумеется, генерал Казаков, если доклад посылать ему, знает возможности бригады не хуже самого Николая Григорьевича; жаль только, что командиры наших стрелковых дивизий и корпусов эти именно возможности в зимних боях во внимание не принимали, бригаду просто-напросто растащили, раздергали. И что вышло? Командиры

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр, оп. 76431/с, д. 1, л. 98.

минометных полков должны были находиться рядом с командирами стрелковых полков; командиры дивизионов батарей—соответственно при батальонных и ротных батареях—выполнять их приказание. Сосредоточенно огня всей бригады просто не получилось, его и не могло получиться, стрельба по противнику шла без маневра траншеями, без разноса по времени; мин израсходовано за неделю до 10 тысяч, а результат только тем хорош, что все контратаки немцев отбиты, но сами так и застряли у этой проклятой Притыки...

Николай Григорьевич, чтобы не ошибиться в оценке боев, потребовал от командиров минометных полков подробные доклады. Он полагал, что получит четкий анализ причин—почему огонь не был действенным? почему бой не принесли решающего успеха? Но получил от них рапорта хвалебные, все на один манер, словно все они сговорились— что гвардии майор Приходченко из 131-го, что гвардии подполковник Борзых из 114-го, что гвардии подполковник Яценко из 115-го, что гвардии подполковник Юриков из 210-го! Ушаков был вынужден указать по всем полкам письменным распоряжением: «Основным недостатком докладов является их неконкретность, отсутствие положенных рисующих тактику действий минометов. Общие, никому не нужные фразы: «полк огнем минометов поддерживал...» «сопровождал колесами...»; «пехота при мощной поддержке минометов овладела»—это совершенно ничего не дает».

Начальник штаба бригады Карчевский, готовя это указание, от себя добавил: «Командир бригады приказал не допускать впредь поверхностных бессодержательных докладов»*.

Николай Григорьевич понимал, что полковым командирам по вкусу не придется, он вообще избегал гладить людей против шерсти без особой на то нужды, но тут по-

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 50.

считал нужным напомнить: доклады ему нужны не сами по себе, из них выводы надо делать! Почему, скажем, с таким трудом организованный мощный огневой налет по немецким позициям двух минометных полков, 210-го и 131-го, ничего не дал?

Николай Григорьевич в своем предполагаемом докладе записал:

«Выводы: планируемый порядок артподготовки является типичным: 5 минут огневой налет, 20—25 минут методический огонь и последние 5 минут огневой налет по переднему краю хорошо известен (немцам) и используется ими. С началом подготовки противник отходит в блиндажи и 2-ю линию траншей; по этой и 3-й линии огонь ведется с недостаточной плотностью (по площадям), противник сохраняет живую силу и огневые средства, все это он бросает на отражение наших атак после окончания артподготовки».

Однако тогда, весной 44-го года, Николай Григорьевич просто не был внутренне готов к тому, чтобы отказаться от укоренившейся практики: раздавать минометные полки по пехотным полкам, и обязательно всем поровну. Предложение у него получилось вот такое: «Для успеха наступления стрелковых рот надо выделять орудия и минометы для стрельбы прямой наводкой, чтобы вести бой в глубине».

И все же в этом докладе Ушаков вернулся к мысли о сосредоточенном огне минометных полков. Он знал упорство немцев, их стремление не отсиживаться в траншеях, а настойчиво контратаковать. В февральских боях немецких контратак отбивали в день на разных участках и по четыре, и по восемь. Потому Николай Григорьевич посчитал нужным записать: «Противник контратакует неизбежно сначала мелкими, затем крупными силами (батальон, полк) в основание клина. Для отражения таких атак необходимо оставлять в руках старшего артиллерийского

начальника мощные минометные средства, располагая их на флангах наступающих частей»*.

Два полка в основании нашего наступающего клина для отражения немецких ударов по флангам—вот что открыл для себя Н. Г. Ушаков! Два полка, 72 тяжелых миномета, каких у немцев нет, и оба в руках старшего артиллерийского начальника. Шестнадцатикилограммовые мины накрывают контратакующих немцев, жгут танки, рвут, кромсают пехоту, и происходит это разом, по одной команде, непрерывным огневым потоком.

Кто он, этот «старший артиллерийский начальник»? Может быть, командующий артиллерией наступающей дивизии? А может, и он сам, командир бригады? Впрочем, Ушаков тут же подумал: не то главное, кто отдает команду «Огонь!» Главное, чтобы тот, кто будет командовать, понимал, какая мощь в его руках, и умел бы этой мощью распорядиться, и чтобы полки были готовы к такому огню—всех дивизионов по единому слову,—и к мгновенному переносу огня...

III

Полки между тем—если судить по боевым донесениям в штаб бригады—жили своей напряженной жизнью.

18 апреля Ушаков назначил смотр 131-го полка, с часу дня до вечера дотошно проверял состояние минометов, автомашин, личного оружия солдат. Потом приказал командиру полка, гвардии майору Приходченко, построить людей и провел строевой смотр. Завершилась инспекция торжественным прохождением полка—веселые, крепкие, ладные солдаты, подтянутые офицеры шагали мимо Ушакова, над дивизионными колоннами реяла дружная песня. Ушаков держал у козырька левую руку...

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 101.

Ушаков полк похвалил, но отдыха не дал, назначил на следующий день занятия по боевой подготовке.

На 22 апреля Ушаков договорился с начальником го-мельской областной милиции прислать в полк автоинспекторов, принять экзамены у шоферов на право вождения автомашин.

Не могу сказать, что Н. Г. Ушаков любил 131-й полк больше остальных или относился к нему пристрастно и потому «гонял» и «жучил» людей больше, чем в других полках. Насколько можно судить по документам и по отзывам, он все свои четыре полка ценил одинаково и любил тех офицеров и солдат, с которыми на равных—без скидок для себя—нес тяжкую ратную службу; Николай Григорьевич высоко ставил их мужественную жертвенность, высокое понимание подчиненными ему людьми воинского долга. Все это не пустые слова. За всем этим стояла одна мысль, которую Николай Григорьевич высказал после войны позволил себе высказать вслух: в тылу нашей бригады заградительным отрядам делать было нечего—мой люди с линии фронта не бежали!

15 апреля Ушаков представил генералу Казакову юбилейный рапорт. Ушаков далек был от желания хвастаться, просто бригада славно провоевала целый год, и Ушаков писал не о себе,—вот, мол, какой он умный да храбрый,—а о бригаде, о ее боевом пути, о солдатах и офицерах:

«1 мая 1943 года бригада создана в деревне Калинино, Ливенского района, Орловской области, имела номер 21, считалась отдельной, в резерве главного командования, 6 июля 43-го года стала на огневые позиции в районе Мало-архангельск, затем передвинута на станцию Поныри, 10 июля за день немецкого наступления отразила девять атак: сожжено 67 танков; 15 июля, когда началось наше контрнаступление, бригада пошла вперед, путь ее от города Поныри до города Жлобин, форсированы реки Березина, Десна, Сож; приказом номер 261 от 10 августа 43-го года наркома обороны бригада переименована в 35-ю От-

дельную гвардейскую минометную РГК, за взятие города Речица присвоено наименование «Речицкой».

Ушаков посчитал нужным указать, что за год боев в бригаде награждено орденами 477 офицеров, сержантов и рядовых, медалями—1550.

Убито в бригаде за год 397, из них офицеров—43, ранено 681, из них 101 офицер, однако в январе—феврале 44-го года бригада пополнена до штатного количества. Закончил Ушаков юбилейный рапорт так, как полагалось писать по тем временам, ибо без этих слов такие документы не составлялись: «Бригада готова к выполнению любого вашего задания, а личный состав горит желанием, во исполнение приказа Верховного Главнокомандующего тов. Сталина громить полчища врага на его территории до полного разгрома и капитуляции»*.

Юбилейный рапорт Ушаков подписал и послал генералу Казакову 15 апреля. Одновременно просил разрешения устроить для офицеров и солдат в день Первой двойной праздник: сразу отметить и первую годовщину боевого пути бригады**.

Генерал Казаков юбилейный рапорт прочитал и приказал известить полковника Ушакова, что в бригаду придет лично, хочет все увидеть. Назначил и день, и час: 27 апреля бригаду выстроить к 11 часам.

Николай Григорьевич вызвал Карчевского, начштаба бригады, сказал: «Сделай так, Иван Иванович, чтобы мне за бригаду не краснеть. Обрати внимание полковых командиров—Казаков не только подворотнички смотрит, Казаков все увидит, и минометы, и как «студебеккеры» стоят, и столько ли мин, сколько по боекомплекту положено. Словом, придется нам покрутиться...» Ушаков, когда рапорт подписывал, подумал, что генерал Казаков бригаду к празднику поздравит, приказ издаст, по дивизионам

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 104—105.

** Там же, л. 91.

прочитаем—у людей гордости за бригаду добавится. Что Казаков решит сам приехать—такого Николай Григорьевич не предполагал...

Однако, если столь высокое начальство, как командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Казаков, желает видеть строй бригады в 11 часов, то в соответствии со стародавними—от Петра Великого введенными—армейскими порядками командир бригады поставит солдат в строй за час раньше, чтобы самолично убедиться до приезда генерала, что все в порядке; соответственно полковые командиры выстроят солдат тоже раньше на час, чтобы всех осмотреть и чтобы Ушаков потом, не дай бог, носом не тыкал, если обнаружит упущение; соответственно командиры дивизионов... соответственно командиры батарей...

Из боевых донесений полков видно, что 27 апреля их подняли в 4 часа 30 минут, до шести часов солдаты «приводили в порядок свой внешний вид, подготавливаясь к параду» под бдительным оком сержантов и старшин, а там пошло-поехало точно до назначенного времени: в 11 часов 30 минут генерал Казаков принял парад бригады, осмотрел матчасть и остался весьма доволен—за Ушаковым, этим полковником без руки, следил давно, с того памятного дня в ноябре прошлого года, когда тот из Москвы явился в штаб артиллерии фронта за назначением.

На западе, всего-то в двухстах километрах, лежал притихший с зимы фронт. Казаков уже знал, когда наши армии снова придут в движение, но сказать об этом командиру бригады не мог. Прощаясь с Николаем Григорьевичем, пожимая руку, на немой вопрос улыбнулся—еще у нас есть время... Добавил—много в бригаде награжденных, при прохождении строя звон стоит от медалей, даже оркестра не слышно... Сколько молодых приняла в марте? Узнав, что 180, посоветовал: «Среди них наверняка есть те, кто призван с освобожденной территории, к этим людям побольше внимания. Как мы в сорок первом отсту-

пали, это они видели, а как мы немцев на Курской дуге били, нет. У иных мальчишек к немецким каскам боязнь за два года оккупации такая укоренилась — уговорами не переломишь. Надо бы обратить внимание...»

1 мая Ушаков устроил в бригаде праздник: с утра прошли полковые смотры, потом парад всей бригады, при развернутом знамени; организовали ударные обеды для солдат. Ближе к вечеру — концерт бригадной самодеятельности.

200 километров от линии фронта — для немецких самолетов не расстояние, минуты лета, но в этот день ни «юнкеров», ни «месершмитов» в небе не было, и война о себе ничем не напоминала.

5 и 6 мая офицеры и солдаты провели подписку на заем — в одном только 131-м полку сумма вышла впечатляющая: 334 тысячи рублей.

Ушаков между тем решил провести по полкам трехдневные учения, в каждом отдельно: вывести в поле всех до одного офицеров и разыграть на местности — без минометов, конечно, без стрельбы — организацию массированного огня целого полка. Как будут поспевать офицеры, старшие и младшие, за его командами? как пойдет перенос огня? смена позиции?

В 131-м полку учения начались 15 мая.

Ушаков вывел комсостав на заросшую кустарником обширную поляну у деревни Кобылянка, сориентировал людей по карте, наступать предстояло в сторону полусожженной деревушки Особин — и подал первую команду...

Учения шли три дня, как и планировалось, и 18 мая в 16 часов Ушаков и Карчевский провели разбор учений. Конечно, не у всех все получалось, но в целом — если бы так действовали в настоящем бою да под огнем, под бомбежкой — лучшего и желать нечего.

30 мая Ушаков представил офицерам 131-го полка нового полкового командира, гвардии майора Поваляева, только что прибывшего в бригаду. Ушаков посмотрел еще

прежде бумаги на Поваляева — Иван Васильевич начал службу рядовым красноармейцем в 1929 году, дослужился до старшины, потом окончил Ленинградские командные курсы и в 1940 году был уже помначштаба 573-го арtpолка. Поваляев и финскую кампанию прошел, и в вяземском окружении дрался в октябре — ноябре сорок первого, только 15 декабря вышел с бойцами к нашей линии фронта и прорвался...

Тогда, в мае сорок четвертого, Ушаков никак не мог знать, что с Иваном Васильевичем Поваляевым и его 131-м полком предстоит ему воевать целый год, и в феврале сорок пятого пройти по хрупкому, подтаявшему льду через Одер и что на том, на Одерском плацдарме похоронит он Поваляева.

Этого не дано было знать ни Ушакову, ни самому Поваляеву, и Ушаков, представив офицерам нового комполка, уехал, давая Поваляеву возможность все самому увидеть, во всем разобраться, во все вникнуть...

Три дня спустя, 3 июня 1944 года, последовал приказ по бригаде номер 003: всем полкам к 14 часам быть готовым к маршу.*

Казаков перебрасывал бригаду к линии фронта.

IV

В ночь с 11 на 12 июня бригада Н. Г. Ушакова совершила стремительный марш через деревни Сычман и Ямное, успела до света переправиться по наведенным понтонам через Днепр и укрыться в лесу в двух километрах от разрушенного, сожженного войной села — называлось оно Старое Село. Ночлег был временный, просто в светлое время суток передвижение по дорогам войсковых колонн запрецалось строжайше под угрозой военного трибунала, и

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 34142/с, д. 2, л. 110.

Н. Г. Ушаков в надлежащем приказе по фронту тоже расписался.

Войскам Рокоссовского предстояло взять **Бобруйск**, и он готовил для наступления сразу четыре свои армии. 65-я и 28-я должны были взломать немецкую оборону и обойти Бобруйск с юга, две другие, 3-я и 48-я, должны были обойти Бобруйск с севера. В прорыв Рокоссовский планировал ввести и танковые корпуса: сотни танков и мотопехота должны были вырваться далеко вперед, замкнуть кольцо западнее Бобруйска...

Перед войсками Рокоссовского стояли в обороне корпуса 9-й немецкой армии. Они, конечно, будут ожесточенно сопротивляться даже после того как мы прорвем их позиции, и это будет нам только на руку: чем больше продержатся немцы в своих блиндажах и траншеях, тем труднее им будет потом вырваться из окружения, тем больше мы их истребим, когда кольцо окружения замкнется...

Бригаде **Н. Г. Ушакова** предстояло поддерживать огнем 35-й стрелковый корпус 3-й армии. Ушаков, конечно, знал, что 3-я армия—единственная в составе фронта, которой хоть и с тяжелейшими потерями, но все же удалось вырваться из немецкого окружения южнее Гродно три года назад, в первые дни войны, и даже вынести Боевое Знамя, и потому армию не заклеямили позором, не расформировали, и тогдашнего командующего, генерал-лейтенанта Кузнецова, вышедшего к нам из-за линии фронта, не разжаловали и под трибунал не отдали, хотя от армии мало что осталось...

Правда, теперь 3-й армией командовал генерал **А. В. Горбатов**, но это все равно была та самая 3-я армия, разбитая немцами в беспощадных приграничных боях и все же восставшая из небытия...

Ушаков не знал, как встретит его генерал Горбатов, а позже и командующий 35-м корпусом генерал **Жолудев**; как примут его желание—взламывать немецкие линии обороны массированным огнем сразу всей бригады, не

растаскивать минометные полки по пехотным частям еще до начала боя,—но думал об этом непрестанно и мысленно строил разговор с генералами, разговор уважительный (при его подчиненном положении) и все же настойчивый и доказательный...

19 июня бригада находилась в лесу, километрах в полудтора от местечка **Грабов**, на западном берегу реки **Друть**; полкам предстояло ночью переправить через реку минометы, запас мин, установить надежную связь.

Ночь прошла на удивление тихо. Немцы, конечно, периодически постреливали, ракеты осветительные пускали. В сорок первом наши бойцы этих светлых ракет вот как боялись, сразу бросались плашмя, на живот, словно при минометном обстреле—в ярком зеленоватом свете казалось: немцу все видно. Теперь на ракеты внимания обращали мало, по привычке и понимали, что немцы этими ракетами сами себя успокаивают.

За ночь 131-й полк перебросил через **Друть** 12 минометов, 210-й даже 18, целый дивизион, к утру 20 июня все переправленные минометы установили на огневых позициях, и на день снова все замерло*.

22 июня выделенные для этой цели роты и батальоны пехоты провели разведку боем. Немцы за три года войны выучили, что после таких боев русские обычно переходят в общее наступление, и хотя крупномасштабных действий здесь не ожидали, все же в ночь на 24 июня заметно нервничали: их артиллерия чередовала методический огонь по переправам через **Друть** и нашим боевым порядкам с мощными артолетами.

Нервничали немцы не зря: на северном фланге «Белорусского балкона» еще 23 июня начались бои в районе **Витебска**, и хотя немецкие позиции там в тот день нигде не были прорваны, новое русское наступление могло все сразу осложнить...

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 125.

В 3 часа 50 минут 24 июня на немецкие позиции обрушился удар — земля ощутимо дрогнула. Орудия и минометы били непрерывно 2 часа, затем наша пехота поднялась, пошла за огневым валом, с ходу ворвалась в первую линию немецких траншей — и увязла в них на двое суток. 35-й немецкий корпус* ожесточенно сопротивлялся, отбивая атаки 3-й и 48-й наших армий. У Николая Григорьевича сердце заходило от досады, от обиды, от гнева: ни генерал Жолудев, командующий 35-м стрелковым корпусом, ни командиры стрелковых дивизий предложения Ушакова — оставить бригаду в его руках, удары наносить по целям, указанным пехотой, но всей бригадой сразу — не приняли, каждый комдив желал иметь минометный полк у себя, в своем подчинении, действовать и распоряжаться по собственному разумению.

И бригаду раздали совсем по-смешному: 114-й полк гвардии майора А. И. Сенина и 131-й полк гвардии майора И. В. Поваляева попали в 250-ю стрелковую дивизию, поддерживали два разных полка пехоты;

115-й полк гвардии подполковника Яценко передали в подчинение 323-й дивизии, 210-й полк гвардии майора Репкина подчинили 348-й дивизии.

Штаб бригады остался в лесу, километрах в полутора от села Малая Коноплица, Ушаков и Карчевский лишь по радиодонесениям и знали, что происходит на линии огня — ни вмешаться, ни помочь полкам они были не в состоянии**.

Каждый минометный полк в течение двух суток, 24 и 25 июня, воевал наособицу — все равно как если бы кто-то играл одним пальцем на огромном органе.

* У немцев нумерация корпусов принята римскими цифрами, что неудобно для русского читателя; вместе с тем, следует помнить, что севернее Бобруйска вели бои друг против друга наш 35-й стрелк. корпус и 35-й корпус немцев.

** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 134.

На участке южнее Бобруйска немецкие позиции удалось прорвать в первый же день. Рокоссовский бросил в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус и конно-механизованную группу — они пошли по немецким тылам.

3-я армия 25 июня к 16 часам сбила немцев с позиций, продвинулась на четыре километра. Прикрываясь мелкими группами, немцы теперь спешно отходили, пытались оторваться, и Рокоссовский бросил вперед давно стоявший наготове 9-й танковый корпус. Ему предстояло обойти Бобруйск с севера.

Лишь к исходу 26 июня генерал-фельдмаршал Буш понял замысел русских: 9-я армия, вся, со всеми ее корпусами и «крепостью» Бобруйск, через сутки-двое будет зажата русскими в огромный котел! Был выход: спешно отвести 9-ю армию на тыловые позиции, там закрепиться и не допускать новых прорывов фронта. 27 июня последовал жесткий приказ Буша:

«Положение группы армий вынуждает, удерживая «крепости» Бобруйск и Могилев до конца, к отходу либо прорыву частей 9-й и 4-й армий для создания новых оборонительных позиций на линии Житковичи — Любань — Осиповичи — Березино — Крупки — озеро Лукомское.

Для выполнения этой задачи потребуется железная воля всех командиров и строжайшая дисциплина. Там, где проявится слабость, необходимо, учитывая серьезность положения, действовать со всей жестокостью...»*.

Однако приказ этот был издан слишком поздно, теперь он был попросту невыполним, ибо в этот самый день, 27 июня, огромное кольцо вокруг Бобруйска сомкнулось.

В эти и последующие дни, до 29 июня, 35-й отдельной гвардейской минометной бригады как единого, слаженного боевого организма не существовало.

* Германия во второй мировой войне. 1985. Т. 6. С. 39.

Штаб бригады жил сам по себе, минометные полки следовали каждый наособицу за теми стрелковыми частями, которым были приданы. Приведу полковые оперативные сводки в штаб бригады:

«Оперсводка № 017 штаба 114 ГМП от 27.VI.44. 15 часов. Противник разрозненными группами разбитых подразделений беспорядочно отступает в направлении Барки. Полк поддерживает 918-й полк 250-й стрелковой дивизии и движется за боевыми порядками пехоты по маршруту Селибо—Зеленица.

Полк боевые порядки не занимал, огня не вел. Начштаба гвардии майор Зайцев*.

«Оперсводка № 182 (штаба) 131 ГМП на 17 часов 27.VI.44. Лес северо-западнее Кобылянка.

131 ГМП поддерживает наступление 922-го полка 250-й стрелковой дивизии.

Во второй половине суток 26.VI. 922 СП вышел на шоссе Могилев-Бобруйск, здесь получил задание закрепиться и уничтожить в случае продвижения живую силу и технику противника по шоссе из города Могилева на Бобруйск. Начштаба гвардии капитан Орлов**.

Из оперативной сводки штаба бригады № 072 от 28 июня 1944 года видно, что 115-й минометный полк был передан для усиления 82-й гвардейской стрелковой дивизии и в течение суток с 27 по 28 июня боевых действий не вел***.

Штаб бригады в эти два дня, 27 и 28 июня, находился в саду юго-западнее Старицы; далеко ушедшие на запад полки о своих действиях докладывали аккуратно, радиосвязь работала бесперебойно. Ушаков по карте отчетливо видел, как стремительно перемещаются войска 3-й армии, пытаясь уплотнить кольцо на своем участке, севернее и северо-западнее Бобруйска.

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 34142/с, д. 2, л. 230.

** Там же, л. 231.

*** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 127.

9-я армия немцев была еще реальной силой, и надо было считаться с тем, что она попытается вырваться. Очень важно было уловить, когда и где немцы начнут стягивать силы для прорыва. Если это не упустить и собрать бы всю бригаду вместе, и поставить на направлении немецкого прорыва, и накрыть немцев многослойным огнем тяжелых минометов... Николай Григорьевич, думая обо всем этом, только тяжело вздыхал; в ближайшие сутки-двое все должно и определиться, и закончиться, но за эти сутки командиры дивизий минометные полки из своих рук не выпустят, будут держать при себе, если даже его 114-й и 115-й полки так и не вступят в бой, не выпустят по немцу ни одной мины... Продолжалась игра на органе одним пальцем...

К исходу дня 27 июня генерал-фельдмаршал Буш наконец осознал масштабы катастрофы, угроза которой нависла над 9-й армией. Теперь он понимал, что изданный днем приказ опоздал, 9-я армия уже в кольце и надо вырваться. Был отдан новый приказ, и генерал фон Лютцов, командир 35-го армейского корпуса, стал спешно стягивать войска в лес юго-восточнее Бобруйска. Он успел собрать шесть дивизий, до 60 тысяч человек, с танками, артиллерией, запасами снарядов.

Рокоссовский, дав немцам собраться, приказал командующему 16-й воздушной армией нанести по изготовившимся к прорыву немецким колоннам бомбовый удар. Руденко поднял в воздух более полутысячи самолетов и утюжил лес полтора часа. В адском пламени пылали танки, рвались машины со снарядами, люди сгорали заживо...

Другой котел, поменьше, возник восточнее и северо-восточнее Бобруйска, где действовала 3-я армия. Здесь немцев из разбитых частей набралось до 15 тысяч, целая дивизия, и рвались они прямо на север, на соединение с 4-й армией, которая еще держалась.

В ночь с 27 на 28 июня немцы большими группами по 300—400 человек вышли сразу в нескольких местах к шос-

се Могилев—Бобруйск и столкнулись с нашими частями...

Поскольку наша 413-я стрелковая дивизия и переданный ей в предыдущие сутки 131-й минометный полк имели задачу не пропустить немцев из Могилева в Бобруйск, на выручку окруженному гарнизону, позиции наши были повернуты в сторону Могилева, тылом к Бобруйску. Выходившие с юга по шоссе немцы и натолкнулись прежде всего на наши тыловые части.

Иван Васильевич Повалаяев, командир 131-го минометного полка, в происходящем разобрался мгновенно, минометы развернул на 180 градусов и приказал бить по атакующим немцам прямой наводкой и непрерывно. Минометные позиции прикрыла наша пехота, немцев до минометов не допустили. Ночной этот бой продолжался до самого рассвета, какая-то часть немцев все равно прорвалась, просочилась в соседний лес, там засела, но основную массу не пустили—частью побили, частью отбросили. Потом, уже днем, посчитали—немцы оставили на линии 730 трупов, 11 из них офицеры.

С четырех утра до шести в лесу было тихо, а с шести часов наши цепями пошли прочесывать лес по обе стороны большака, добивать окруженных...

Минометчики Повалаяева в проческе участвовали частью сил, пленных потому взяли немного, всего 56 солдат, их днем сдали в штаб 412-й дивизии, но что с уважением к своим минометчикам отметил Повалаяев—полк в ночном бою показал себя превосходно, никто не струсил, не дрогнул, когда хлынувшие из лесу немцы навалились на тыл полка. Иные из его минометчиков ходили с нашей пехотой в контратаки. Повалаяеву доложили, что и тыловики показали себя наилучшим образом: повар Белоусов, старший сержант, и сапожник Бучнев, младший сержант, отличились при захвате пленных, и он приказал Орлову, начальнику штаба, включить этот факт в оперативную сводку. Потери полка в ночном бою оказались незначительными:

во время контратаки пропал без вести один солдат, убит один сержант, легко ранена санинструктор...*

С гвардии майором Д. М. Репкиным и его 210-м минометным полком судьба обошлась в ту ночь покруче: полк находился в районе Старусы, один, сам по себе, без стрелковых частей, 348-я дивизия, которой был придан полк, ушла вперед, когда Репкину разведчики доложили,—по шоссе продвигаются немцы. Понимая, чем может обернуться для него бой без своей пехоты и не считая возможным уклониться от боя, открыть немцам дорогу, майор Репкин доложил по радиации обстановку в штаб бригады. Ушаков не спал, ответил немедленно—было 3 часа 40 минут—занять позиции, перегородить шоссе; часть людей выделить в стрелковые цепи, прикрыть огневые позиции; принять бой и немца не выпустить.

На занятие позиций полку понадобилось 15 минут, ровно в четыре немцы лавиной ринулись по большаку на прорыв...

Потом, уже днем, когда все кончилось, разобрались, что прорывалась из окружения 296-я немецкая дивизия при пяти артдивизионах. Не зная, не распознав в суматохе почного боя, что перед ними сплошного фронта нет, что русский фронт всего-то полтора километра, а справа и слева от него пустота, немцы отчаянно штурмовали эту полуторакилометровую линию—их накрывали минометными залпами, затем гвардии капитан Михайлов, гвардии старший лейтенант Зурабов и гвардии лейтенант Бурлуй бросались со своими солдатами в контратаки, отбрасывая немцев подальше от огневых позиций. Последняя, восьмая немецкая атака, была отбита уже утром, при ясном свете, и после нее немцы, смирившись, видимо, с тем, что здесь им не пробиться, повернули обратно.

В этом бою немцы потеряли убитыми 620 солдат и 20 офицеров, в плен сдалось 435 человек, полк даже разжил-

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 34142/с, д. 2, л. 242.

ся богатыми трофеями: взяли 62 лошади; себе, правда, оставили 8, а остальные сдали на сборный пункт.

Однако эта победа дорого обошлась полку: погибло в контратаках 18 человек, 25 ранено. Отличились в ночном бою буквально все, но наградные документы оформлял уже не Репкин, а перешедший на его место из 115-го полка гвардии подполковник К. Е. Яценко, и при оформлении документов получилась недостойная, вздорная возня вокруг одного славного пацана.

В 210-м полку при автопарковом взводе прижился еще с сорок третьего года белорусский паренек Коля Гологанов, было ему 16 лет, занимался ремонтом автомашин, был расторопен, покладист, любое поручение бросался исполнять бегом. В ту жуткую ночь на 28 июня, когда отбивали немецкие атаки, он лег со всеми в цепь и стрелял, и поднялся с солдатами в контратаку — лично, на глазах у бойцов застрелил двух немецких солдат и одного офицера.

Яценко, приняв полк, включил Колю Гологанова в приказ и от имени Президиума Верховного Совета СССР своей властью наградил мальчишку медалью «За отвагу»*.

Было это в последний день августа, бои на Вислинском плацдарме, о которых речь впереди, в те дни как-то поутихли, и Яценко, выбрав минуту, вручил мальчишке в бою добытую медаль. Однако несколько дней спустя Ушаков получил из штаба фронта пренеприятную бумагу за подписью гвардии полковника Евдокимова, замначотдела кадров. Евдокимов указал, что награждение Коли Гологанова в компетенции только Военного совета фронта, Коля Гологанов не солдат, а воспитанник, и комполка наградить его не мог.

Ушаков поморщился, вызвал Яценко, дал прочитать бумагу. Тот прочитал, схватился за голову — вот крючкотворы! Вот чернильные души! Да разве можно сейчас отобрать у мальчишки медаль?

Ушаков усмехнулся — кто сказал, отобрать? Готовь по всей форме представление на имя Военного Совета, на медаль «За отвагу», подпиши и представь мне. Я тоже подпишу. Пусть Военный совет фронта рассматривает, раз это в его компетенции, а Гологанов твой пусть медаль так и носит*.

Однако вся эта возня вокруг медали для подростка будет потом, в августе—сентябре, а в те два последних июньских дня сорок четвертого года 131-й и 210-й полки донесли о результате боев в ночь на 28-е. Ушаков, читая оперативные сводки, и радовался, и плакал: радовался тому, что его солдаты, его люди не осрамились; плакал из-за того, что в одну ночь 210-й полк потерял почти 50 офицеров и солдат! За год вся бригада, все четыре полка потеряли 1000 человек, выходило, по одному в сутки на полк, а тут сразу, в одну ночь — почти 50! Ведь он же их учил, школил, они же минометчики, мастера! И такие потери!

День 28 июня прошел спокойно.

Дивизии 3-й армии в этот день взяли Осиповичи, Бобруйский гарнизон все еще ожесточенно сопротивлялся, но теперь он оказался в плотном кольце, на помощь к нему прийти никто не мог, наши войска все в том же стремительном темпе продвигались на запад, к Минску, в Ставке же теперь планировали для 1-го Белорусского фронта на первые числа июля наступление на Брест и Барановичи, захват плацдарма на Западном Буге.

Немецкий фронт в Белоруссии теперь действительно рухнул, развалился: в Бобруйском котле догорала 9-я армия, севернее, у Витебска, агонизировала в огромном котле не сумевшая вырваться 3-я танковая армия: у Могилева в могучих клещах наступавших русских войск гибла 4-я армия — никакого фронта перед советскими войсками больше не было.

Гитлер сместил генерал-фельдмаршала Буша. Назна-

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76323/с, д. 1, л. 460.

* Там же, л. 748.

ченный на его место Вальтер Модель пренебрег опасностью, вылетел в Минск. Переговорив с офицерами штаба группы армий, понял, что из остатков разбитых корпусов и дивизий нового фронта не восстановишь и русских не удержишь. Нужны были свежие войска, их следовало снять откуда угодно, из Румынии, из Прибалтики, с Украины и двинуть срочно на тот естественный рубеж, который отделяет Белоруссию от генерал-губернаторства — до этого рубежа, до Западного Буга, до линии Ковель — Луцк русским придется пробиваться еще дней десять. Может, две недели. К тому времени на этой линии должен быть создан новый фронт из новых, свежих, не испытанных потрясений от русского удара войск.

Генерал-фельдмаршал Модель доложил свои соображения Гитлеру, и ОКХ получил указания: войска собрать откуда угодно, армии восстановить, фронт создать.

...Немецкий гарнизон Бобруйска капитулировал 29 июня.

30 июня далеко на запад от Бобруйска продвинувшиеся войска освободили Слуцк, 2 июля взяты Столбцы и Городель; 3 июля освобожден дотла сожженный Минск — здесь, у Минска, снова котел, при его разгроме немцы потеряли убитыми 70 тысяч человек, 35 тысяч взяты в плен, среди них 12 генералов. Это их, продержав несколько суток на стадионе «Динамо», провели 17 июля позорным маршем по Садовому кольцу Москвы, как в древнем Риме вели побежденных вслед за триумфатором...*

Для 35-й минометной бригады, для Н. Г. Ушакова эта неделя, с 29 июня по 3 июля, прошла далеко от фронта: генерал Казаков, разобравшись в действиях Ушакова и его полков, нашел, что Ушаков прав. Нельзя, неразумно играть на органе одним пальцем. У минометной бригады — огромная огневая мощь, надо уметь управлять этой мощью, но командиры дивизий, командир 35-го корпуса до понимания

* Всего провели 60 тысяч взятых в плен в разных котлах.

этого не дозрели, минометные полки растащили каждый по себе.

29 июня последовал приказ Казакова: 35-ю отдельную гвардейскую минометную бригаду вывести из подчинения штаба артиллерии 3-й армии в резерв командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта*.

В течение суток Ушаков собрал свои полки и провел колонной по разбитым боевым дорогам до станции Уза, что в Гомельской области — здесь приказано было расположиться и ждать.

Но Казаков при все при том нашел, что при прорыве немецкой обороны севернее Бобруйска 35-я минометная бригада проявила мужество и высокую выучку, учел героизм солдат и офицеров в ночных схватках с окруженными немцами и представил бригаду к награде.

2 июля 1944 года Президиум Верховного Совета СССР наградил бригаду орденом Красного Знамени.

VI

Генерал Казаков продержал бригаду в своем резерве до 6 июля. Ушаков в эти считанные дни успел пополнить убыль в людях, довел боезапас почти до трех комплектов. Штаб бригады расположился в Новом поселке, полки рассредоточены вокруг, и Николай Григорьевич все дни проводил в полках, проверял минометы, работу связи, говорил с командирами полков: очень его заботило, чтобы те не подкачали, если все же придется через сколько-то дней воевать всем вместе, всей бригадой. 6 июля бригада получила приказ Казакова: собрать полки на станцию Уза...

К фронту бригада подвигалась медленно, и не потому, что пути, только что заново уложенные, не позволяли мчаться во весь опор — готовился новый удар, прыжок за Буг, немцы не должны были заранее раскрыть, что к месту удара подтягиваются новые части, потому три эшелона

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 141.

на бригады двигались только по ночам, днем отставались на лесных тупиках.

Лишь 12 июля Ушаков выгрузил бригаду, притом два эшелона на станции Повурск, один — на станции Холобы. С этого дня, 12 июля 1944 года, бригада вошла в подчинение 69-й армии, и Ушаков думал: что он собой представляет, генерал-полковник Колпакчи, командующий армией? как распорядится бригадой?

Здесь, у Бреста, Модель решил наконец остановить русских. Здесь были развернуты немецкие резервы, усиленные 2-й армией и остатками 9-й армии. Немецкое командование действовало жестоко и решительно. В тылу немецких армий созданы были зоны заграждения — зондеркоманды задерживали вырвавшихся из окружения солдат-одиночек и мелкие группы и сгоняли их в фильтрационные лагеря для проверки; тех из них, кто имел надлежащие документы и мог доказать, кто он есть, сбивали в роты и батальоны и возвращали в строй; тех, кто не имел документов или чьи документы вызывали сомнение, передавали в гестапо на проверку.

В пункте 2 приказа № 5307 от 20 июля по 4-й немецкой армии было указано: «В случае неповиновения следует со всей решительностью применять оружие. Сохранение порядка и дисциплины должно быть обеспечено самыми решительными мерами»*.

За три дня до этого генерал-фельдмаршал Модель дал указание по группам армий «Центр» и «Северная Украина»: «Окончательной линией, на которой при любых обстоятельствах следует вновь перейти к обороне, является частично оборудованная позиция по течению Буга до Бреста — плацдарм Брест—Каменец-Подольский». На документе проставлено и время подписания: 13 часов 40 минут 17 июля 1944 года.

До нового удара русских войск оставалось меньше суток...

* Германия во второй мировой войне. Т. 6. С. 44.

«ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ!»

Польский народ никогда не забудет, что он получил свободу и возможность восстановления своей независимой государственной жизни благодаря блестящим победам советского оружия и благодаря обильно пролитой крови героических советских бойцов.

Из послания Крайовой рады народной от 20 января 1945 г.

Советскому правительству.

I

Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский* к началу июля готовил новую операцию, которая логически вытекала из событий предыдущих недель.

Имея под своим началом более миллиона солдат и офицеров, тысячи танков и самолетов, Рокоссовский считал, что он вполне может ударом левого фланга своего фронта протаранить новую немецкую оборону у Бреста, обойти этот укрепленный район с юга и севера, брестскую группировку окружить и разгромить частью сил, а остальные бросить через Западный Буг, где у немцев серьезных оборонительных позиций пока нет, забрать у них польские города Хелм и Люблин и широким фронтом выйти к прекрасной, величавой, с детства любимой Висле. И перешагнув на тот берег, захватить плацдарм.

Главный удар Рокоссовский планировал нанести южнее Бреста, сюда он нацелил шесть армий, в том числе и Первую армию Войска Польского. Здесь же была выделена и полоса наступления для 69-й армии генерал-лейтенанта Владимира Яковлевича Колпакчи: армия разверну-

* Звание Маршала Советского Союза присвоено К. К. Рокоссовскому 29 июня 1944 г., в день освобождения Бобруйска.

лась южнее Ковеля, направление удара — на Хелм, прямо на запад; вторым эшелонам, за спиной армии, стали братья-поляки.

Какой разговор был у генерала Казакова с Колпакчи, Николай Григорьевич так никогда и не узнал: слишком велика дистанция от командира минометной бригады до командующего армией, чтобы тот без веских на то оснований пересказывал полковнику разговоры между высокими генералами. Но Колпакчи, подчиняя бригаду Ушакова командиру 91-го корпуса и его командующему артиллерией, видимо, передал пожелание Казакова: бригаду не растаскивать...

Корпусу поставили задачу: начать наступление на позиции немцев в районе Пшевалы—Дольск, прорвать оборону, выйти к Западному Бугу в районе Раковец и, форсировав его, закрепиться на том берегу.

Ушаков получил приказ: огнем бригады поддержать удар 370-й стрелковой дивизии. Огнем всей бригады, всех четырех полков — наступление одной дивизии. Большого для себя Ушаков желать не мог. Вот теперь бригада покажет, какова ее огневая мощь, что могут сделать 144 полковых миномета, бьющих сразу...

За те дни, что остались до наступления, Николай Григорьевич организовал разведку: он желал по возможности точно знать, кто перед ним, что за противник, какие у него позиции. К исходу 17 июля Николай Григорьевич знал ровно столько, сколько нужно, чтобы удар по позициям противника был сокрушительным и беспощадным.

Стоящие перед ним 342-й пехотный полк и 554-я боевая группа успели оборудовать линию обороны — траншеи полного профиля, проволочные заграждения в 1—2 кола; полковые разведчики выявили минные поля и до 12 пулеметных точек на высоте 204,6, что нависала над поросшей кое-где лесом равниной. В глубине немецкой обороны, у села Соснувка, высился пологий холм — по карте он значился как высота 202,4 — там предполагались немецкие ре-

зервы. В трех-четыре километра за первой линией немцы соорудили вторую, тоже с траншеями полного профиля и укрытиями для пехоты, чтобы было где отсидеться от нашего артогня. Правый фланг немецких позиций упирался в густой и огромный сад у Дольска; левый фланг немецкого фронта надежно прикрывала высота 204,6, всего же неудобнее было то, что с нашей стороны немецкие позиции просто не просматривались*.

Маршал К. Рокоссовский и командующие армиями решили, что наступление начнется без общей артподготовки: передовые батальоны сначала атакуют немецкие позиции и, если окажется, что немцы свою пехоту из передовых траншей не отвели в глубь позиций, тогда разведка боем без паузы, с ходу, перерастет в общее наступление**.

17 июля сорок четвертого года передовые батальоны 312-й стрелковой дивизии 91-го корпуса атаковали немецкие позиции, прикрывавшие подступы к злосчастной высоте 204,6. Ушаков приказал всем разведчикам, всем штабным офицерам выйти в наши траншеи переднего края, с той высоты во время боя глаз не спускать, засечь все, что оттуда, от немцев, стреляет: хоть орудие, хоть пулемет, хоть миномет.

События этого дня — 17 июля — маршал Рокоссовский позже описал в книге «Солдатский долг» — он в ходе боя находился на передовом наблюдательном пункте: наши пехотные батальоны и танки немцы встретили сильным артогнем; наши бросили на подавление немецких артиллерийских позиций небольшие группы самолетов — их перехватили немецкие истребители, бомбить не дали. К вечеру кое-где наши батальоны все же ворвались в первую траншею — сопротивление немцев всюду было отчаянно-упорным, нигде они не бежали и не сдавались. Рокоссовский понял: наши батальоны натолкнулись на главную линию обороны, можно наносить удар.

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с. д. 1, л. 208.

** Рокоссовский К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1972. С. 272.

Мощный огневой вал обрушился на немецкие линии ранним утром 18 июля. По плану огня, который утвердил Ушаков, бригада нанесла удар по склонам высоты 204,6 и вела стрельбу по разведанным целям 100 минут. Позже, когда высота была взята, захваченные в плен немецкие солдаты рассказали, что от обрушившегося на них огня каждый третий либо погиб, либо был ранен; что огневой удар — одновременно со всех сторон — полностью подавил оборону высоты и дезорганизовал управление войсками*.

На нашем левом фланге, у Дольска, пехота 370-й дивизии встретила ожесточенное сопротивление противника, продвижение полков приостановилось. Угроза немецкого контрудара во фланг была реальной. Ушаков, находясь безотлучно на КП командующего артиллерией дивизии и понимая, чем грозит немецкий фланговый удар, обрушил на вражеские позиции у Дольска массированный огонь двух своих полков, 114-го и 210-го. В 9 часов 30 минут Дольск был взят.

К этому времени передовые части 370-й дивизии вышли к окраинам Соснуйки и восточным скатам высоты 202,4, но прорваться сквозь немецкий огонь не смогли, залегли. И снова Ушаков решил судьбу боя: у него так было спланировано, что треть дивизионов передвигается по мере продвижения пехоты, две трети стоят на огневых позициях и готовы открыть огонь. На данную минуту боя в пределах досягаемости минометного огня стояли на ОП дивизионы 114-го, 210-го и 131-го полков; командиры полков по вызову Ушакова откликнулись мгновенно — Ушаков указал цель, дал координаты, и мощный огневой вал забушевал над немецкими траншеями, и снова немцев вышибли из их позиций, и они наконец покатались к Западному Бугу, не оказывая более сопротивления, торопясь перебраться через реку, спастись на той стороне.

20 июля дивизии 91-го корпуса вышли к Западному

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 209.

Бугу в районе Раковец — Терехи и с ходу начали переправу. Немцы на той стороне еще не закрепились, еще не успели, и удержать наши стремительные полки было им не под силу. В ночь на 21 июля Ушаков перебросил на плацдарм несколько батарей, основные силы бригады остались пока здесь, а с утра 21-го бригада нанесла огневой удар по тем позициям, которые немцы успели создать за ночь. Под этим сокрушительным огнем немцы снова отошли, и пехота 370-й дивизии, не встречая более сопротивления, вышла на рубеж Плавнице.

Здесь, за Западным Бугом, земля была польская, и по войскам политработники читали заявление Советского правительства: «Советские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой сильной и демократической Польши».

Как и все люди поколения, к которому принадлежал Николай Григорьевич, он о старой довоенной Польше мог думать только как о стране враждебной нам: белополяки захватили у нас летом 20-го и Минск, и Киев. Молодежь записывалась добровольно в Красную Армию, воевать на польском фронте; после подписания мира Польша, за которой стояла вся могучая Антанта, удержала в своих руках землю Западной Украины со Львовом и Западной Белоруссии с городами Лида, Барановичи и Гродно, отбить их у пана Пилсудского тогда сил не хватило, и мы с утратой смирились; та, панская, Польша стала на долгие годы прибежищем для белогвардейцев, для всяких банд, — время от времени они совершали дерзкие кровавые рейды по нашим западным землям, оставляя после себя пепел, кровь и слезы... К той, старой, панской Польше, к Польше пана Пилсудского у нас в сердце, в душе ничего доброго быть просто не могло, и в душе Николая Григорьевича тоже ничего доброго не было.

В 1939 году, в сентябре, когда Николай Григорьевич вновь призванный из запаса на службу, занимал скромную должность помначштаба 74-го артполка, начался освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и в Западную Белоруссию. Польша Пилсудского и его преемника маршала Рыдз-Смиглы тогда развалилась под немецкими ударами, ее не стало за две недели, и Красная Армия, выйдя к линии Керзона, поставила новую границу Советского Союза, и немцы эту границу признали. Пакт с Гитлером благим делом в полку не считался, хотя рассуждать на эту тему не было принято — не то чтобы боязно было, просто после потрясения в армии двухлетней давности люди точно знали, о чем можно толковать между собой, о чем не следует. О пакте говорить избегали, а присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии считалось среди командиров делом благим.

Потому, в эти июльские дни, гоня фашистов за Западный Буг, никто в бригаде не ощущал, что ступаем по чужой земле, и Николай Григорьевич так не считал: до реки земля была своей, нашей, белорусской.

Теперь, после 21 июля, пошли по польской земле, что и как тут сложится, как примут их поляки, было неизвестно.

В 5 утра 22 июля передовые части 370-й дивизии «встретили огневое сопротивление противника» — так отмечено в докладе о боевых действиях бригады*. Немцы, успев за сутки создать некое подобие обороны перед городом Хелм, обстреляли нашу пехоту из орудий, укрытых в лесу, в километре от Вольванува. Сил нашей пехоты хватило выбить немцев и из леса, и из Вольванува, погнать их дальше, на запад. К 12 дня пехота 370-й дивизии вышла к южным и западным окраинам Хелма — города старинного, еще в 13 веке в Беявице, на северной окраине Хелма, стоял «Грод» галицких князей. Хелм потому и называли Хелм, что поставили его в давние времена на меловом

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 209.

холме, высоко в небо возносились шпили приходского костела и униатского кафедрального собора...

Драться за город немцы по-настоящему не стали — к часу дня Хелм был освобожден весь*, части 370-й дивизии продвинулись километров на 6 западнее Хелма и заняли станцию Завадувка. Левый фланг дивизии оказался открытым, и на сей раз немцы этим воспользовались: в 18 часов, сразу же после артналета, атаковали фланг нашего 1230-го стрелкового полка. Дело могло бы обернуться худо, но в боевых порядках нашей пехоты находился один из полков минометной бригады Ушакова — 114-й. Для командира полка, гвардии подполковника Борзых этот бой был последним: сутки спустя, 23 июля, полк примет его заместитель по строевой части гвардии майор Сенин. Но тут Борзых не растерялся — ударил по атакующим немцам обеими дивизионами, остановил, прижал к земле, заставил пятиться... Огневые позиции для полка Борзых выбрал удачно — у костела села Покрувка, отсюда, с холмистой гряды, немцы были видны, как на ладони...

С утра 23 июля 1230-й стрелковый и 114-й минометный полки двинулись вперед. Противник перед ними отходил огрызаясь — теперь, после взятия Хелма, перед 91-м корпусом лежал древний, выдержавший в минувшие века множество татарских, литовских и украинских осад и нашествий и все же уцелевший Люблин...

VIII

Фельдмаршалу Моделю удержать русских у Бреста не удалось: его Брестская группировка была сжата с юга нашей 70-й армией, с севера — 28-й, с востока — 61-й. Вырвать

* 22 июля 1944 г. Приказом Верховного Главнокомандующего № 145 объявлена благодарность войскам, отличившимся при освобождении г. Хелм. Среди них указана 69-я армия генерала Колпакчи и минометная бригада Ушакова.

ся из окружения эта группировка не могла и теперь погибала на линии Брест—Седлец, погибала в тех самых бастионах «крепости Брест», которые помнили еще приграничные сражения первых дней войны...

22 июля, когда 69-я армия генерала Колпакчи очищала от немцев город Хелм, Рокоссовский севернее его вел в прорыв у города Любартов 2-ю танковую армию генерала С. И. Богданова — сотни бронированных машин, отрываясь от остальных армий фронта, ринулись на Люблин.

75 километров до Люблина танки и мотопехота прошли за день — вечером того же дня передовые части армии уже достигли окраин Люблина, но овладеть городом с ходу танкистам не удалось: немцы сдаваться не хотели...

91-й стрелковый корпус 69-й армии 23 июля продвигался вперед медленно, немцы хоть и отходили, но то и дело контратаковали, легкой победы здесь не было. Лишь к исходу дня 24 июля 1230-й стрелковый и 114-й минометный полки пробились к восточной окраине Люблина. С 114-м полком сюда же вышел и один дивизион 115-го минометного полка. Остальные полки 370-й дивизии и минометной бригады Ушакова немцы фланговым ударом пехоты и самоходок просто отсекали, остановили в районе Пяски — Файславице, здесь немцам даже удалось на время перерезать шоссе Хелм — Люблин, и сломить их сопротивление смогли только утром 25 июля*.

Люблин был уже свободен, 370-я дивизия и минометная бригада Ушакова в город для боевых действий не вводились. Они вышли в тот же день на рубеж Дзесанта — Глукс — южнее Люблина и закрепились на восточном берегу реки Чернеювка.

Ушаков понимал, что пауза в наступлении не может быть долгой, но воспользоваться передышкой надо было максимально.

В первый же день боев на Буге, уже на плацдарме, под

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. л. 163, 164, 209.

немецкий огонь попал НП 131-го полка — полковую рацию разбило, радиста Мурзина контузило; Мурзин, правда, оказался молодцом: едва придя в себя, взялся за захваченную накануне немецкую трофейную рацию, покругил верньеры, пощелкал тумблерами, вышел на связь с огневыми позициями полка... Молодец Мурзин, конечно, молодец, достоин награды. А рацию надо дать ему свою; надо срочно восстановить боезапас: в боях за Дольск по полкам комплект мин был 2,7, сейчас много меньше, от баз снабжения оторвались на 200 километров, «студебеккеры», конечно, подвозят ящики с минами, но больно концы велики, туда и оттуда, а немец спрашивать не станет, готова ли бригада к боям, пополнилась ли боезапасом, а впереди — Висла, серьезный рубеж...

Ушакову было ясно, что наше командование, если войска дойдут до Вислы, прикажет форсировать, создавать плацдарм, от бригады потребуется огневая поддержка, а для этого нужны надежная связь от него к полковым командирам, от них к дивизионам. И нужен достаточный запас мин — осколочных, фугасных, зажигательных...

Минувшими боями Ушаков был вполне удовлетворен: бригада показала свою мощь, маневренность. Солдаты воевали храбро, беззаветно, в свое оружие верили, званием гвардии минометчика гордились; офицеры, что младшие, что штабные, подобрались все толковые, инициативные, кого ни возьми, воевали грамотно; что до командиров полков, то все были как на подбор, на любого из них Ушаков в любое время мог положиться полностью — и на гвардии майора Сенина, комполка 114-го, и на командира 115-го полка, гвардии подполковника Яценко, и на гвардии майора Поваляева, с мая принявшего 131-й полк, и на гвардии майора Репкина, командира 210-го полка.

Пауза в наступлении кончилась сутки спустя: 26 июля генерал Колпакчи забрал бригаду из 91 корпуса и перебросил ее севернее, подчинив командующему 61-м корпусом — корпус этот, отбрасывая немецкие заслоны, широ-

ким фронтом выходил к Висле. Бригада Ушакова двигалась за пехотой двумя походными колоннами, боевых действий ни в тот день, ни на следующий минометчики не вели; немцы сами спешили уйти за Вислу, серьезного сопротивления не оказывали*.

Ушаков, поручив бригаду начальнику штаба Карчевскому, прибыл по вызову в штаб артиллерии корпуса. Когда ехал, было у него доброе предчувствие, даже уверенность: после того как бригада показала себя у Дольного и на высоте 204,6, должны пехотные начальники убедиться, что массированный огонь бригады — вещь серьезная. Значит, и теперь должны оставить бригаду в одном кулаке, по дивизиям, тем более по стрелковым полкам не растаскивать...

Все получилось и так, как думал Ушаков, и немного не так.

Командующий артиллерией корпуса, внимательно выслушав доводы и соображения Ушакова, взял остро отточенный карандаш, стал водить им по карте, едва не касаясь бумаги: «Бригаду твою, Николай Григорьевич, мы, действительно, растаскивать не станем — ни по полкам, ни даже по дивизиям. Бригада твоя будет подчинена мне лично, только распредели ее сам на две подгруппы по два полка. Отвожу каждой подгруппе свои полосы наступления, в пределах полос двух стрелковых дивизий, 312-й и 117-й. Командиров подгрупп свяжешь напрямую с командирами дивизий, на себя возьмешь организацию огневого взаимодействия своих подгрупп. Каждой подгруппе определи цели, схему огня в их полосе, плюс сектора огня в полосе соседа. Завтра в ночь будем форсировать Вислу. Знаешь, 2-я танковая армия вышла к Висле еще два дня назад, полезла в воду, не разведав броду, и немцы им вложили ума... На той стороне у них вроде подошла танковая дивизия СС «Герман Геринг», а что эти гады драсть-

ся умеют — надеюсь, не возражаешь? Вот и не будем подставлять шею, чтобы немцы ее нам намылили. Мы с тобой лучше сутки возьмем на подготовку, потом уж ударим...»

Командующий артиллерией корпуса об Ушакове и его минометной бригаде был уже наслышан и все же, пожимая на прощание его руку, испытывал некое подобие неловкости, словно был перед ним не боевой офицер, волевой и, очевидно, умный, а беспомощный калека...

Ушаков разговором был в высшей степени доволен: командующий артиллерией корпуса, слушая его доклад, все точно уловил и его, Ушакова, собственные мысли так изложил, словно сам до всего додумался...

С утра 28 июля пехотные батальоны 312-й и 117-й дивизий 61-го корпуса стали выходить к Висле южнее города Пулавы.

Бригада Ушакова подошла к берегу величавой реки в 16 часов. Ушаков свои полки поставил на огневые позиции, почти у реки, двумя группами: 115-й выше по течению, на той стороне виднелись по-за деревьями черепичные крыши деревни Гняздуков и поодаль — Люцимия; ниже по течению, у деревни Добре, стали остальные три полка. Ушаков считал, что в этом месте переправу проводить удобнее всего, здесь посредине Вислы лежали два острова, от противоположного берега к ним тянулась широкая коса — будет где укрыться пехоте. На той стороне стояло село Бжесце. Ушаков еще не знал, как много крови будет здесь пролито русскими солдатами...

Поглядывая на ясное, чистое, без облачка небо, Ушаков сказал командирам полков: «Про маскировку не забывайте, а то разбаловались в эти недели, привыкли, что немцы не бомбят. Там танковая дивизия СС подошла, ее немцы авиацией точно прикроют...». Сказал, как в воду глядел: на другой день, ровно в 15 часов, до 30 немецких пикировщиков обрушились и на переправу, и на наши боевые порядки. В минометах, правда, потерь не было, а двух офицеров потеряли: гвардии капитан Йордаций и

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 167.

гвардии старший лейтенант Внук выбыли из строя по ранению*.

...Ушаков дал командирам полков Сенину, Повалаяеву и Репкину 10 минут на сборы, потом повез всех на Вислу, к деревне Подгуж, на личную рекогносцировку**.

IX

За июнь и июль немецкому командованию удалось заново сформировать и подтянуть к фронту группы армий «Центр» 29 дивизионных соединений и 13 танковых групп: десятки тысяч солдат, находившихся к началу русского наступления на родине, в так называемом «фронтовом отпуску», срочно собрали, сформировали из них «батальоны отпусков» — такое насмешливое название они получили от солдат — и бросили к Висле.

В конце июля немецкая пропаганда требовала от солдат остановить врага, не допустить его до имперской границы. Модель обратился к войскам с воззванием, в котором заклинал их — ни шагу назад, и одновременно недвусмысленно заявлял, что каждый, кто теперь проявит нерешительность, лишится собственной жизни***.

Полки 312-й и 117-й дивизий 61-го корпуса начали переправу через Вислу в ночь на 29 июля. К утру удалось закрепиться на той стороне. Плацдарм получился крохотный, даже не один, а два: на левом фланге взялся Гняздукув, на правом — колонию Бжесце, из лежавшей между ними деревни Люцимия немцев в ту ночь выбить не удалось.

В боевые порядки пехоты Ушаков послал передовые НП****. Сам со штабом на ближайшие двое — трое суток ре-

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 170.

** Там же, л. 167.

*** Германия во второй мировой войне. Т. 6. С. 49.

**** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 170.

шил оставаться на этом берегу, в селе Добре. Правда, на другой день сам все и переиграл, но об этом ниже.

День 29 июля был тяжким: немцы штурмовали наши крохотные плацдармы непрерывно, переправы бомбили и обстреливали, но пехота мелкими группами все переправлялась и переправлялась на ту сторону.

С пехотой пошел гвардии старший лейтенант Василий Пермяков, командир минометной батареи из 131-го полка. Из колонии Бжесце он корректировал огонь — там, в пехотной цепи, ему все было видно: и как немцы поднимались в атаку, и как, накрытые залпами минометов из-за Вислы, откатывались назад, пятная черными трупами зеленую траву...

Для Ушакова этот день, 29 июля, был тяжким еще и потому, что при переправе на ту сторону погибло много людей, и в их числе гвардии капитан Василий Бутенко, командир батареи из 210-го полка: неделю назад, при взятии Хелма, отличился, проявил храбрость, а на Висле не уберегся... Ушаков, когда доложили о гибели капитана, сказал Карчевскому: «Бутенко теперь все равно, а мы его к награде представим — ордену Отечественной войны. Дадут там или не дадут — не знаю, а мы свой долг перед его памятью исполним!»*

Получив согласие Ушакова, в ту же ночь вместе с пехотой 274-й дивизии переправился за Вислу и командир 131-го минометного полка Иван Васильевич Повалаяев. На крохотном плотике, под огнем, под бомбежкой он пересек Вислу, и с ним вместе прыгнули в воду и выбрались на берег наблюдатели и полковые разведчики с рациями, и Повалаяеву уже к утру 29 июля пришлось отражать три следовавших одна за другой яростные немецкие контратаки, и он прикрыл нашу пехоту столь плотной завесой огня, что плацдармик не просто удержался — его удалось расширить, отбросить немцев от берега, потеснить вдоль по

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76323/с, д. 1, л. 13.

Висле. За этот бой, за личное мужество получил И. В. Поваляев орден Суворова III степени, Ушаков подписал ре- ляцию неделю спустя, 7 августа, когда бои на еще больше расширившемся плацдарме были в самом разгаре, но уже ясно стало, что плацдарм удержим, что немцы нас не спихнут*.

К исходу дня 2 августа плацдарм был уже достаточно обширен — немцев отбросили от берега где на пять, где на восемь километров, к Шляхетскому лесу, к деревне Анджеюв, к Гурне. Однако теперь перед нашими полками были не деморализованные, много раз битые в Белоруссии, едва выскользнувшие из окружения немцы, не «батальоны отпуснников».

Назначенный 23 июля начальником генерального штаба сухопутных сил, генерал-полковник Гайнц Гудериан заявил, что на Висле и Сане русских необходимо остановить, иначе «можно постепенно допятиться до Одера или до Эльбы**». Потому германское командование перебрасывало в конце июля к Сану и Висле одну дивизию за другой. Цель была — ударами с севера и юга вдоль по Висле ликвидировать русский плацдарм; после восстановления прямой связи между 1-й и 4-й танковыми армиями атаковать русских с юга на север и соединить фронт с правым крылом группы армий «Центр» у Варшавы.

Словом, в те дни конца июля — начала августа бои на Вислинских плацдармах кипели днем и ночью.

Ночь со 2 на 3 августа была, можно сказать, критической: немцы контратаковали нашу пехоту, 916-й полк был ими выбит из деревни Анжеюв и отошел на западную опушку Шляхетского леса.

Немцев остановили только потому, что Ушаков нанес несколько сосредоточенных ударов обеими подгруппами,

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76323/с, л. 1, л. 97.

** Германия во второй мировой войне. Т. 6. С. 58.

всеми четырьмя полками, и эсэсовцы сквозь плотную завесу огня не пробилась.

Но едва немецкая атака захлебнулась, Ушаков начал переправу своих полков на тот берег. Тут я хочу дать слово самому Николаю Григорьевичу — в его личном архиве есть воспоминания о событиях той критической ночи:

«...Я решил... под прикрытием двух минометных полков на подручных средствах переправиться на западный берег. Каждый минометный расчет и отделение готовили себе плотки, разбирая постройки в селе Добре. С наступлением темноты все переправочные средства были готовы...

По сигналу серии красных ракет два минометных полка открыли ураганный огонь до предельной технической возможности по западному берегу реки Висла. А я с двумя полками начал переправу...»*

Немцы, заметив в неверном, зеленоватом свете ракет, которыми они то и дело освещали Вислу, движение на реке, вызвали авиацию — бомбежка, минометный и пулеметный огонь были густыми настолько, что, как вспоминал позже Николай Григорьевич, «на реке... стояли беспре- рывно водяные столбы, и вода буквально кипела», но остановить переправу минометчиков немцам не удалось.

В эту ночь на западный берег переправился полностью 114-й полк гвардии майора Сенина**; ближе к рассвету приступил к переправе 131-й полк Поваляева — оперсвод- ка по бригаде № 089 за 3 августа, подписанная Карчев-ским, лаконично отмечает, что Поваляев к 13 часам пере- правил пять своих батарей. 115-й и 210-й полки, находясь на боевых позициях на восточном берегу, к переправе не приступали из-за отсутствия переправочных средств***.

Читая эти сухие строчки скупого на эмоции армейского документа, никак себе не представишь ни жуткой пере-

* Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 2, с. 14.

** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л. 184.

*** Там же, л. 184.

правы, ни идущих на смерть людей, ни сраженных, плывущих вниз по Висле или прибитых водой к берегу, а погибло в ту ночь много.

Героизм солдат и офицеров при переправе через Вислу был воистину массовым — в огромном томе штабных документов многие сотни реляций на солдат и офицеров, подписанных Ушаковым. Не все из представленных получили причитающиеся им награды: иные реляции не утвердило вышестоящее начальство, кто-то из представленных погиб прежде, чем им успели вручить ордена и медали. Но в сухих строчках наградных документов такой накал человеческого мужества, что я могу себе позволить лишь кое-где дать необходимые разъяснения:

«Будяков Алексей Тимофеевич, гвардии сержант, старший разведчик 115-го ГМП, проживал в Кемеровской области, Топкинский район, — засек с передового наблюдательного пункта 2 ручных и 1 станковый пулемет, огнем минометов цели уничтожены; продвигаясь вперед вместе с пехотой, из личного оружия уничтожил трех солдат противника*. Достоин правительственной награды — Ордена Красная Звезда»**.

«Баталов Василий Григорьевич, гвардии старшина, командир миномета 131-го ГМП, проживал в селе Покровка, Ленинск-Кузнецкого района, Кемеровской области.

В бою 10 августа 1944 года в районе деревни Яновице, несмотря на сильный огонь, как командир расчета показал образцы мужества и отваги. В боях 15 августа в районе деревни Яновице поддержал огнем продвижение 1083-го стрелкового полка.

Достоин награды — ордена Славы III степени***.

«Романов Дмитрий Степанович, гвардии младший сержант, старший радист взвода управления дивизиона 114-го

* Иначе говоря, участвовал в рукопашной схватке.— Авт.

** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76323/с, д. 1, л. 126.

*** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76323/с, д. 1, л. 293.

ГМП, ранее награжден медалью «За отвагу», дважды ранен, проживал на станции Тяжин, Кемеровской области — 1 августа 1944 года в районе Кемпа Хотецкая, под сильным огнем, неся рацию на голове, форсировал бродом реку Висла. Находился в боевых порядках пехоты, в течение двенадцати часов обеспечивал бесперебойную связь, дивизион вел огонь, что позволило закрепить плацдарм на Западном берегу Вислы. Достоин к представлению к ордену Красная Звезда*.

«Чирцов Дмитрий Павлович, гвардии лейтенант, командир артиллерийского парка 131-го ГМП, тяжело ранен в 1942 году, призван Ленинским РВК Кемеровской области — обеспечивал доставку боеприпасов полку, переправляясь через Вислу. Достоин награждения орденом Красная Звезда»**.

Комполка И. И. Поваляев и Н. Г. Ушаков не указали в представлении, что Чирцов не просто переправлялся с ящиками мин через Вислу, он делал это под непрерывным немецким обстрелом, под жесточайшей бомбежкой, потому что понимал: без его мин минометы — не оружие.

«Яценко Корней Емельянович, гвардии подполковник, командир 115-го ГМП... Трижды ранен тяжело, два легко, до войны жил в Свердловске. Огнем поддержал продвижение вперед 350-го стрелкового полка. Направляясь с НП к командиру 350-го полка для получения новой задачи, был тяжело ранен. Боевые порядки оставил после моего приказа. Достоин награждения орденом Отечественной войны I степени».

Других командиров полков Ушаков тоже представил к наградам:

Поваляев «обеспечил прорыв, сопровождал пехоту в ходе боя и глубине — достоин ордена Александра Невского»;

* Там же, л. 375.

** Там же, л. 387.

Душко «проявил мужество, умело руководил боем полка в ходе прорыва — достоин награждения орденом Богдана Хмельницкого II степени»;

Репкин — «огнем минометов сломил сопротивление противника западнее Раслув — достоин награждения орденом Суворова III степени»;

Сенин — «114-й ГМП надежно подавил на участке полка огневые средства противника, не имея потерь, обеспечил прорыв обороны противника. Достоин награждения орденом Александра Невского».

Приходченко Владимир Мефодьевич, гвардии майор, замкомандира 131-го ГМП по строевой части — «первым ворвался на командную высоту 202,4, корректировал огонь полка, подавил огневые средства противника, захватил выгодный рубеж, обеспечил продвижение пехоты — достоин награждения орденом Богдана Хмельницкого II степени».

Тимошенко Иван Максимович, гвардии майор, начальник штаба 115-го ГМП... Достоин...

Зайцев Михаил Матвеевич, гвардии майор, начштаба 114-го ГМП, достоин...

Васильев Аркадий Гаврилович, гвардии старший лейтенант, командир батареи 114-го ГМП... достоин...

Волчек Аркадий Ефимович, гвардии старший лейтенант, командир батареи 114-го ГМП — первым переправился через Вислу, огнем батарей нанес потери противнику — достоин...

Ушаков не то чтобы щедрой рукой разбрасывал ордена и медали, кому попадет, — нет, он лишь воздавал должное своим солдатам и офицерам, их мужеству, их боевому порыву, их презрению к смерти, которая ходила тенью за спиной каждого.

Весь август и сентябрь бои на Вислинских плацдармах не утихали. Дивизиям 69-й армии генерала Колпакчи, действовавшим у Пулавы, постепенно удалось расширить плацдарм до 15 километров в глубину и до 30 по фронту.

Те пустые, наполовину сгоревшие польские деревни — Люциня, Бжесце, Дольна, Гняздукув, Барычка, — за которые шла жесточайшая борьба, за которые столько было отдано крови, теперь стали нашим тылом.

На правом фланге плацдарма высились на вершине стометрового холма развалины крепости Яновец, разбитой еще в Первую мировую войну. Здесь, у развалин, в начале августа закрепились дивизионы 210-го полка, и все попытки немцев выбить минометчиков и нашу пехоту кончились ничем. Немцы перенесли атаки южнее по фронту, к Дольне.

Крепостные развалины Яновец тоже стали «тылом» — передовая линия плацдарма продвинулась дальше на север и на запад: по сводкам бригады видно, что на 24 августа линия фронта проходила на рубеже Томашув, а в Яновец Ушаков перенес свой штаб*. Однако все попытки продвинуться дальше наталкивались на упорное сопротивление немцев. Оперсводки штаба бригады этих дней начинаются одинаково: «Противник продолжает обороняться на прежнем рубеже. Артиллерия противника в ночное время вела огонь по нашему переднему краю, в ближней глубине и по району переправ**».

С середины августа немцы подбросили к плацдарму достаточно сил, чтобы перейти к контратакам. Они и контратакуют непрерывно, бросают в бой танки, самоходные установки, эсэсовскую пехоту — их накрывают огнем, жгут, отбрасывают — разгромить наши войска, сбросить их в Вислу немцам было уже не по силам...

В сентябре 1944 года на Казимежском плацдарме установилось относительное затишье. По оперсводкам бригады изо дня в день значителен одно и то же: «Противник упорно обороняет прежние рубежи, ведет артогонь, укрепляет свои

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л.л. 201, 225.

** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 76431/с, д. 1, л.л. 190, 193, 195, 196, 199, 200.

позиции. Части 61-го стрелкового корпуса наступления не ведут».

Ушаков в эти дни ухитрился написать статью «Использование минометной бригады РК в наступлении и обороне» для сборника «Боевой опыт артиллерии в Отечественной войне». Ушаков все разложил по полочкам: почему и в наступлении, и в обороне предпочтительнее использовать бригаду как единое целое. Статья получилась емкой по содержанию и вместе с тем не громоздкой, всего десять страниц от руки. После перепечатки вышло шесть страниц — Ушаков статью подписал и отправил 19 сентября в штаб артиллерии 1-го Белорусского фронта, генерал-лейтенанту Г. С. Надысеву.

О том, что генерал Казаков, командующий артиллерией фронта, статью прочитал и одобрил, Николай Григорьевич узнал позже, когда бригада уже оставила плацдарм: 25 сентября приказом № 0419 Казаков вывел полки Николая Григорьевича в свой резерв и перебросил в местечко Турув.

МЕЖДУ ВИСЛОЙ И ОДЕРОМ

...Немцы из кожи вон лезут, чтобы ликвидировать плацдарм. Нам очень трудно их удерживать и мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боев... И Красная Армия может временами уставать. Наши потери были очень велики.

Из беседы К. Рокоссовского с английским корреспондентом в Москве А. Вергом 26 августа 1944 года.

I

Только в середине октября 1944 года бои на Вислинских плацдармах затихли: у наших армий больше не было сил для продолжения наступления, у вновь воссозданной

немецкой 9-й армии не доставало сил, чтобы ликвидировать наши плацдармы. Наступила оперативная пауза. И наши войска, и немецкие знали, что долго она не продлится, что каждый новый день приближает тот час, когда наше наступление возобновится, притом немецкое командование планировать наступательные операции не могло, речь могла идти либо об обороне, либо об «уничтожающих контр-ударах».

В середине октября маршал Рокоссовский и офицеры его штаба начали отрабатывать план следующей фронтальной операции. Теперь Рокоссовский считал, что он в состоянии нанести удар такой мощи, чтобы в три—четыре недели изгнать немцев с территории Польши, выйти на линию Одера.

Варшава, лежавшая в центре немецких позиций, к тому времени была мертва, августовское восстание варшавян было подавлено, командовавший здесь немцами генерал СС фон дем Бах-Зелевски даже иных из подчиненных удивил своей свирепостью...

Рокоссовский считал, что в ходе предстоящих боев сожженную Варшаву лучше обойти. Севернее Варшавы его войска ударят с Пултусского плацдарма на реке Нарев; южнее Варшавы — с Вислинских плацдармов у Магнушева и Казимежа. Общая задача была — в первые же дни после начала наступления расколоть немецкий фронт, как это было сделано в Белоруссии; частью сил замкнуть кольцо вокруг Варшавских развалин и уничтожить здесь 46-й танковый и 27-й армейский корпуса немцев, которые прикрывали город; остальным соединениям фронта стремительно двинуться на запад, через десять дней выйти к городам Познань и Быдгош — оттуда до Одера останется совсем недалеко, каких-то полторы сотни километров...

12 ноября 1944 года Рокоссовский провел день на Казимежском плацдарме, у командующего 69-м корпусом генерала Колпакчи, с которым был давно и близко зна-

ком — они вместе служили в Белорусском военном округе еще в 30—31-х годах. В этот свой приезд на плацдарм Рокоссовский отработывал с Колпакчи возможные варианты наступления. В штаб фронта Рокоссовский вернулся к вечеру, как позже писал в своих воспоминаниях, собрался было поужинать, однако не успел: дежурный офицер доложил, что товарища маршала вызывает по ВЧ Ставка...

Звонил Сталин. Он сказал, что Рокоссовский с 1-го Белорусского фронта перемещается на 2-й Белорусский, а Первым будет командовать маршал Жуков. Понимая, видимо, состояние Рокоссовского, Сталин добавил, что Рокоссовскому разрешается взять с собой на новое место службы тех работников штаба и управления, с которыми сработался за годы войны. Рокоссовский не зря был любимцем всей армии — он и тут проявил благородство, сказав Сталину, что никого с собой не повезет, надеется и на новом месте найти добрых товарищей.

Жуков вступил в командование 1-м Белорусским фронтом 16 ноября.

План наступления, предложенный Рокоссовским, остался в силе и был утвержден Ставкой в конце ноября. Ориентировочная готовность фронта была определена — с 15 до 20 января 1945 года.

Однако у войны, тем более такой, какой была Вторая мировая, и законы были свои. На Восточном фронте немцам наступательные операции после разгрома на Курской дуге летом 1943 года были не по силам, это так, но на Западном фронте, по войскам наших союзников они вполне могли нанести достаточно ощутимые удары.

В ночь с 15 на 16 декабря 1944 года четыре немецкие армии — 1-я, 6-я танковая СС, 5-я танковая и 7-я — завершили выход на исходные позиции, 15 декабря командующий Западным фронтом генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт издал приказ: «Солдаты Западного фронта! Пробыл ваш великий час! Могучие атакующие армии вы-

ступят сегодня против англо-американцев. Больше мне говорить ничего не нужно...»*.

Наступление немцев началось в 5 часов 30 минут 16 декабря, первый день боев решающего успеха немцам не принес, американцы держались. Однако союзное командование до 17 декабря не могло реально оценить всей силы немецкого удара, а затем все рухнуло: немецкие танки вышли к Мальмеди, Хонсфельду, Бюллингену.

24 декабря 1944 года английский премьер-министр Черчилль прислал Сталину очень выдержанное письмо, но сквозь полные достоинства строчки Сталин ясно прочитал мольбу о помощи:

«Я не считаю положение на Западе плохим, но совершенно очевидно, что Эйзенхауэр не может решить своей задачи, не зная, каковы ваши планы... Нам, безусловно, весьма важно знать основные наметки и сроки Ваших операций. Наша уверенность в наступлениях, которые должны быть предприняты русской армией, такова, что мы никогда не задавали Вам ни одного вопроса раньше, и мы убеждены теперь, что ответ будет успокоительным...»**.

Сталин приказал передвинуть начало нашего наступления на Висле с конца на середину января. Будут ли полностью готовы армии 1-го и 2-го Белорусского, как и 1-го Украинского фронтов к наступлению на две недели раньше, Сталин не спросил ни Жукова, ни Рокоссовского, ни Конева: в любом случае попавших в беду союзников надо было выручать...

II

После сентябрьского приказа о выводе бригады Ушакова в резерв фронта полки в одну ночь переправились на

* Германия во второй мировой войне. Т. 6. С. 130.

** Переписка председателя Совета Министров СССР... М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 292.

паромах на правый берег Вислы и проследовали своим ходом на ревуших от натуги «студебеккерах» в тыл. Казаков определил им место расположения в местечке Туруве.

Сколько будет длиться передышка на этот раз, Ушаков не мог знать, но для себя — с учетом равновесия сил наших и немецких — полагал, что месяц—полтора. Ему — так он считал — этого времени вполне достаточно, чтобы после двух месяцев непрерывных боев на Казимежском плацдарме, после кровавых потерь снова сколотить батареи и дивизионы, заменить офицеров, либо погибших, либо выбывших по ранению, а как много их теперь недоставало в поредевших полках... Спят почти рядом, на одном кладбище, в Люблине два гвардии капитана — Яков Аксентьев, командир 1-го дивизиона, и Николай Малиновский, начальник штаба 2-го дивизиона 115-го минометного полка; увезли в Люблин, в госпиталь, командира полка Корнея Емельяновича Яценко — после тяжелого ранения едва ли вернется в бригаду, едва ли. Потому общий список погибших по полку подписал не Яценко, а начальник штаба гвардии майор Тимошенко. По другим полкам бригады потери солдат и офицеров ничуть не меньше.

Ушаков в сентябре—октябре снова, как весной, перед Бобруйской операцией, школил людей, послабления не давал и скидок на усталость не делал; учил офицеров, как организовать массированный огонь, но находил время и для другого: ездил по полкам, при развернутых гвардейских знаменах вручал лично ордена и медали награжденным. Считал своим долгом увидеть глаза каждого из тех, кто сражался рядом с ним на Казимежском плацдарме и проявил мужество, и не дрогнул душой...

Среди многих фронтовых фотоснимков Николая Григорьевича отыскался один — снят он здесь, в Туруве, в один из дней теплого уходящего сентября.

Николай Григорьевич на лавочке, рядом с ним офицер в польском мундире — это подполковник Туркевич, до недавнего времени заместитель командира бригады по тылу.

Форма на нем польская, потому что он перешел на службу в Войско Польское, ордена на груди наши и знак советской гвардии оставил...

У обоих, у Ушакова и Туркевича, спокойные, чуть задумчивые лица, они и не позируют вовсе, а, видно, отвлеклись на секунду-другую от какого-то очень важного разговора, обернулись на просьбу фотографа.

Огромные, густые деревья шелестят тихонько за их спинами, у ног по праву друга устроилась овчарка...

1-я армия Войска Польского в эти два тяжелых месяца, июль и август, сражалась на Магнушевском плацдарме, по течению Вислы ниже Казимежского, но о польских солдатах по армиям фронта шла добрая слава: и что удар дивизии СС «Герман Геринг» на себя приняла и выдержала, и нашла силы немцев отбросить.

Весь этот год Туркевич всегда был рядом, Николай Григорьевич к нему привык, лучшего зама по тылу желать себе не мог: у Туркевича все и всегда было «перши клясс!», и Ушаков как-то не задумывался, что предки Туркевича — поляки... А тут Туркевич подал рапорт, и как ни жалко было расставаться, Николай Григорьевич удерживать не стал.

Перед самым новым, 1945 годом, в бригаду прибыл генерал Казаков: привез для Знамени бригады заработанные ратным трудом ордена боевого Красного Знамени и Богдана Хмельницкого. Первый орден — за бои в Белоруссии, по ликвидации Бобруйского котла; второй — за бои на Казимежском плацдарме.

Для Николая Григорьевича Казаков тоже привез орден: воинское мастерство Ушакова, умелое управление массированным огнем всей бригады Казаков оценил очень высоко. Такие действия Ушакова свидетельствовали о его воинской зрелости, о больших его возможностях, и Казаков представил Николая Григорьевича к ордену Суворова. Орден этот по статусу давался тем военачальникам, которые смогли выиграть наступательную операцию с

меньшими, чем у противника силами. Указ о награждении Ушакова последовал еще 8 ноября, и теперь самого Николая Григорьевича ждала награда, выше которой для военного человека мог быть только орден Победы...

Генерал Казаков все в полках осмотрел, остался доволен: Ушакова не надо было ни учить, ни подстегивать, он сам знал, как и что следует делать. Перед фронтом замершей в торжественном строю бригады Казаков собственноручно прикрепил к знамени оба привезенных ордена, поздравил гвардейцев и пожелал новых побед в предстоящих боях.

Ушаков же думал — генерал Казаков был в бригаде в апреле, поздравлял солдат и офицеров с первой годовщиной создания бригады, все проверил и через месяц бросил их в бой; вот снова все повторяется: генерал Казаков приехал, все осмотрел и наградил... Значит ли это, что в конце января Казаков опять бросит бригаду в бой? Как человек истинно военный, Николай Григорьевич знал, каковы пределы его отношений с командующим артиллерией фронта; потому понимал, что при всем добром отношении к нему генерала Казакова спрашивать его о начале новой операции нельзя...

Перед отъездом Казаков, прощаясь с Николаем Григорьевичем, сказал: «О вашем массированном огневом наступлении, об организации огневого вала я докладывал членам Военного совета фронта. Ваш опыт признан почетным, рекомендовано его распространить» — и добавил, твердо зная, что Ушаков именно этих слов от него ждет: «Готовьте бригаду к маршу. Приказ вот-вот подпишут...»

Приказ № 00/59 последовал 2 января 1945 года: бригаде приказано было совершить марш из Турува через Гурку на Люблин и к 6 часам утра 3 января сосредоточиться севернее Витошины.

Сутки спустя Ушаков переправил бригаду через Вислу, на тот самый Казимежский плацдарм, который взят был

прошлым летом и который удержали ценой тысяч жизней минометчики 35-й гвардейской бригады.

Позиции Ушакову были определены южнее села Барычка, наступать предстояло на деревню Рудки, обходя справа все тот же Шляхетский лес и деревню Анджеюв, от которой после летних боев одно название и осталось.

III

Перед началом нашего нового наступления Ушаков успел сделать многое. Разумеется, прежде всего его разведчики до сигнала атаки каждую ночь проникали через немецкие позиции в их тыл. Одни поисковые группы возвращались благополучно, без потерь, другие прорывались обратно с боем, теряя людей, но в конце концов Ушаков получил довольно ясную картину расположения немецких позиций: противник успел создать основательную «ХКЛ», то есть «Хаупткамплиние», что означает по-немецки «Главная боевая линия». Немцы отрыли траншеи полного профиля, глубина обороны достигала трех километров, между траншеями вырыты разветвленные ходы сообщения, построены укрытия для пехоты; станковые и ручные пулеметы немцы поставили во второй и третьей линиях траншей, на передней линии оставили небольшое количество кочующих пулеметов. В глубине немецкой обороны обозначились артиллерийские и минометные позиции, казавшиеся орудиями от 75-ти до 150-ти миллиметров, еще семь минометных батарей; предполье немцы прикрыли колючей проволокой где в два, где в три кола, спиралями Бруно, минными полями — выходит, немцы три месяца передышки тоже использовали максимально.

Поисковым группам удалось перетаскать на нашу сторону несколько пленных, так что Николай Григорьевич точно знал, что в траншеях против него стоит 214-я пехотная дивизия, что в районе деревни Секерка сосредоточены

тактические резервы: фюзилерный батальон и батальон штрафников.

Николай Григорьевич приказал начальнику штаба Карчевскому: «Готовь, Иван Иванович, к 11 января боевой приказ по бригаде: каждый полк чтобы имел огневые разезды, так их назови; начальниками огневых разездов назначь заместителей командиров полков по строевой части, они у нас все люди боевые, хоть сейчас ставь каждого на полк — не ошибешься. Задачу им поставь такую: после прорыва этой самой немецкой «ХКЛ» пусть идут вместе с пехотой, заранее определяют для своих полков удобные огневые позиции, маршруты выхода на них, чтобы смена позиций проходила без суеты, но и без ненужной затыжки по времени; еще запиши: в каждой батарее иметь перевозимые мостики, чтобы по ним переносить через немецкие траншеи минометы и боезапас; мостики на руках не таскать, выделить по одному «студебеккеру» на батарею...»*

Нет ничего удивительного в том, что командир бригады, полковник, думал перед наступлением не только о самом бое, но и о таких мелочах, как перевозимые мостики и «студебеккеры»: великий Суворов, готовя наступление, подсчитывал не только пушки, но и фашины, чтобы забросать крепостной ров, и даже количество топоров, чтобы прорубить просеку...

Но, разумеется, более всего Ушаков беспокоился об организации огневого наступления. Он хотел, чтобы огонь бригады был массированным и потому наиболее действенным, с тем и поехал к командующему артиллерией 62-го Неманского стрелкового корпуса: в предстоящем наступлении бригада должна была поддержать огнем этот корпус 33-й армии.

Разговор с командующим вышел на удивление легким: он и Ушаков мыслили одинаково. Решено было, что три полка Ушакова, 210-й, 114-й и 131-й, будут вести массиро-

ванный многослойный огонь и этим огнем прорубят немецкие позиции перед фронтом 49-й дивизии; потом, когда дивизия пойдет вперед, минометные полки двинутся вместе с пехотой и подавят любое возможное сопротивление.

У Николая Григорьевича оставался еще полк, 115-й, и он сказал генералу: есть еще одна мысль... Генерал посмотрел с любопытством: об Ушакове и его бригаде после боев на Казимежском плацдарме по войскам шла добрая слава, умение минометчиков воевать, мощь их огня теперь были очевидны, и генерал глянул на Ушакова именно с любопытством и ожиданием.

Ушаков сказал задумчиво: «Для прорыва можно было бы создать еще один минометный полк и действовать двумя подгруппами, в полосах наступления не только 49-й, но и соседней дивизии, и определить сектора для взаимной поддержки переносом огня...»

Генерал все понял мгновенно — да, хорошо бы, а откуда я возьму пятый полк?

Ушаков усмехнулся:

— Можно было бы собрать вместе все батареи полковых минометов двух ваших стрелковых дивизий, 222-й и 49-й, будет как раз сводный полк. Я соединю его с моим 115-м, и у корпуса будет еще одна мощная группа артиллерийского прорыва. Если разрешите, командовать группой буду сам.

Командующий артиллерией только руками развел: «Ну, Николай Григорьевич, о таком использовании мощных минометных групп, скажу прямо, за всю войну нигде не слышал. Мне твой замысел по душе, доложу о нем командующему корпусом, генералу Воробьеву, но ты исходи из того, что разрешение тобою получено и планируй огневое наступление именно так: двумя группами из пяти минометных полков».

Ушаков и штаб артиллерии 49-й дивизии спланировали огневой прорыв более чем сложный: многослойный, пе-

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 160260/с, л. 1, л. 25.

рекатами, по фронту двумя полками сразу, по времени разделили на четыре периода:

Первый период — 25 минут — огневой налет по переднему краю немцев и в ближайшей их глубине.

Второй период — ровно шестьдесят минут. Обеспечение боя передового батальона (прикрытие огнем нашей пехоты, когда поднимется в атаку и дойдет до первой линии траншей; подавить на немецкой стороне все живое; не дать немцам открыть огонь по нашей пехоте).

Третий период — 70 минут — поддержка нашей пехоты при захвате всех трех линий траншей; смена позиций частью минометных батарей.

Четвертый период — 65 минут — сопровождение пехоты огневым валом; в случае немецких контратак наносить по танкам и пехоте врага сосредоточенные удары минометными группами.

Собственно, план разработал Ушаков, командующий артиллерией дивизии, как и Николай Григорьевич, в полковничьем чине, со всем этим согласился, тем более что в его руки свалился дар неоценимый: огневая поддержка такой мощи! пяти минометных полков! Он прикинул по карте, спросил: «Твои минометчики как это все в натуре изобразят? Не выйдет по той песенке: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги?»

— А как утвердим по плану, так все и изобразят, имеют богатый опыт.

— Ага. За первый день боя возьмем траншеи, за второй — выйдем к Сыцине, вот сюда, и к Барычке, сюда вот. При продвижении твои минометчики огонь не ослабят? с темпа не сойдутся?

— Не ослабят и не сойдутся. У меня только треть минометных батарей в движении, две трети всегда на ОП, огонь ведут непрерывно.

— А через траншеи как перепрыгнешь? Они у немцев, знаешь, глубокие...

— Заготовлены мостки, на машинах подвезем и перебросим.

— Предусмотрел, что ли? — полковник улыбнулся. Ушаков ему все больше нравился.

Николай Григорьевич на улыбку не откликнулся, объяснил: «Сейчас приказ по бригаде готовлю, есть там и про мостики...»

VI

Маршал Жуков решил применить для штурма немецких укреплений новый прием: непосредственно перед генеральной атакой провести сильную разведку боем, для этого выделить передовые батальоны из каждой дивизии первого эшелона, их атаку поддержать танками и самоходками, прикрыть артогнем и авиацией*.

Жуков хотел вынудить немцев подтянуть в передовую линию траншей свои основные силы, не дать им укрыться в глубине от нашего огня при артподготовке. И, если передовые батальоны натолкнутся на ожесточенное сопротивление, атаки сразу прекратить, обрушить на немецкие позиции мощный огонь, а затем перейти в наступление всеми силами.

Но в действительности сражение пошло не так, как планировалось.

Перед советскими войсками стояли в обороне 9-я армия (теперь ею командовал генерал танковых войск Смилло, барон фон Лютцов), а также 4-я танковая и 17-я армии, это теперь была группа армий «А» под общим командованием генерал-полковника Гарпе. После летнего поражения 9-я и 4-я танковые армии несколько пришли в себя, но их боевая мощь была значительно ниже, чем до раз-

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1974. Т. 2. С. 293.

грома в Белоруссии: и по танкам, и по орудиям, и самолетам, и по живой силе.

Немецкое командование полагало, что предстоящее наступление русских будет направлено на то, чтобы окружить немецкие войска в излучине Вислы, а после их разгрома нанести удар в сторону Силезского промышленного бассейна, и по указанию ОКХ именно на этом направлении в тылу группы армий «А» возводились оборонительные укрепления — правда, войск в них не было.

...12 января, за неделю до намеченного срока, начали наступление войска 1-го Украинского фронта.

14 января пришли в движение войска 1-го Белорусского — ожили наши плацдармы под Магнушевым (здесь наступали 5-я ударная, 8-я гвардейская и 61-я армии) и у Казимежа, где удар наносили 69-я и 33-я армии.

С началом атаки наших передовых батальонов немцы стали спешно отводить свои войска с передовых траншей в глубину обороны, чтобы вынудить русских выдохнуться при первом напоре. Однако натиск советских войск развивался столь стремительно, что час—два спустя мероприятия командования 9-й армии перестали соответствовать действительному положению вещей. Сутки спустя немецкий фронт у Магнушева был прорван, и Жуков ввел в прорыв 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии; стоявший в немецком тылу 40-й танковый корпус не успел даже развернуться для отражения наступления русских танковых армий, попал под удар, разгромлен во встречном сражении; остатки его вынуждены были отходить — наши войска стали стремительно обходить Варшаву с юго-запада и с запада. В водоворот этого поражения попал и танковый корпус «Великая Германия», за несколько дней до того переброшенный в Польшу из Восточной Пруссии; чтобы хоть как-то заткнуть фронт, сдержать русское наступление, ОКВ сняло с западного фронта, из Арденн, 6-ю танковую армию СС в составе двух танковых корпусов и четырех танковых дивизий; сюда же, к Висле, было пере-

брошено несколько пехотных дивизий. Однако удержать развалившийся фронт немцам теперь было не под силу...

Огневое наступление с Казимежского плацдарма началось в 8 часов 30 минут 14 января. Всего 25 минут длился этот минометный удар пяти полков Ушакова, и после него передовой батальон бросился вперед. Сопротивление он практически не встретил: в первой линии немецких траншей все было вздыблено, искорежено, исковеркано.

К 11 утра наша пехота — здесь наступали полки 49-й и 362-й дивизий, — обойдя с севера Шляхетский лес, вышла к западной окраине деревни Нова-Мшадла и к высоте 156,0.

Немцы, обычно упорные в обороне, сопротивления почти не оказывали, из второй линии траншей поспешно оттянулись в третью, за ней была еще промежуточная линия обороны, но если где и обозначалась малейшая попытка немцев закрепиться, Ушаков немедленно обрушивал сюда сосредоточенный огонь минометных полков, всех пяти (они так и сопровождали нашу пехоту: 114-й, 115-й и 131-й—49-ю дивизию, 210-й и сводный полк—362-ю дивизию), и немцы снова откатывались.

Теперь от былого упорства немцев ровно ничего не осталось, Ушаков только удивлялся: неужели это они, те самые немцы, которые так яростно штурмовали плацдарм в августе—сентябре прошлого года?

К 14 часам наши войска вышли на линию деревень Сыщина — Барычка — Шелензна. Ушаков знал, что с этого этапа боя командование фронтом введет в обозначившийся прорыв два танковых корпуса, 9-й и 11-й, потому в боевом распоряжении по бригаде № 002 от 11 января он и это предусмотрел: «С выходом пехоты на рубеж Зволень-Сыщина в прорыв будут введены танки. Командирам полков наметить проходы для танков, выставить регулировщиков...»*

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 160260/с, д. 1, л. 25.

Теперь, когда немецкий фронт был прорван и здесь, 33-я армия и 9-й танковый корпус ринулись в направлении Радома и Лодзи.

Быстрая сдача обойденной с севера и юга Варшавы и противоречивые, путаные доклады генштаба ОКХ о положении в Польше вызвали ярость Гитлера. Он приказал арестовать трех офицеров генштаба, по чьей вине допущена была путаница. Затем Гитлер устроил экзекуцию всему высшему командному составу немецких войск в Польше: снял командующего группой армий «А» генерал-полковника Гарпе — на его место прибыл генерал-полковник Фердинанд Шернер. Фон Лютцов сдал командование во второй раз разгромленной 9-й армией — вместо него Гитлер поставил генерала пехоты Теодора Буссе*.

Но эти перестановки не могли восстановить рухнувший фронт: от 9-й и 4-й танковой армий остались лишь осколки. Разбитые немецкие дивизии откатывались на запад, лишь кое-где пытаясь оказать сопротивление. ОКХ постепенно, поскольку донесения из армий запаздывали, уяснило себе весь размер катастрофы: за неделю русские войска продвинулись на 100, а где и на 150 километров, и сдерживать русских было нечем.

19 января советские войска взяли Краков.

20 января передовые советские части вышли к Познани.

Германское Верховное командование полностью утраило представление о реальном положении вещей на фронте группы армий «А». «Панические донесения еще более запутывают положение» — записано в дневнике военных действий ОКВ за 25 января 1945 г.**

К 19 января части 49-й и 362-й дивизий, преследуя немцев по пятам, взяли города Скарышев, Томашув, Побянице и вышли к городу Пионтковице. Командующий 62-м корпусом генерал Цветаев теперь, после пяти дней

непрерывного наступления, вывел в первый эшелон свою 222-ю дивизию, до того находившуюся во втором эшелоне, а 49-ю и 362-ю отвел в тыл. Теперь бригада Ушакова поддерживала огнем 222-ю дивизию. Чтобы не дать немцам оторваться, генерал Цветаев приказал выделить передовой отряд — один стрелковый батальон, дивизион самоходок, батарею 666-го артполка и один дивизион 115-го минометного полка: эта группа пошла вперед стремительно, ни на свой тыл, ни на фланги не обращая внимания, ибо у немцев теперь не было сил для организации сопротивления, тем более для нанесения фланговых контрударов. Управление войсками было у них полностью утеряно, разрозненные группы немецких солдат человек по 100—150 частью уходили в леса, частью двигались на запад в стороне от дорог, не в силах догнать собственные отступающие войска.

К 20 часам 23 января передовая группа 62-го корпуса вышла к западной окраине старинного польского города Калиш.

Город этот на тихой, неширокой Просне — самый древний в Польше, ибо упомянут еще в труде римского ученого Птолемея в 142 году христианской эры как лежащий на «Янтарном пути» от Балтики до Римских пределов, назывался тогда Калисия.

В средние века был Калиш с крепостной башней «Доротка» мощным городом. Под защитой крепости воздвигли монастырь, костёлы... Во времена столетней «Конгрессовой Польши», с 1815 по 1914 год, Калиш был пограничным городом Российской империи, и немцы в Первую мировую войну через Калиш наносили удар на Варшаву — город они расстреляли и сожгли... Четыре с половиной года гитлеровской оккупации умертвили Калиш, часть жителей немцы истребили (поляков и евреев), часть — немцев — вывезли в свой рейх.

Ушакову из дивизиона 115-го полка, приданного пере-

* Германия во второй мировой войне. Т. 6. С. 506.

** Там же. С. 508.

довому отряду, который вышел к Калишу, по рации доложили: немцы встретили пулеметным и минометным огнем...

Николай Григорьевич приказал гвардии подполковнику Повалаяеву: «С полком — вперед! Уточнишь на месте обстановку, дальше действуешь по обстоятельствам!»

131-й полк Повалаяева к Калишу вышел через час, на развертывание минометов на ОП потратил считанные минуты; командир дивизиона 115-го полка Повалаяева ждал, цели указал сразу. Повалаяев определился по карте — мощные залпы последовали тут же, это были навесные удары, от которых не было укрытия ни за домом, ни в траншеях, мины падали почти отвесно и жгли, рвали, кромсали...

Немецкий огонь, стихший сразу после нашего огневого налета, так больше и не возобновился. Повеселевшая пехота поднялась в атаку...

Отсюда, от рубежа Калиша, до Одера было совсем недалеко. Польская земля была вся пройдена за две недели. И в эти дни конца января Ушаков ясно видел, что даже при стремительном темпе продвижения нашей пехоты — до 30 километров в сутки — поспеть за уходящими за Одер немцами она не может. И Николай Григорьевич придумал: передовую группу 222-й дивизии, которая после Калиша устремилась к городку Костен, надо поддержать другой группой, которая страховала бы действия передовой.

Ушаков все решил с командующим артиллерией корпуса, который теперь видел в Ушакове офицера, каких бог одного на тысячу создает, — смел, удал, умен! Ушаков с его ведома и согласия взял 114-й полк гвардии майора Сенина, взял батарею управления и штаб бригады, кроме них посадил на свои «студебеккеры» стрелковую роту для прикрытия и 26 января двинулся по шоссе вслед за передовой группой; остальные три полка бригады двигались в боевых порядках пехоты.

К 20 часам Ушаков и его группа, оторвавшись от пехотных колонн километров на 50, вышли к селу Язин, и

Ушаков расположил здесь штаб бригады. 114-й полк, прикрытый пехотной ротой, занял круговую оборону, готовый отразить атаку хоть с фронта, хоть с тыла, если бы к Язину вышел какой-либо блуждающий «котел» немцев — их в те дни много бродило по польским пушам.

Передовой отряд между тем подошел к городу Костен и встречен был огнем: немцы стянули сюда самоходки, в саду упрятали минометные батареи. Передовой отряд штурмовать Костен с ходу не стал — командир отряда, теперь вполне уверенный, что минометчики явятся по первому зову и проложат ему дорогу огнем, связался с Ушаковым: встретил сопротивление, нужна поддержка! Николай Григорьевич спросил: «До утра продержитесь?»

Командир группы уверенно заверил: «Да, до утра продержусь, пока немцы не расчухали, что у меня всего-то батальон. У них против меня — пехотный полк с самоходками!»

— Не бойся! Мой полк будет у тебя еще до света, а там немцам будет не до того, чтобы тебя окружать!

Ушаков бросил к Костену 131-й полк Повалаяева и один дивизион из 114-го полка, второй оставил при себе, ибо пехота 222-й дивизии могла до него дошагать лишь на другой день.

Повалаяев со своими минометами был у Костена задолго до рассвета. Батареи поставил на ОП. Командир группы по карте показал — вот тут у них минометные багарей, вот здесь мои наблюдатели засекли самоходные установки, пехота вот здесь и здесь, по-за домами...

Утром 27 января Повалаяев начал бой за город и к обеде выиграл его — массированного огня четырех дивизионов немцы не выдержали. Они и не думали контратаковать, стали поспешно отходить на запад, к Одеру, как делали это вот уже третью неделю...

Генерал Воробьев, командующий 62-м Неманским корпусом, в тот же день сказал Ушакову: «Николай Григорьевич, с твоей тактикой согласен: сажай на свои «студебек-

керы» по одному батальону пехоты на каждый твой полк. Пехоту даст тебе 222-я дивизия. С каждым твоим полком пойдет по батарее самоходок, тебе быть в группе старшим. С этого дня твоя группа будет двигаться впереди главных сил корпуса, задание на сутки будешь получать лично от меня. Отрыв от корпуса — не более чем на два перехода. Сядь немцам на пятки и не давай им оторваться! И помни: чем их больше уйдет за Одер, тем труднее нам будет форсировать реку!»

НА БЕРЛИН!

Для высших командных инстанций начинается последний акт драматической гибели германских вооруженных сил.

Из дневника ОКВ,
запись от 20 апреля 1945 г.*

I

Германское командование после боев в междуречье Вислы и Одера не могло не сознавать, какая грозная сила надвигается на Берлин с востока, и все же надеялось эту силу сдержать, обескровить, даже отбросить от Берлина, от имперских земель.

Генерал-полковник Гайнц Гудериан, начальник генерального штаба сухопутных войск, еще в конце 1944 года придавал особое значение созданию мощных укреплений по течению рек Одер и Нейссе.

Начинаясь у морского залива, у Штеттина (ныне польский город Щецин), система укреплений протяженностью до 700 километров должна была упереться правым флангом в отроги Карпат у города Гёрлитца.

* ОКВ — Oberkommando der Wehrmacht — Верховное командование Вооруженных сил.

Лежавшие на Одере города Штеттин, Шведт, Кюстрин и Франк-фурт объявлены были «крепостями», которые надлежало защищать и удерживать до последнего патрона и последнего солдата. В этих городах спешно укрепляли старые крепостные бастионы времен короля Фридриха II.

Три оборонительных пояса по три линии в каждом оснащены были минными полями в межозерных дефиле, мощными танковыми заграждениями из железобетонных надолбов с устрашающим названием «зубы дракона», для танков и орудий открыты были бесчисленные скрытые позиции, для пехоты соорудили в траншеях бетонные бункеры, чтобы отсидеться от артиллерийского обстрела. Еще в ноябре 1944 года Гайнц Гудериан нарек эту мощнейшую систему укреплений «Позицией Нибелунгов» в надежде, что одно имя Нибелунгов, этих непобедимых и неустрашимых витязей древних германских саг вдохновит немецкие войска на ожесточенное сопротивление русским.

30 января 1945 года рейхсканцлер А. Гитлер призвал по радио немецкий народ к последней, решающей и жестокой схватке:

«Я ожидаю от каждого, кто здоров, что он вступит в борьбу душой и телом; я ожидаю от каждого, кто болен или немощен, но необходим, что он станет работать из последних своих сил; я ожидаю от жителей городов, что они станут ковать оружие для этой борьбы, и я ожидаю от крестьянина, что он, ограничив свои собственные потребности до последних крайностей, даст хлеб солдату и рабочему для этой борьбы. Я ожидаю от всех женщин и девушек, что они, как и прежде, поддержат эту борьбу с небывалым фанатизмом».

Спустя сутки, в рассветном сумраке 31 января, вырвавшийся далеко вперед полторатысячный отряд из состава 5-й ударной армии генерал-полковника Н. Э. Берзарина вышел к Одере севернее Кюстрина, переправился по хрупкому, подтаявшему льду с правого на левый берег, даже перетащили на тросах несколько орудий — лежавший пе-

ред русскими солдатами городок Киницц, товарная станция, вокзал мирно досыпали последний предрассветный час. На путях стоял воинский эшелон — 13 офицеров и 63 солдата захвачены были полусонными, однако же несколько солдат успели выпрыгнуть из вагона, этим удалось бежать через поле, укрыться... От них немецкое командование и узнало: русские на этом берегу! Эта весть распространилась по немецким штабам со скоростью лесного пожара. В суточной сводке штаба группы армий «Висла» от 31 января высказано было предположение, что на плацдарме у Киницца укрепились до двух тысяч русских с орудиями и танками Т-34.

Немедленно последовал приказ: «Русских истребить!» Однако ни бомбежки, ни непрерывные танковые атаки ни к чему не привели — русские держались.

По 9-й армии был отдан приказ: «Продолжать атаки русских плацдармов на западном берегу Одера до тех пор, пока не будет убит последний русский солдат».

Гитлер потребовал от 9-й армии «ликвидацию всех плацдармов врага завершить в 00 часов 13 февраля».

В среду, 12 февраля, начальник штаба 9-й армии генерал-майор Хельц лично прибыл к Киниццу, чтобы руководить очередным штурмом плацдарма. После того как штурм захлебнулся и атакующие — это была 300-я пехотная дивизия «Гросс-Берлин» — откатились, перед русскими позициями осталось лежать до 600 трупов немецких солдат.

Все, что увидел и пережил в тот день генерал-майор Хельц, уложилось в две строчки его донесения в штаб группы армий «Висла»: «Наступление сопровождалось высокими кровавыми потерями и завершилось провалом».

II

33-я армия генерал-полковника Вячеслава Дмитриевича Цветаева получила от командования 1-го Белорусского

фронта задачу выйти к Одери южнее Франкфурта, частью сил обложить Франкфурт с юга, часть сил переташить через Одер и создать на том, западном берегу собственный плацдарм для последующего наступления.

Одер здесь, в среднем течении, достаточно широк, до четверти километра, глубина его до двух метров. В те дни начала февраля лед еще стоял, только местами по нему пошла прибывшая с верховьев вода, однако же ясно было, что лед вот-вот тронется, и тогда через Одер не перебраться. И хотя продвижение войск 33-й армии было весьма стремительным, Вячеслав Дмитриевич Цветаев решил выбросить вперед подвижную ударную группу — достаточно мобильную, чтобы выйти к Одери через сутки, достаточно сильную, чтобы, захватив плацдарм на левом берегу Одера, удержать его сутки—двое, даже трое — до подхода главных сил армии.

После тех боев, что армия провела на Вислинском плацдарме, у Казимежа — Пулавы; после того как полковник Ушаков и его гвардейская минометная бригада блестяще себя проявили; после того как сам Ушаков показал себя великим мастером по управлению массированным огнем, — после всего этого генерал Цветаев без колебаний и сомнений решил, что основу подвижной группы должна составить именно 35-я гвардейская минометная бригада, тем более, что передвигалась она на могучих «студебеккерах». На эти машины посадили два батальона пехоты 222-го полка 362-й стрелковой дивизии, группе придали бронетранспортеры и самоходные орудия. Цветаев, лично напутствуя Ушакова, сказал: «Николай Григорьевич, на тебя надеюсь, как на господ бога! Ты и есть бог войны: артиллерия! В бои с отходящими немцами не ввязывайся, гарнизоны обходи. Вот, смотри по карте: отсюда, от города Варты, до Одера полторы сотни километров — проскочи их, проскочи как только можешь быстро. Выйдешь южнее Франкфурта, перебирайся на западный берег Одера, вце-

пись в него и держись. Мы к тебе придем, но ты продержись!»

Цветаев не добавил: «Только ты уцелей, пока мы подойдем!», знал, что пустыми словами на войне не балуются, и еще знал, что однорукий полковник пустых слов не примет и пустых обещаний не даст.

...Группа Ушакова вышла к Одеру, как и назначено было, южнее Франкфурта, у крохотной деревушки Кунитц* к утру 3 февраля.

Фронт остался далеко позади.

Ушаков поставил свои полки на огневые позиции по восточному берегу Одера от деревни Кунитц до деревни Аурит, танками и самоходками прикрыл себя с тыла.

В течение дня разведчики под редким немецким огнем поползали по льду, проверили прочность, и в ночь на 4-е реку перешла пехота, прикрытая массированным огнем минометных полков.

За день 4 февраля солдаты Ушакова разметали в Аури-те все, что было из дерева — ограды, сараи, сеновалы; бревна и снятые с петель ворота и двери стащили к Одеру и в ночь на 5-е февраля настилом поверх льда уложили до того берега. Первыми — за разведчиками — пошли Ушаков и командир 131-го полка Повалаяев, радисты. За ними минометчики тащили на руках минометы: Ушаков переправил дивизион, 18 минометов, 114-го полка, дивизион 131-го полка, 4 батареи 115-го и одну батарею 210-го полка. Остальные дивизионы прикрывали переправу огнем с восточного берега. Мины несли в ящиках, Ушаков понимал: река вскрыется, без мин пропадешь, приказал взять два боекомплекта.

На том берегу настил уперся в дамбу — не то на беду, не то на счастье. В дамбе Ушаков приказал вырыть КП бригады, щели для минометов; за дамбой, в низинке, ока-

* Сейчас территория Польши; не путать с г. Кинитц, где также был плацдарм.

залось несколько каменных домиков — при появлении пер-вых наших солдат жители в ужасе разбежались, как вспомнил много позже Н. Г. Ушаков, «оставив на плитках горячие ужины, которые нам оченьгодились»*.

В этих домиках, на чердаках, в полуподвалах, вокруг домиков рассыпалась, закрепилась пехота, засели наблюдатели со своими рациями.

До утра Ушаков так и не заснул: ничего, ни одной мечтоты упустить было нельзя. Он знал, что с утра немцы навалются, навалятся свирепо и не успокоятся — либо пока их тут всех не истребят, либо пока не подспеют наши, и тогда мы ударим по немцам и погоним их до Берлина...

С утра 16 февраля стоявший в Лоссове, километрах в десяти от Кунитца, штаб 286-й пехотной дивизии немцев доложил в штаб 5-го Горного корпуса СС: «Русские переправались на западный берег Одера напротив деревни Кунитц».

Однако командование эсэсовского корпуса просто недооценило «этих русских»: считая, видимо, что перебрался у Кунитца какой-то небольшой отряд и что справиться с ним будет несложно, с утра группу Ушакова вообще не беспокоили, а ближе к вечеру подвезли из Берлина на грузовиках батальон полиции, человек 600, поскольку полага-ли, что большего горстка русских не заслуживает.

Николай Григорьевич с дамбы, со своего командного пункта отлично видел в бинокль, как стала на шоссе, километрах в полтора, колонна огромных немецких грузовиков, как спешно высаживались немцы в странного цвета голубоватых долгополых шинелях, отчего-то не в касках, а в красивых высоких шапках. Он было подумал — не иначе из личной гвардии самого фюрера, красиво больно одеты, не по-фронтальному... Но если эти немцы и были чему обучены, то только не тому, как воевать, и Ушаков это сразу увидел: тактики боя они не знали, бежали к дамбе

* Личный архив генерала Н. Г. Ушакова, п. 2, с. 16.

в рост, от самого шоссе через вязкое поле, в цепь не рассыпались, держались кучками, сбивались в беспорядочные толпы... Ушаков приказал пока не стрелять, подпустить этих вояк поближе, на расстояние автоматного огня. Потом, после команды «огонь!», их в упор расстреляли из пулеметов и автоматов, забросали гранатами, а тратить на них мины Ушаков просто пожалел — он яснее ясного видел: это не то, атака не настоящая, сейчас немцы поймут, что на плацдарме засел сильный противник, и двинут армейские части. Вот тогда без мин не отобьешься, так что лучше их приберечь...

В тот вечер на Одере началась подвижка льда, ночью по черной, стылой воде пошла шуга. Ушаков вызвал Повалаяева, еще раз уточнил, сколько боекомплектов здесь, а то до того берега теперь не доберешься, мин пока никто не добавит.

Повалаяев весело ответил — на тех немцев, что перед нами, хватит вполне, еще и останется!

Однако же теперь немцы, видимо, решили заняться группой Ушакова всерьез.

За ночь они придвинули к плацдарму целый полк СС из дивизии имени «30 января»*, и с утра открыли по дамбе, по низинке перед ней ураганный огонь из орудий и минометов, потом налетели «юнкерсы» — начался тот самый ад, который с самого начала предвидел Николай Григорьевич, заставляя рыть щели для бойцов и укрытия для минометов.

Ушаков сидел на КП, вырытом в дамбе, и думал об одном: как бы не пропустить тот миг, когда обстрел кончится и эсэсовская пехота поднимется в атаку. Он знал, что все четыре его полка с замиранием сердца ждут его команды, это сердечное замирание за минуту до огня все артиллеристы на Первом Белорусском фронте называли

* 30 января 1933 г. президент Веймарской республики Гинденбург назначил канцлером Германии А. Гитлера.

«натянуть шнуры!» — два последних слова перед командой «огонь!»

И Николай Григорьевич не разумом, а интуицией уловил тот миг, когда грохнул последний немецкий снаряд и когда поднялась эсэсовская пехота, и скомандовал радиосту — «огонь!». В немецких цепях сразу же началось непрерывное кипение огня... Минометные полки били, чередуясь, залпами, с интервалами в несколько секунд, этот поток огня Ушаков остановил лишь тогда, когда остатки эсэсовского полка откатились обратно, к шоссе.

Второй день был тяжек для группы Ушакова.

Немцы атаквали непрерывно. Теперь в батальонах и на минометных батареях было много раненых, они так и оставались в боевых порядках, уходить с линии огня было попросту некуда, и все, кто был в состоянии держать оружие в руках, стреляли. В этот день кое-где дело дошло до рукопашных схваток, но столкнуть наших в Одер немцам так и не удалось.

Разъяренные эсэсовцы в ярости орали через громкоговорители: «Мы утопим вас всех в Одере вместе с вашим одноруким бандитом!»

«Утопим...»

Та широкая низинка, что тянулась между занятой нашими дамбой и шоссе, была южной оконечностью так называемого «Одербуха», «одерского провала», который простирается вдоль западного берега Одера далеко на север, глубина его метр-полтора, кое-где и два, дамба ограждала провал от весенних разливов Одера. Но сюда, почти к самому Кунитцкому плацдарму, с запада выходил канал Одер — Шпрее, до которого было километра полтора. И на третий день боев немцы наконец этим воспользовались: они открыли шлюз канала, в низинку хлынула волна; остатки разбитых немецкой артиллерией домиков перед дамбой очутились в воде — наших прижали к дамбе вплотную, а за ней стылый Одер нес к морю крупную шугу, и отходить было некуда.

С левого фланга плацдарма, от кирпичного завода в деревушке Цильтендорф, где закрепился 131-й полк Поваляева, немцы к вечеру открыли огонь из реактивных минометов, затем бросились в атаку. Ушаков снова накрыл их своим огнем, но часть эсэсовцев все же прорвалась к дамбе, и дело снова дошло до рукопашной схватки.

В этот день особо круто пришлось минометчикам Поваляева: хлынувшей из шлюза водой полк и прикрывавшая минометы пехота оказались отрезаны от дамбы, помочь им Ушаков не мог, держаться надо было самим. Отседавших немцев отбивались гранатами, после боя многих недосчитались. Погиб и сам Поваляев.

От двух пехотных наших батальонов осталось к вечеру в живых едва ли больше двухсот человек. Но в этот самый день к восточному берегу Одера наконец вышли полки 62-го Неманского корпуса — берег огласился ревом орудий, перед немцами стала плотная завеса огня, она надежно укрыла плацдарм, за который заплачено было столькими жизнями...

В ту же ночь началась переправа. Нашлись отчаянные смельчаки, наплевав на шугу и студеную воду, пробивались на лодках, на снятых с домов дверях, на связанных по два-три бревнах к высвеченной ракетами дамбе, прыгали в узкие, вырытые в дамбе щели... К утру шуга с Одера сошла, скатилась к Балтийскому морю. На ту сторону ринулись через Одер сотни, тысячи наших солдат, большими и малыми группами, кто на чем... К вечеру немцев дружной атакой отбросили от кирпичного завода в Цильтендорфе, на правом фланге потеснили в сторону Брискова. Вода в низинке оказалась где по грудь, а где и по колени — солдаты, разведав броды, бросились вперед, к недалекому шоссе...

С того дня и до конца марта плацдарм неуклонно ширялся вверх и вниз по течению, немцев все оттесняли и оттесняли от реки. Немцы бросали в бесконечные отчаянные атаки все, что прибывало к ним из Берлина: роты поли-

цейских, охранный батальон юнцов из «Гитлерюгенда» — однако Николай Григорьевич теперь думал не о том, как устоять, как удержаться, потому что ясно видел: нет у противника сил, чтобы сбросить нас с плацдарма. Теперь Николай Григорьевич намерен был стянуть к себе поближе всю бригаду.

131-й полк — его после гибели Поваляева принял гвардии майор Приходченко — перетянуть через затопленный участок оказалось невозможно, пришлось вернуть его на восточный берег, а затем снова переправлять на плацдарм — в приказе по бригаде указано: «Переправить на западный берег р. Одер... и к рассвету 16.2.45 г. занять боевой порядок в районе отметки 23,2...»*

25 марта Ушаков воспользовался уже наведенной переправой и побывал на правом берегу, в Кунитце, где так и оставался штаб бригады. День был совсем по-весеннему теплый, Ушаков сбросил наконец свой замызганный, перемазанный землей и глиной полушубок, снял шапку-ушанку. Штабной фотограф упросил — усадил его, начальника политотдела бригады, подполковника Жеглова и других офицеров штаба у стены, залитой ярким солнцем, запечатлел на память...

В тот приезд Ушаков решил, что на плацдарм теперь должен перебраться 210-й минометный полк, и дал начальнику штаба Карчевскому подробные указания, что и как надлежит сделать, ибо продумал все досконально: штабу полка переправиться в ночь на 27 марта; командиру полка разведать систему инженерных сооружений противника; на переправу минометов отведено было две ночи, на 29 и на 30 марта, к утру 31-го переправу завершить; в ночь на 29 выставить по одному пристрелочному миномету на каждую батарею, остальные убрать в щели, подвалы, тщательно замаскировать; на огневые позиции минометы выставить по особому распоряжению...**

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 160260/с, д. 1, л. 45.

** Там же, л. 53.

Это было знаменитое боевое распоряжение № 0013 от 26 марта, а подписал его вместо Карчевского новый начштаба бригады, гвардии майор Мартыненко, притом со ссылкой на Ушакова: «командир бригады приказал...» Карчевский же — прекрасный товарищ, верный и надежный, с которым пройдено столько за полтора года войны, выпросился в Войско Польское, и Ушаков скрепя сердце согласился.

До самого начала нашего наступления Н. Г. Ушаков так и остался здесь, на плацдарме, на своем КП. Организацию огня всех четырех полков Николай Григорьевич, как делал на Казимежском плацдарме, снова взял в свои руки.

С командного пункта он видел цепи эсэсовцев и ползущие перед ними черные танки, они появлялись то с рассветом, то днем после яростных артобстрелов; они надвигались волнами то с севера, от Брискова, то с запада, от Визенау, то от Фогельзанга с юга, то сразу со всех сторон, но Ушаков неизменно успевал накрывать их огнем своих минометов, жег танки, рвал осколками пехоту...

В первых числах апреля обстановка на плацдарме была совсем не та, что в феврале—марте: теперь немцы ограничивались только артналетами, атаки пехоты прекратили — видимо, смирились с тем, что с плацдарма сбросить русских невозможно.

Оказалось, что Ушаков еще в феврале, когда вышел к Одеру, весьма удачно определил место будущего плацдарма: река здесь изогнулась плавной дугой от Фогельзанга на юге до Брискова на севере, теперь фланги расширившегося плацдарма прочно уперлись в берега; у Фогельзанга в конце марта шли ожесточенные бои, немцы едва не прорвались в только что захваченную нами деревню, но находившиеся вместе с пехотой командир 4-й батареи 131-го полка гвардии старший лейтенант Пермяков и начальник разведки дивизиона гвардии старший лейтенант Запорожец вызвали по рации огонь минометов — наседавших немцев отбросили, тех, кто успел ворваться в деревню,

истребили, и больше эсэсовцы здесь наступать не пытались.

Потом у немцев отбили деревню Визенау, в самом центре немецких позиций по периметру плацдарма, Визенау был узлом немецкой обороны: здесь сходились железная дорога и автострада.

Уже шла проработка плана нашего общего наступления, Ушаков уже знал, что прорыв немецких позиций намечен именно здесь, у Визенау, и он перебросил сюда все четыре полка бригады. Тактику применил прежнюю, проверенную: чтобы немцы не обнаружили сосредоточение бригады, приказал минометы разобрать, упрятать в щели и подвалы, на огневые позиции выставил по одному пристрелочному миномету от каждой батареи. Бригада стала на огневые позиции в полном составе только в ночь на 15 апреля, но об этой дате чуть позже.

Переправа через Одер, наведенная от совсем пустой деревни Аурут, действовала бесперебойно, и по ней генерал-майор Воробьев, командующий 62-м Неманским корпусом, смог ввести на плацдарм свои основные силы, артиллерию и танки.

Теперь плацдарм расширился настолько, что Ушаков со своего командного пункта видеть панораму боя мог лишь частично: на севере на участке Брисков, на юге в секторе Политц и Риссен, но он выслал в пехотные части своих полковых и дивизионных наблюдателей с рациями и потому знал, что происходит на передовой.

10 апреля Ушаков собрал в Кунитце офицерский состав бригады — люди должны были знать задачу предстоящего через неделю наступления. После прорыва немецких позиций у Визенау предстояло наступать на запад и северо-запад. Ушаков спросил начальника штаба Мартыненко, какие цели в немецкой обороне выявлены?

Оказалось, всего засекли 107 целей, в том числе 7 оружейных батарей, орудия от 105 мм до 150 и 20 минометных, 24 станковых пулемета, 12 ручных... — Мартыненко все

перечислил, указал на карте. Перед нашим фронтом у Визенау оборонялись боевая группа «Беккер» (пять рот), еще батальон 87-го полка «Курмарк» из дивизии СС имени 30 января, позже прибыл 1237-й полк фольксштурма.

Ушаков объявил приказ: наша артподготовка рассчитана на 30 минут, чередование огневых налетов с методическим обстрелом, пристрелка 11, 12 и 13 апреля, дал по 8 мин на один пристрелочный миномет. Поздравил всех с предстоящим наступлением, сказал — как пехота поднимется и пойдет вперед, всем минометным полкам идти за ней!

С генералом Воробьевым Ушаков обговорил возможный вариант: после прорыва немецкой обороны посадить на машины все тот же 222-й стрелковый полк, дать ему в поддержку 114-й минометный и двинуть всю группу прямиком на Берлин!

Однако план этот не осуществился...

III

Штаб 1-го Белорусского фронта, планируя общее наступление своих армий на середину апреля, для 33-й армии предусмотрел направление хоть и вспомогательное, но весьма важное: правым своим флангом отсечь Франкфурт, одновременно ударом на северо-запад и запад прорвать оборону 5-го Горного корпуса СС и вместе с 69-й армией изолировать от Берлина южную группировку 9-й армии генерала Буссе, не дать уйти в город частям 11-го танкового корпуса СС и 5-го эсэсовского Горного корпуса — всего в этой группировке насчитывалось до 200 тысяч человек.

14 и 15 апреля 32 отряда силами до батальона провели разведку боем по всей линии 1-го Белорусского фронта, в том числе и с плацдарма у Визенау.

Эти двухдневные разведывательные бои, принятые немцами за начало нашего большого наступления, привели к

тому, что по всем ротам Восточного фронта приказано было зачитать давно подготовленное обращение Гитлера: «Мы предвидели этот удар и с января этого года сделано все, чтобы создать сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений; сводные формирования, вновь созданные части, фольксштурм усиливают наш фронт... Наступающие истекут кровью перед столицей Германской империи... Здесь наступит поворотный пункт в войне»*.

Первое сообщение о начале общего наступления на Одере поступило в ОКХ в утренней сводке группы армий «Висла» за 16 апреля: «С трех часов 50 минут линия обороны 5-го Горного корпуса СС вплоть до южного обвода Франкфурта, как и вся линия обороны 11-го танкового корпуса СС... находятся под сильным огнем артиллерии»**.

В этом могучем реве орудий и минометов всех армий фронта никто бы и не расслышал, не различил разрывов тех тысяч фугасных и осколочных мин, которые обрушила на левый фланг 5-го Горного корпуса СС минометная бригада Н. Г. Ушакова. Те, кто пережил этот день, говорили, что грохот выстрелов перекрывался еще более тяжким громом сплошных разрывов на линиях немецкой обороны; маршал Советского Союза Г. К. Жуков вспоминал: «Со стороны противника в первые секунды протрещало несколько пулеметных очередей, а затем все стихло. Казалось, на стороне врага не осталось живого существа...»

Однако первый день боев решающего успеха не принес. 17 апреля штаб группы армий «Висла» доложил в ОКХ, что все атаки русских отбиты, уничтожено 106 русских танков, далее говорилось: «битва между Франкфуртом и Фрайенвальдер Зенке достигла наивысшего напряжения»***.

* Германия во второй мировой войне. Т. 6. С. 692.

** Германия во второй мировой войне. Т. 6. С. 694.

*** Германия во второй мировой войне. Т. 6. С. 697.

18 апреля корпуса 69-й и 33-й армий, наступавшие севернее и южнее Франкфурта, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление немцев, продвигались крайне медленно, ибо командование 9-й немецкой армии бросало в бой на критических направлениях все новые и новые резервы — их брали из Берлинского двухсоттысячного гарнизона; охранный полк, крепостной пулеметный батальон, снова полицейские батальоны, первая бригада фолькштурма, части ПВО — все бросалось в бой, чтобы задержать русских на третьей линии обороны.

19 апреля силы немцев иссякли, затыкать дыры больше было нечем.

В этот день Н. Г. Ушаков сосредоточенным многослойным огнем своих тяжелых минометов просто взломал, разметал то, что еще оставалось от немецкой обороны южнее Франкфурта. Штаб 5-го Горного корпуса СС еще в первый день наступления русских доложил, что у деревни Брисков развернулись тяжелые бои*, три дня спустя Брисков был взят, и Н. Г. Ушаков переместил туда штаб бригады, а линия боев теперь продвинулась далеко на северо-запад.

В частном боевом распоряжении от 21 апреля, изданном в Брискове, указано, что бригада поддерживает огнем части 62-го Неманского стрелкового корпуса на линии «...Маркендорф—лес три километра западнее Лихтенберг, далее на юго-восток церковь Хоенвальде — на Шлаубенхаммер и по северному берегу канала Одер-Шпрее»**.

К 24 апреля остатки южного крыла 9-й армии генерала Буссе — около двухсот тысяч человек, 2 тысячи орудий и 300 танков и самоходных установок — были отброшены за Шпрее и очутились в огромном котле в районе Хальбе.

С севера котел обложили 3-я и 69-я наши армии, с востока на окруженных наступала 33-я армия, с юга и запа-

* Шеель Клаус. Иллюстрирте Хисторише Хефте (Берлин). № 30. С. 39.

** ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 160260/с, д. 1, л. 64.

да двигались 3-я гвардейская и 28-я армия 1-го Украинского фронта.

Что до минометной бригады Н. Г. Ушакова, то, хотя в приказе Верховного Главнокомандующего № 357 от 2 мая 1945 г. в связи с ликвидацией немецкого котла юго-восточнее Берлина она и упомянута, и благодарность бригаде и Н. Г. Ушакову вынесена, и в 21 час 2 мая салют в ее честь отгремел*, но все же бригада в заключительных боях по разгрому группы Буссе не участвовала: по решению штаба 1-го Белорусского фронта ее вывели из подчинения 33-й армии: бригаде предстояло принять участие в разгроме немцев в самом Берлине, где бои были в самом разгаре.

24 апреля в 9 часов утра Н. Г. Ушаков издал боевое распоряжение по бригаде № 0020. Полкам приказано было походной колонной следовать от Хоенвальде до Франкфурта, далее через Лебус—Шёнфлисс—Мюнхеберг выйти к Нойенхагену.

Все утро минометные полки спешно готовились к маршу. До Берлина было всего ничего, если по прямой, то не более 60 километров, а по предписанному маршруту куда больше, чуть не вдвое, но по отличному устроенным немецким автобанам и 150 километров — не расстояние, для могучих «студебеккеров» — часа на два езды, от силы два с половиной. Правда, Гитлер еще 19 марта издал приказ: «Все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства... которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, подлежат уничтожению»**.

Немцы, отходя под ударами наших армий, взрывали — если успевали — мосты, но на шоссе № 87 от Мюллерозы до Франкфурта взорванных мостов не оказалось. До Франкфурта колонна «студебеккеров» шла, могуче ревя

* Приказы Верховного Главнокомандующего. М.: Воениздат, 1975. С. 493.

** Дашичев В. И. Совершенно секретно! С. 574.

многосильными моторами. Безотказный, выдавший виды трудяга «виллис» командира бригады шел за головной колонной, за машиной Ушакова следовал его штаб.

Ушаков, как принято было, держась левой рукой за скобу, сидел рядом с водителем, к которому привык за этот год. Упругий теплый ветер бил в лицо, ветровое стекло на такой скорости от ветра не укрывало. Шоссе, казалось, само стлалось под колеса, летело стремительно!

Еще год назад немцы бы нашим такой наглости не позволили: открыто, по шоссе, четыремя полками, при ясном солнышке... Конечно, не позволили бы!. Николай Григорьевич помнил по сорок второму — сорок третьему году, как свирепствовали немецкие пикировщики... Но, думая о нынешних немцах, Николай Григорьевич ясно видел, что силы их на исходе и что авиации у немцев, собственно, не осталось. Он все же предусмотрел вариант: вдруг да налетят? Потому в подписанном им боевом распоряжении по бригаде № 0020 сказано: «Колонны вести на уставных дистанциях. При налете авиации противника расчленять глубину, не прекращая движение».

«Расчленять глубину» значило увеличивать на ходу расстояние между машинами и полками, а большей предосторожности, считал Николай Григорьевич, не потребуется: теперь на редкие немецкие самолеты шла настоящая охота, стоит им появиться, наши летчики сразу набросятся, бомбить не дадут...

Час спустя бригадная колонна вышла к Франкфурту.

Имперская автострада № 1—это было чудо немецкой строительной техники, вот уж таких дорог Николай Григорьевич прежде не видел, по таким не ездил!

Одна полоса шириной метров восемь да другая такая же для обратного движения и между ними метра на четыре шириной, травой засеянная разделительная полоса, и все это поднято над землей метра на два—три, где и выше. Мартыненко, сидевший в «виллисе» позади Ушако-

ва, сказал: «Во, Николай Григорьевич, надо же такую дорогу отгрохать!»

У городка Янсфельде, потом у Мюнхеберга увидели дорожные развязки — переход с автострады на поперечные дороги: по карте значилось, что у Мюнхеберга рейхсавтострада № 1 пересекает рейхсавтостраду № 5, такой же широкой, двухполосной. Николай Григорьевич молча, не выражая восторга, смотрел, как умно заделали немцы перекресток: одна автострада поднята над другой метров на восемь—десять, съезды правый и левый, восьмеркой, с выраженными наклонами на плавных поворотах — жми хоть со скоростью сто километров, с шоссе при повороте не сбросит, только прижмет к серому, плотному асфальту...

Николай Григорьевич, конечно же, понимал, что такие чудеса у нас если и будут, то не скоро, такие автострады больших денег требуют и еще высокого умения, а запад России, и Белоруссия, и Украина все разорены, когда их поднимут, отстроят...

Имперская автострада № 1 летела напрямик на запад, Николаю Григорьевичу знающие люди объяснили, что она и за Берлином пойдет дальше, но у него была карта только Берлина — хорошая, подробная штабная карта. Правда, Николай Григорьевич пока не знал, какому корпусу в 5-й Ударной армии будет придан со своей бригадой, в каком районе Берлина придется воевать, и он за этот час пути, от Зеелова до Нойенхагена, все смотрел и смотрел на эту имперскую Германию, до которой идти так трудно ему досталось.

Война только вчера прокатилась здесь чудовищным, жестоким своим катком, еще не были убраны с полей и холмов ни наши сожженные фаустпатронами «тридцатьчетверки», ни разбитые немецкие «тигры» и «пантеры»; еще дымилась справа и слева от автострады в супесчаной почве, пахли остро и привычно сгоревшим пироксилином воронки, и стояли пустые, мертвые, брошенные деревушки,

и буйно цвели вокруг, куда ни глянь, яблони и вишни, и было все необыкновенно бело и празднично...

А впереди лежал Берлин, и война еще не кончилась.

IV

Еще 1 февраля 1945 года ОКВ объявило Берлин «зоной обороны» с тремя боевыми линиями. Первая, внешняя, была вынесена на сорок километров за пределы города, вторая проходила в черте Берлина, но считалась «внешним кольцом обороны». Третье, внутреннее, кольцо проходило по линии электрички, знаменитой S-Bahn, проложенной по гребню старых, XVII века крепостных, никакими орудиями не пробиваемых валов многометровой толщины. И еще была Цитадель — укрепленный правительственный квартал в самом центре Берлина.

Все эти три кольца обороны поделены были на сходящиеся к центру восемь секторов и обозначены буквами латинского алфавита: «А» и «В» на востоке, «С» и «D» на юге, «Е» и «F» на западе, «G» и «H» на севере.

6 марта 1945 года командующим «Берлинской зоны обороны» назначен генерал-лейтенант Гельмут Рейман. Самым первым делом — 9 марта — он издал огромный, на тридцать три страницы приказ № 400/45, в котором, в частности, сказано: «2. Задача: оборонять столицу до последнего человека и до последнего патрона»*.

22 апреля, когда русские войска вырвались на окраины Берлина, генерал Рейман был смещен и отправлен в Потсдам, командовать сектором «Е».

В ночь на 24 апреля к Берлину отошел 56-й танковый корпус — его командир генерал от артиллерии Гельмут Вейдлинг был немедленно вызван к Гитлеру. Вейдлинг считал, что бои в городе вести невозможно, для этого нет сил, нет запасов продовольствия, боеприпасов, от артилле-

рийского огня население понесет бессмысленные потери. Это мнение Вейдлинг и не думал скрывать, в бункер фюрера под имперской канцелярией явился с мыслью, что его ждет арест. Вместо этого в 5 часов утра 24 апреля он был назначен комендантом Берлина, на него возложили обязанность руководить уличными боями. Генерал Кребс объяснил Вейдлингу: «Вы понравились фюреру...»

В эту же ночь с юга в Берлин прорвались и остатки танковой дивизии «Мюнхеберг» из 56-го корпуса — дивизией командовал генерал Муммерт. После недельных боев на Зееловских высотах от дивизии осталась едва ли треть, куда подевались остальные две трети, Муммерт не знал — то ли погибли под ударами русских, то ли пробились на юг, влились в 11-й танковый корпус СС.

Вейдлинг поставил Муммерта с его танкистами на сектора «А» и «В» и в подчинении у него оказался подполковник Эрих Бэрэнфенгер со своей группой — она так и называлась «группа Бэрэнфенгера», составлена была из отрядов фольксштурма и «Гитлерюгенда».

Именно через сектора «А» и «В» наступала, рвалась к центру Берлина 5-я ударная армия генерал-полковника Н. Э. Берзарина, и ее 32-й стрелковый корпус к 24 апреля вышел к самой Шпрее и взял штурмом после ожесточенного боя Силезский вокзал. Отсюда, от Силезского вокзала, что называется, рукой было подать и до «Алекса», как ласково и чуть насмешливо называли берлинцы Александерплац, эту круглую, шумную, с трамвайным лязгом и перезвоном площадь, и до сложенной из красного кирпича ратуши, с ее ажурной, 97-метровой башней, и до Дворцовой площади, на которой Карл Либкнехт в ноябре 1918 года провозгласил Германскую Советскую республику, и до прославленного острова музеев, до этих Берлинских Афин в междуречье раздвоившегося здесь Одера, и до Бранденбургских ворот. И хотя брать их предстояло, преодолевая сплошное море эсэсовского огня, платя за каждый метр отбитой мостовой, за каждый этаж отвое-

* Дашинев В. И. Совершенно секретно! С. 572—574.

ванного дома жизнями наших солдат, все же к этому дню стало очевидно, что именно 5-я ударная армия будет громить врага в историческом центре Берлина. Она уже вышла сюда, в этот центр, и потому маршал Жуков именно в этот день, 24 апреля, назначил генерал-полковника Берзарина советским комендантом Берлина.

Бригада Н. Г. Ушакова вошла в горящий, громыхающий, засыпанный бомбами, снарядами, минами Берлин в этот же нескончаемо долгий весенний день 24 апреля, и ее придали 416-й стрелковой дивизии 32-го корпуса. К вечеру Николай Григорьевич подписал боевое распоряжение по бригаде № 0021:

«1. Противник разрозненными группами и отдельными отрядами фолькштурма при поддержке артиллерии и минометов удерживает западный берег реки Шпрее, восточную окраину аэродрома Трептов.

2. 416-я СД имеет задачу с утра 25.IV.45 г. сбить противника с позиций на восточном берегу Шпрее, захватить мост и занять плацдарм на западном берегу Шпрее.

Мой командный пункт — Силезский вокзал*.

...В тот же вечер Николай Григорьевич испытал потрясение. Казалось бы, после столь жестокой, кровопролитной и беспощадной войны должен был ко всему привыкнуть, а вот поди же ты...

Кто-то из офицеров крикнул: «Товарищ гвардии полковник! Смотрите, что же это делается!»

Николай Григорьевич много лет спустя вспоминал, что увидел: в доме перед вокзалом, на той стороне неширокой площади, в одном из распахнутых окон седьмого этажа шла отчаянная схватка: какой-то немец пытался выбросить женщину, она отчаянно сопротивлялась, что-то кричала, голос был высокий, яростный...

Николай Григорьевич в ту же секунду скомандовал замершим рядом офицерам: «А ну, бегом!». Те кинулись,

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 160260/с, д. 1, л. 66.

но тут немец одолел — женщина, нелепо раскинув руки, понеслась на мостовую, и немец оттуда, с седьмого этажа, прыгнул за ней...

Николай Григорьевич содрогнулся — удара двух тел о мостовую он не услышал, но черно-белое от головы немца ударило в стену...

V

«Тысячелетняя империя» рушилась, огромный трехмиллионный город погибал в огне пожаров. Комендант Берлина генерал Гельмут Вейдлинг все эти дни конца апреля пытался доказывать в бункере фюрера, что нельзя ни переломить ход боев, ни отбросить русских; что долгое сопротивление невозможно.

В ночь на 25 апреля Вейдлинг доложил фюреру: «Не смотря на успешное отражение атак противника на всех участках, линия нашего фронта медленно, но неуклонно оттесняется к центру города». Именно в эти дни подполковник Бэрэнфенгер затеял интригу против генерала Муммерта. Бэрэнфенгер обратился напрямую к доктору Геббельсу, с которым был хорошо знаком еще прежде, когда состоял в руководстве «Гитлерюгенд». Бэрэнфенгер не желал подчиняться генералу Муммерту... Итогом интриги было то, что Муммерта и остатки его танковой дивизии «Мюнхенберг» убрали из секторов «А» и «В» и перебросили в сектор «D». Бэрэнфенгера фюрер из подполковника произвел сразу в генерал-майорский чин — именно с фанатиками из «Группы Бэрэнфенгера» столкнулись солдаты 416-й стрелковой дивизии генерала Сызранова и 35-й минометной бригады Н. Г. Ушакова.

25 апреля 416-я дивизия пробивалась к центру Берлина вдоль восточного берега Шпрее — левофланговый полк выходил к вокзалу Янновицбрюкке, правый фланг дивизии штурмовал дома по правой стороне Хольцмаркштрассе.

Отсюда Шпрее раздваивалась, расходилась на два рукава, обтекая Остров музеев.

Развернуть минометные полки по фронту дивизии Ушаков просто не мог, да и где их развернешь, по мрачным, глубоким дворам-колодцам по-за домами? Он свел все полки в одно место, на перекрестке Хольцмаркштрассе и Лихтенбергерштрассе, выстроил их один за другим. По схеме огней на 26 апреля видно, что впереди стояли дивизионы 114-го полка, за ними, в затылок, у самой реки — 210-й полк, чуть правее его 115-й полк, 131-й полк замыкал построение*.

Эти полторы сотни тяжелых 120-миллиметровых минометов изрыгали непрерывный огонь, прикрывая наши танки и пехоту, накрывая немецкие огневые точки.

По прежним временам Н. Г. Ушаков себе такого бы никак не позволил: все полтораста минометов на крохотном пятачке! По прежним бы временам на такой пятачок — один немецкий воздушный налет, пара-тройка немецких бомб, и нет целой бригады! Но в апреле сорок пятого в Берлине если и была немецкая авиация, то Николай Григорьевич ее просто не видел: в небе непрерывно висели только наши самолеты, и потому Николай Григорьевич немецких бомбежек не боялся.

Немецкие штабы теперь укрывались — если было возможно — на станциях метро; сюда же, в этот ад крошечный, набивались тысячи и тысячи людей: женщины с детьми, старики искали под землей убежище от сокрушительного русского огня.

В эти грозные дни страх берлинцев перед «восточными варварами», перед «ордами большевиков-азиатов» иссяк. Разговоры среди горожан крутились вокруг лозунга доктора Геббельса «Берлин останется немецким!» Берлинцы говорили — жить хотим независимо от того, останется ли Берлин немецким или станет русским. Полетели, понес-

лись слухи, что русские обращаются с населением по-человечески; что раздают жителям хлеб; что кормят из полковых кухонь; что жители Вайсензее и Фридрихсхагена встречали русских с восторгом; 24—25 апреля были отмечены случаи, когда люди, в одиночку и группами, в том числе и женщины с детьми перебежали через линию фронта в кварталы, уже занятые Красной Армией, при этом эсэсовцы открывали по таким группам огонь. Появились случаи вовсе неожиданные: немецкие женщины стали уговаривать молодых солдат дезертировать, при этом обещали помощь, укрывали, одевали в штатское. Эсэсовские заградительные отряды развешивали на балконах и фонарях на грудь мертвецам прикрепляли таблички, написанные четким готическим шрифтом: «Так умрут все изменники родины», «Я сговаривался с большевиками», «Я вишу здесь потому, что не умел пользоваться оружием, данным мне фюрером», «Я вишу потому, что был трусом».

По улицам Берлина расклеивали плакат «Обращение фюрера»: «Знай! Каждый, кто пропагандирует или просто одобряет меры, способные ослабить наше сопротивление, есть предатель. Его следует немедленно расстрелять или повесить».

В течение 26, 27, 28 и 29 апреля в Берлине происходило то, о чем Вейдлинг докладывал фюреру еще в ночь на 25-е: русские медленно, но неуклонно отжимали немецкие войска к правительственному кварталу.

Бэрэнфенгер 26 апреля был вынужден убраться из станции метро Шиллингштрассе, станцию и прилегающий квартал взяли русские, бой придвинулись к Александерплац — тут четыре наших полка, поддержанные танками и артиллерией, штурмовали огромное железобетонное здание Полициейпрезидиума; полки 266-й дивизии ведут бой за Красную ратушу; дивизии 32-го корпуса, оставив справа Александерплац и Красную ратушу, прорвались наконец на Остров музеев — в этих боях солдаты 416-й дивизии

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 160260/с, д. 1, л. 69.

отличились особо, как позже вспоминал член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков, а там, где отличилась пехота 416-й дивизии — там показала себя героически и минометная бригада Н. Г. Ушакова.

Бои шли за огромное четырехэтажное здание дворца императора Вильгельма I, за Берлинский собор, за музеи — их здесь, на Острове, много: Старый музей, за ним Новый, дальше Пергамский, правее его, у берега восточного рукава Шпрее, Национальная галерея, а там, где оба рукава вновь сливаются, огромный Боден-музей с высоченным куполом...

Но после двух первых дней боев в Берлине бригаду Ушакова у 416-й дивизии отобрали: командующий 32-м стрелковым корпусом генерал-лейтенант Жеребин и командующий артиллерией корпуса полковник Куницкий, увидев, с каким мастером массированного огня они имеют дело, решили, что Ушаков со своими минометчиками вполне в состоянии заменить артиллерийское прикрытие пехоты, поскольку пушки в условиях города, его узких улиц и высоких каменных домов не каждую цель могут достать.

Ушаков показал себя наилучшим образом: он мог придвинуть полки к передовым позициям пехоты на самую близкую дистанцию минометного огня, на 500 метров, для стрельбы прямой наводкой; мог накрыть многослойным массированным огнем своих полков любую цель в глубине немецких позиций — батареи в садах, на перекрестках, на площадях; мог достать огневые точки немцев на чердаках, на крутых черепичных крышах. Ушаков, как обычно, высылал в штурмовые группы полковых и дивизионных наблюдателей с рациями, потому ясно видел, что происходит на немецкой стороне и реагировал мгновенно: беспокоящий обстрел чередовал с прицельным огнем дивизионов и батарей по отдельным объектам, накрывал огнем подходящие к позициям резервы, мощным огнем налетом всех пол-

ков бригады прикрывал броски наших штурмовых групп...

При всем при том две вещи удивляли Ушакова: во-первых, перебежавшие к нам немцы с готовностью рассказывали, а иные и на карте указывали, где что у нацистов расположено. Николай Григорьевич очень быстро разобрал, что нацисты — немцы говорили «наци» — это и есть фашисты, те, с кем он воевал, а вот эти немцы — женщины, ребятишки, пожилые мужчины с желтыми инвалидными повязками на рукавах — это просто немцы, население, никакие они не «наци».

Три дня спустя, когда бои в Берлине придвинулись к Бранденбургским воротам, одна молодая немка спасла Ушакова и шофера: они на «виллисе» возвращались из штаба корпуса да по ошибке заскочили в квартал, где еще сидели немцы; их обстреляли сверху — шофер резко завернул в подъезд, переждать. Выскочила немка, молодая, пальтишко распахнуто, на голове чалма из махрового полотенца — руками замахала: «Weg, weg, Herr Oberst, da oben sind Nazis!»

А сверху, куда немка пальцем тычет, грохот солдатских сапог. Дали задний ход, развернулись — и назад. Выскочили на Вильгельмштрассе — тут уже свои...

Вот это отношение к нам немцев и было «во-первых». Во-вторых, по корпусу, как и по всей 5-й ударной, отдан был приказ: без особой, крайней нужды по музеям, храмам, театрам не стрелять, их не рушить...

28 апреля командование двух наших армий — 5-й ударной Н. Э. Берзарина и 3-й ударной В. И. Кузнецова — с двух сторон готовили наступление на Рейхстаг.

35-я бригада Н. Г. Ушакова вошла в корпусную группу, и Ушаков в боевом распоряжении № 0023 указал, что группа должна «...перейти в решительное наступление... к 20 часам 29.04.45 овладеть Рейхстагом...», и далее определил задачу бригады: «подавить живую силу и огневые точки на переднем крае противника, вести огонь на 0,5 км от

переднего края и в ближайшей глубине. Начало артподготовки 11.30 29.04.45. Атака 12.00»*.

К Рейхстагу немцы стянули отборные эсэсовские части, более того, в ночь на 28 апреля выбросили сюда же на парашютах батальон морской пехоты, так что легкой победы ждать не приходилось.

С утра 29 апреля к Рейхстагу вырвались дивизии не 5-й, а 3-й ударной армии: минометные полки Ушакова тем не менее накрыли огнем примыкавший к Рейхстагу парк Тиргартен, где были сосредоточены крупные силы немецкой артиллерии и мотопехоты — налет длился всего 30 минут, затем наши штурмовые батальоны бросились вперед. Однако в само здание Рейхстага удалось ворваться лишь в третьем часу дня, после повторного огневого удара. Дальнейший огонь по Рейхстагу стал невозможен: внутри огромного здания кипели рукопашные бои, нельзя было определить, где в данный момент наши, где немцы...

В ночь на 29 апреля генерал Вейдлинг доложил фюреру, что бои за Берлин завершатся самое позднее через сутки, завершатся полным крахом: к исходу суток должны иссякнуть боеприпасы. Выход Вейдлинг видел все в том же, о чем говорил еще в ночь на 24-е: надо прорываться из города. Фюрер предложение о прорыве теперь принял, было назначено и время выступления: 22 часа 30 апреля. Однако в ту же ночь подготовка к прорыву была приостановлена приказом генерала Кребса...

Дело в том, что Гитлер, как известно, в 15 часов 15 минут 30 апреля покончил с собой. По приказанию нового рейхсканцлера, доктора Геббельса, боевые действия в Берлине были приостановлены. К русским для переговоров о перемирии направляется генерал Кребс.

Кребс вернулся в рейхсканцелярию ни с чем: дать согласие на капитуляцию он полномочий не имел. Потому от командования 1-м Белорусским фронтом последовало в

21 час 30 минут распоряжение по всем армиям, в свою очередь командующий 5-й ударной армией генерал Н. Э. Берзарин отдал приказ по своим корпусам—9-му, 26-му и 32-му—«В ночь с 1 на 2 мая продолжить уничтожение противника. К 2 мая создать свежие штурмовые группы, 2 мая следует предпринять штурм центра Берлина. Артиллерийская подготовка с 10.00 до 10.15. Начало штурма 10 час. 15 мин.»*.

Штаб 35-й минометной бригады, расположившийся той ночью в одном из домов на Нойе Якобштрассе, отдал боевое распоряжение по полкам:

«1. Противник в прежней группировке продолжает оказывать сильное огневое сопротивление...

3. Начало артподготовки в 10.00. Артподготовка 20 минут: 10 минут огонь орудий прямой наводки; 10 минут мощный огневой налет по переднему краю противника.

Расход боеприпасов 0,3 боекомплекта...»**

Это — последнее боевое распоряжение по 35-й гвардейской минометной бригаде Н. Г. Ушакова.

VI

В эти сутки агония сотрясала то, что еще оставалось в Берлине от «Тысячелетней империи» Адольфа Гитлера. Защитники рейха, стиснутые к исходу 1 мая на крохотном пятачке от имперской канцелярии до Рейхстага, от Бранденбургских ворот до Колонны Победы в Тиргартене уже не были организованным войском. Уже не оставалось от некогда грозного вермахта ни армейских корпусов, ни секторов обороны: в водовороте великих потрясений этих суток свежеспеченный генерал Эрих Бэрэнфенгер исчез и позже оказался в советском плену.

* Шеель Клаус. Освобождение Берлина: Сб. док. Берлин, Ферлаг дер Виссеншафтен, 1985. Док. № 141. С. 178.

** ЦАМО СССР, ф 35 ГМБр., оп. 160260/с, д. 1, л. 74.

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 160260/с, д. 1, л. 66.

Корпуса 5-й ударной армии, разгромив, разметав защитников секторов «А» и «В», вырвались с востока к сектору «Z», к самому центру, к «Цитадели».

Утро 2 мая вставало в притихшем Берлине. Ни рева наших штурмовиков в дымном от многодневных пожаров небе, ни орудийного грохота... над городом повисло ожидание...

В 15 часов по остаткам моста через Ландверканал к советским боевым линиям вышел генерал Гельмут Вейдлинг, комендант Берлина, и заявил, что сдается. Ему предложили отдать приказ об общей капитуляции Берлинского гарнизона. Вейдлинг тут же написал: «30 апреля фюрер покончил с собой и таким образом оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые запасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление».

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший комендант округа обороны Берлина»*.

Это был конец.

С наших позиций было видно, как выходили из укрытий, из шахт и тоннелей метро немецкие солдаты; ненужные теперь автоматы, карабины, подсумки с патронами, каски летели в огромные кучи на углах улиц, у входа в станции метро; солдаты строились в огромные колонны — неся впереди белые флаги, медленно двигались к сборным пунктам; к Бранденбургским воротам, куда вышли наконец части 5-й ударной армии генерала Берзарина, в тот день сносили, вели под руки раненых, они лежали на носилках, сидели на развороченном асфальте, на поверженных, расщепленных липах — едва ли кто из них, ожидая

хлеба и воды, вспоминал те блестящие парады, которые так любил проводить здесь фюрер...

По журналу распоряжений 35-й гвардейской минометной бригады Н. Г. Ушакова никакие боевые действия полков за 2 мая не отмечены. Очередное распоряжение по бригаде, подписанное не Ушаковым, а его начальником штаба Мартыненко, датировано 3 мая 1945 г., издано в 13 часов — в этот день штаб находился уже не на Нойе Якобштрассе, а на Лангештрассе. В распоряжении указано:

«1. На основании распоряжения штаба артиллерии 5-й ударной армии № 00226 от 2.V.45 г. частям 35-й бригады сняться с боевых порядков и к 18.00 3.V.45 г. сосредоточиться в районе леса северо-западнее Нойенхагена»*.

В тот же день вездесущие разведчики бригады натолкнулись в Нойенхагене на целый Детский городок, он так и назывался — Детский городок: еще фашистские власти свезли сюда детишек от двух до пяти лет, оставшихся без родителей, их было до двухсот. Теперь старых властей не стало, у нового магистрата для содержания ребятишек ничего нет, ни денег, ни еды, потому ребятишки попросту голодают.

С этим и пришел к Ушакову начальник политотдела бригады, гвардии подполковник Жегалов. Вообще-то человек спокойный, уравновешенный, на этот раз Жегалов был явно взволнован:

— Детишки там совсем голодные, Николай Григорьевич! Что станем делать?

Ушаков еще в дни боев в Берлине видел не раз, не два, как немецкие женщины и подростки, не обращая внимания на артобстрелы, бесстрашно выстраивались в очередь к нашим полковым кухням, как наши кашевары сноровисто выплескивали в подставленные котелки и кастрюли наваристый, горячий борщ; видел, как интенданты раздавали буханки хлеба в протянутые руки изголодавшихся, оглу-

* Чуйков В. И. Конец третьего рейха. М.: Сов. Россия, 1973. С. 289.

* ЦАМО СССР, ф. 35 ГМБр., оп. 160260/с, д. 1, л. 75.

шенных многодневными боями людей... Спросил Жегалова: «Ты сам там был, в Детском городке?»

— Был. Там с ними женщина, не то директор, не то надзиратель, не понял, только нас очень боится, и дети тоже. Запуганные, видно...

— Еще бы им нас не бояться! Не знаешь разве, как Геббельс немцев азиатской ордой страшал?

Словом, Николай Григорьевич рассудил, что дети есть дети, что вины на них, само собой, никакой нет и потому гвардейская бригада должна и обязана взять городок на временное доверие, и солдаты, отделив от себя хлеб, масло и сахар, кормили детей, пока оставались в Нойенхагене.

VII

Из Нойенхагена бригаду — она теперь называлась очень торжественно: 35-я отдельная гвардейская Речицко-Бранденбургская Краснознаменная ордена Богдана Хмельницкого II степени минометная бригада РКК — вскоре же перебросили в гористую, сплошь поросшую лесом Тюрингию, в городок Лангензальца.

Как и должно быть, теперь, когда война завершилась нашей победой и Германия капитулировала, армия переходила на штаты мирного времени, и героическая 35-я гвардейская минометная бригада подлежала расформированию, а личный состав — демобилизации. Однако сам Николай Григорьевич, несмотря на свою инвалидность, желал остаться в строю и своего добился: в сентябре 1945 года он принял 75-ю гвардейскую артиллерийскую бригаду 62-го Неманского корпуса*.

Разумеется, Николай Григорьевич не знал — не мог знать! — что в первые послевоенные дни двигались своими

* ЦАМО СССР, личное дело генерала Н. Г. Ушакова № 0734988, послужной список.

путями два штабных документа, двигались независимо друг от друга и имели они самое непосредственное отношение к только что минувшим боям и к тому, что свершила в этих боях 35-я гвардейская бригада и Николай Григорьевич лично.

Вернусь немного назад.

Командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал В. И. Казаков еще 23 апреля, в разгар боев по окружению группы Бруссе, считая, видимо, дело решенным, вывел 35-ю минометную бригаду Н. Г. Ушакова из подчинения 33-й армии и перебросил ее в Берлин, для огневой поддержки 5-й ударной армии. Однако же дело в том, что командующий 62-м стрелковым корпусом 33-й армии генерал-майор Воробьев, расставаясь с бригадой, проявил и душевную признательность, и благодарность, реально оценив ту роль, которую бригада сыграла в минувших боях, начиная с форсирования Вислы и кончая переправой через Одер.

Воробьев приказал подготовить и представить ему на подпись наградной лист на гвардии полковника Н. Г. Ушакова, и этот лист подписал 27 апреля. Он достаточно большой по объему, но я приведу его почти полностью — он того заслуживает:

«При прорыве противника на Казимежском плацдарме т. Ушаков руководил минометной группой в составе 5 минометных полков на главном направлении прорыва корпуса.

Благодаря четкому планированию огня и хорошей организации управления, минометная группа явилась основным огневым кулаком корпуса, подготовила и обеспечила прорыв обороны противника на всю тактическую глубину, нанесла колоссальнейшие потери в живой силе и технике противника. При бое в глубине и преследовании противника т. Ушаков, несмотря на свою инвалидность — отсутствие руки, — все время находился на передовом наблюдательном пункте, четко управлял огнем бригады, подавлял

отдельные узлы сопротивления и огневые точки, наносил противнику большие потери в живой силе и технике, чем обеспечил быстрое продвижение нашей пехоты от реки Висла до реки Одер, при малых потерях ее...»

Далее в реляции сухим и ясным языком военного документа указано все то, что свершил Николай Григорьевич и его бригада в феврале—марте: и что с пехотой 222-го стрелкового полка и своей бригадой первым в корпусе вырвался к Одери, и что форсировал его с ходу, и что во время месячных боев на плацдарме у Кунитца прикрыл свою пехоту, не дал сбросить ее обратно в Одер.

Командующий 62-м корпусом гвардии генерал-майор Воробьев высоко оценил подвиг Н. Г. Ушакова, так высоко, как мог: посчитал, что Николай Григорьевич «за проявленное мужество и отвагу достоин присвоения звания Героя Советского Союза»*.

Командующий артиллерией 33-й армии генерал-лейтенант Бодров 28 апреля реляцию подписал — «Достоин», еще два дня спустя подписи поставили командующий армией генерал-полковник В. Д. Цветаев и член военного совета армии генерал-майор Бабийчук, и представление ушло в штаб В. И. Казакова, командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта.

Одновременно и командование 5-й ударной армии нашло, что бригада Н. Г. Ушакова и сам он весьма отличились: в представленном наградном листе указано, что Н. Г. Ушаков «Массированным огнем бригады, отражая яростные контратаки противника, прикрыл левый фланг центральной группы войск, чем способствовал взятию города Франкфурта и выходу к Берлину»**.

Что до боев в самом Берлине, то составлявший эту реляцию командующий артиллерией корпуса полковник Куницкий отметил именно то, что давно стало свойством

* ЦАМО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 49, л. 128.

** ЦАМО СССР, личное дело генерала Н. Г. Ушакова № 0734988.

Николая Григорьевича, его видением своей роли на этой небывало тяжелой войне: руководство огнем всех четырех полков он держал в своих руках: «Т. Ушаков, управляя частями бригады, массированным огнем минометов нанес большие потери противнику, чем обеспечил выполнение поставленных корпусу задач с малыми потерями». Полковник Куницкий посчитал, что Н. Г. Ушаков за берлинские бои достоин правительственной награды — ордена Ленина.

Эта реляция так же прошла все надлежащие ступени: 16 мая 1945 года ее подписал генерал-полковник Н. Э. Берзарин, и она ушла в штаб В. И. Казакова.

Начальнику артиллерии фронта В. И. Казакову оставалось только развести руками: сразу две армии, 33-я и 5-я ударная, независимо друг от друга представили к награде одного и того же офицера! И неизбежно вспомнился далекий декабрь 1943 года, когда он, Казаков, командовал артиллерией только что созданного Белорусского фронта, и начальник отдела кадров, полковник Миляховский пришел к нему советовать: прибыл из Москвы с предписанием от командующего артиллерией РККА полковник, а в предписании так написано, что Миляховский и не сразу разобрал, какая тут закавыка: требовалось доложить в Москву, на какую должность будет допущен присланный полковник. Допущен... Почему именно «допущен»? Словно бы не везде мог служить, требовалось еще какое-то «допущение»... Когда же явился пред очи Казакова вызванный к нему полковник, стал как положено и доложил твердо, и в волевом, значительном лице не было ни просительности, ни сомнения, а пустой рукав кителя весь, от плеча, лежал ровно, при повороте полковника чуть отлетел от полы кителя — Казаков вспомнил! Этого полковника Казаков знал по боям на Курской дуге.

Да, Ушакова генерал помнил, и потому из штаба артиллерии фронта Ушаков уехал с предписанием — «убыть на должность командира 35-й гвардейской Речицкой мино-

метной бригады РГК», время прибытия к месту службы Казаков собственноручно проставил «19» декабря 1943 года и подпись поставил, совершенно уверенный, что этот человек не подведет, воевать будет храбро и бригадой командовать грамотно и честно. Усомнившемуся было Миляховскому,— когда Ушаков вышел,— сказал: «Все бы так знали свое дело, как этот безрукий, и все бы так свое дело исполняли!»

По характеру пунктуальный, даже дотошный, генерал Казаков не выпускал в эти месяцы из виду Речицкую минометную бригаду и ее командира.

Казаков, конечно же, знал, как дрались минометчики врукопашную с немцами, но не выпустили, не дали им вырваться из Бобруйского котла; знал, как в августе 1944 года держали плацдарм на Висле...

Знал Казаков и о том, как с началом наступления действовала 35-я бригада, каким разумным офицером показал себя Ушаков: договорился с командующим корпусом и с его согласия собрал воедино все минометы пехотных частей, создал при себе еще один минометный полк — массивным огнем пяти полков проломил, вспорол немецкую оборону, и покатались немцы от Вислы до самого Одера — за 21 день нашего непрерывного наступления нигде, ни на одной из семи линий обороны практически не зацепились, не удержались, не смогли...

Теперь, когда все бои остались позади, когда надо было решать, какой наградой увенчать все то, что свершил Николай Григорьевич, Казаков — при всем его уважении к мнению Н. Э. Берзарина! — все же отложил реляцию 5-й ударной армии и не колеблясь подписал представление на звание Героя Советского Союза.

Указ Президиума Верховного Совета последовал необычайно быстро — 31 мая 1945 года, а две недели спустя Николай Григорьевич Ушаков принял левой своей рукой Золотую звезду; чествование прошло по всем четырем полкам поочередно, чтобы никого не обидеть...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До лета 1946 года Н. Г. Ушаков оставался в Восточной Германии, он так и командовал 75-й гвардейской артбригадой 62-го стрелкового корпуса, затем часть бригады расформировали, а то, что от нее оставалось, Ушакову приказано было сдать и прибыть к новому месту службы: теперь его назначили заместителем командира 43-й гвардейской армейской пушечной бригады.

Зам. командира бригады — и на это явное понижение Николай Григорьевич был согласен, ибо понимал: идет сокращение армии до штатов мирного времени, очень многие сейчас окажутся не у дел, в том числе и старшие командиры, так что отказ занять эту должность мог означать увольнение, а вне армии Николай Григорьевич себе жизни не представлял. У него, безрукого, были силы, чтобы и в наступившие мирные дни оставаться на строевой службе.

В июле 1948 года командующий артиллерией группы советских войск в Германии генерал-полковник В. И. Казаков снова сделал перестановку: командиром бригады назначил Николая Григорьевича, прежний командир убыл. Расстались они по-товарищески, Ушаков ради этого перемещения ничего не предпринимал, своего шефа не подсиживал, о чем уезжавший знал точно. Но месяц спустя Николай Григорьевич впервые ощутил, что строевая нагрузка стала для него слишком тяжелой.

Это был первый сигнал: мучили бессонница, головные

боли, которые ничем нельзя было унять. Потом он стал задыхаться при быстрой ходьбе... Трудно, очень трудно стало везде поспевать, не хватало сил. И как человек совестливый и честный, цепляться за должность, скрывать свое состояние от начальства не стал, посчитал для себя невозможным. Он подал рапорт и попросил его перевести на более легкую службу, в систему Главного артиллерийского управления.

Вопрос о нем решил очень быстро: в сентябре Николай Григорьевич с женой и дочерью выехали из Восточной Германии—Ушакову дали назначение на военную базу № 1444, в Ленинградскую область. Теперь Ушаков стал вникать в сравнительно новое для себя дело: что такое артиллерийская база. Прежде он имел дело со снарядами для орудий и с минами разных типов: фугасными, осколочными, зажигательными. Теперь пришлось вникать в устройство и правила хранения, весьма жесткие, еще и многого иного: пулеметных патронов и ручных гранат, всякого вида авиационных бомб, морских мин и торпед, реактивных снарядов и мин противопехотных и противотанковых... Словом, теперь он должен был ведать всем тем, что способно убить, взорвать, сжечь—на земле, на воде, под водой, в воздухе.

Работа оказалась неожиданно интересной, и Николай Григорьевич, освоившись с ней весьма быстро, начал новый этап своей военной жизни.

Он командовал армейскими базами и арсеналами то в Приволжском военном округе, то в Киевском; вскоре после провозглашения Китайской Народной Республики к нему прислали группу китайских артиллеристов, и он учил их, как своих: уезжая, они оставили теплое благодарственное письмо—написали по-русски на красивой, с цветами, бумаге.

18 февраля 1958 года Совет Министров СССР постановлением № 186 присвоил Николаю Григорьевичу звание генерал-майора артиллерии. Два дня спустя он получил

письмо: «Николай Григорьевич! Сердечно поздравляем Вас с присвоением воинского звания «генерал-майор артиллерии». Выражаем уверенность, что Вы с еще большей энергией будете работать на благо нашей Великой Родины».

Текст был стандартный, для Николая Григорьевича важны были не эти лишённые человеческих эмоций слова (видно, тот, кто в ГАУ, Главном артиллерийском управлении, готовил это письмо, человеческих теплых слов не нашёл), а то, что среди подписавших его были два человека, уважение которых было для Николая Григорьевича бесценно дорого. Здесь значились подписи Георгия Спиридоновича Кариофилли, генерал-полковника, в войну командующего артиллерией 4-го Украинского фронта, и маршала артиллерии Василия Ивановича Казакова, теперь командующего артиллерией Советской Армии...*

В конце 1961 года здоровье Николая Григорьевича начало ощутимо сдавать: снова обрушились головные боли, что-то странное творилось с руками: болела и левая, и правая, которой не было. Николай Григорьевич понял: второй звонок. Пора на покой.

В феврале 1962 года генерал Ушаков оставил службу, ушел в отставку, вскоре же перебрался из Киева в Москву. Он в меру сил работал в Комитете инвалидов войны, и в июне 1965 года ему предложили побывать в Польше с делегацией ветеранов. Делегация была совсем маленькая, всего-то три человека: кроме самого Николая Григорьевича известный по боям за Смоленск в 1941 году генерал Михаил Федорович Лукин, командовавший тогда армией, и партизанка из армии Ковпака старшина Зинаида Самохвалова. В те времена в Польше еще чтит память о героизме 600 тысяч советских воинов, отдавших жизни ради вызволения поляков из гитлеровского рабства, ни могил, ни памятников советских солдат не рушили и не осквер-

* В том же 1958 г. маршал артиллерии В. И. Казаков стал начальником войск ПВО Советской Армии.

няли, и Николай Григорьевич поехал в Польшу, благодарный за приглашение, за возможность еще раз увидеть и места боев, и братские могилы своих солдат.

Делегацию в Польше приняли с открытым сердцем, показали, как восстанавливается блестящая Варшава, свозили в Гданьск и на Вислинский плацдарм.

Министр обороны Польши, маршал Спыхальский вручил каждому наградной знак «Братство по оружию», корреспонденция и фотоснимок об этом празднично-торжественном событии напечатала армейская газета «Жолнеж вольности».

В последние годы жизни Николай Григорьевич, словно предчувствуя приближение смерти, много и охотно встречался с людьми на заводах, со старшеклассниками, допризывниками; он рассказывал о Сталинграде, о боях на Висле и на Одере, о штурме Берлина, он говорил о героизме тех, кто разгромил фашизм.

Потом пришел 1968 год, и для Николая Григорьевича прозвенел третий колокол: отнялась левая рука, отказали ноги, он стал недвижим. Елизавета Тимофеевна ухаживала за ним преданно и беззаветно. Никто из них не роптал ни на судьбу, ни на прошедшую жизнь: оба знали, что прожили ее достойно.

Сердце Николая Григорьевича остановилось 9 августа 1968 года.

*Подольск — Москва — Кемерово
1986—1990 гг.*

ОТ АВТОРА

Согласитесь, не часто так бывает, чтобы выросли в одной семье два брата, и оба стали генералами — именно это меня прежде всего поразило, когда я в Новокузнецком краеведческом музее много лет назад увидел стенд, посвященный братьям Евгению и Николаю Ушаковым.

Потом был долгий путь к книге: работа в Подольске, в Центральном архиве Министерства обороны СССР, была обширная переписка с В. М. Столяровым, председателем Совета ветеранов 35-й гвардейской минометной бригады; переписка с Музеем Группы войск в Германии; было и доброе знакомство со Светланой Николаевной, дочерью Н. Г. Ушакова, бережно сберегающей документы, фотоснимки и фронтовые письма отца...

Когда материал будущей книги начал уже выстраиваться, газета «Кузбасс» опубликовала мое письмо: я просил откликнуться тех наших земляков, которые воевали в 35-й минометной бригаде и были награждены — сведения о них я отыскал в Подольске, в архиве.

Пришли письма, два из которых приведу:

«Я, Ирина С. Минаева, сестра Дмитрия С. Романова, сообщаю, что наша семья была большая, четыре брата и три сестры. Дмитрий в семье был младшим и жил с мамой в селе Валерьяновка Тяжинского района. И из села был взят в армию. Мама похоронку получила, а про награды я ничего не знаю, получила она их или нет, я жила со своей семьей в Комсомольске. Братья с фронта не вернулись, сестры и мама умерли, и вот я только одна. Мне 72 года. Я живу с младшим сыном в городе Шелехове.

У меня сохранилась от мамы фотокарточка Дмитрия, он в центре своих фронтовых друзей, а кто они, я не знаю...»

Откликнулся и живущий в г. Ленинск-Кузнецкий бывший гвардии сержант А. Т. Будюков — оказалось, что перед последним наступлением на Берлин его назначили командиром взвода управления 4-й батареи 115-го минометного полка (должность офицерская!). Свой последний бой он описывает так:

«Наша батарея поддерживала батальон капитана Субботина... Вместе с Субботиным и его батальоном продвигался и я с разведчиками. Под сильным... огнем противника батальон залег. Я для обнаружения огневых точек противника залез на чердак одного из крайних домов, стал... корректировать огонь нашей батареи. Через некоторое время начался сильный огневой налет противника... я на своем наблюдательном пункте был ранен в голову, и для меня война закончилась...»

Как выяснилось, А. Т. Будюков не знал, что уже много лет существует Совет ветеранов бригады, что солдаты и офицеры бригады ежегодно 9 мая собираются, но посетовал: тяжело ехать в Орел, на очередную встречу...

Очень мне хотелось найти того чудо-хирурга, ту женщину, которая оперировала Н. Г. Ушакова под Тросной в 1943 году. Из архивных документов я знал, что ампутация правой руки проведена в 85-м фронтовом госпитале.

На мой запрос в Ленинград, в военно-медицинский музей Министерства обороны СССР пришел ответ — да, 85-й корпусной полевой госпиталь Центрального, затем Белорусского фронта располагался в июне-ноябре 1943 года в с. Барбинка и с. Михайловка Курской области, однако никаких сведений об Ушакове Н. Г. в сохранившихся документах госпиталя нет, потому и невозможно установить, кто именно его оперировал. Осталась в семье лишь память о том, что была такая женщина-хирург, вернувшая Николая Григорьевича к жизни, только нет у меня надежды отыскать ее. Да и жива ли она — Бог весть...

По первоначальному замыслу я хотел в одной книге рассказать о судьбе обоих братьев, прослеживая, что происходило с тем и другим в одно и то же время. Однако первые же главы, написанные мной, убедили меня, что этот путь ошибочен: слишком много событий про-

исходило в жизни братьев, слишком далеко служили они друг от друга, слишком редко соприкасались — связать все это в один узел сюжетной линией оказалось невозможно.

Оба они — Евгений и Николай Ушаковы — оказались наделены от природы воинскими талантами, волей, недюжинным разумом. Если у Николая всей артиллерийской учебы в Томском училище в далекие двадцатые годы хватило на целую войну, то и Евгению хватило на ту же войну двухгодичных курсов «Выстрел» в Москве — это были те самые курсы, на которых в разные годы проходили переподготовку такие военачальники, как А. М. Василевский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, П. И. Батов, Е. Г. Ушаков учился здесь в 1929—1930 годах.

Правда, если трагедия 1937-38 годов обошла стороной Николая Григорьевича, то в жизни Евгения Григорьевича этот период едва не оказался роковым: сначала его отстранили от командования батальоном, сделали начальником военно-хозяйственного снабжения полка, а в августе 1937 г. из армии уволили вовсе.

Жить вне строя, вне армии Евгений Григорьевич не мог, это было выше его сил, и он стал по вольному найму начальником транспортного отдела Бобруйского военторга...

Первый день войны застал его в Сморгони.

Он мог эвакуироваться, он больше не состоял в кадрах РККА, мобилизационной повестки он не получил. Евгений Григорьевич, не предвидя для себя в будущем никаких злоключений, сделал то единственное, что мог и должен был сделать по своему разуму и характеру: велел жене взять двух малолетних ребятшек и немедленно ехать в Минск, сам явился в ближайший полк — это был 50-й стрелковый полк.

Ни о каких должностях для себя Евгений Григорьевич не хлопотал, готов был воевать в любом качестве — в тот же день он стал начальником штаба этого полка.

В августе 1941 года, в самый разгар боев за Смоленск, он принял командование 508-м полком знаменитой 174-й стрелковой дивизии, той самой, которая в 1942 году одной из первых в Красной армии преобразована была за проявленный героизм в 57-ю гвардейскую...

Однако о судьбе Евгения Григорьевича Ушакова — в следующей книге.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кузнецкий Форштадт	5
Артиллерия — Бог войны	19
«Вставай, страна огромная...»	31
Сталинград	48
Курская дуга	66
Бригада—гвардейская, Речицкая, минометная	81
Операция «Багратион»	101
«За вашу и нашу свободу»	127
Между Вислой и Одером	146
На Берлин!	164
Послесловие	199
От автора	203

Рудин Виль

Р 83 Солдат божьей милостью.—Кемеровское кн. изд-во,
1991 г.—206 с., ил.

ISBN 5—7550—0208—8

Документальное повествование о жизненном пути Героя Со-
ветского Союза Н. Г. Ушакова.

Р $\frac{0503020500-04}{М 145 (03)-91}$ 91

ББК 63.3(2) 722.78

Массово-политическое издание

Рудин Виль Григорьевич

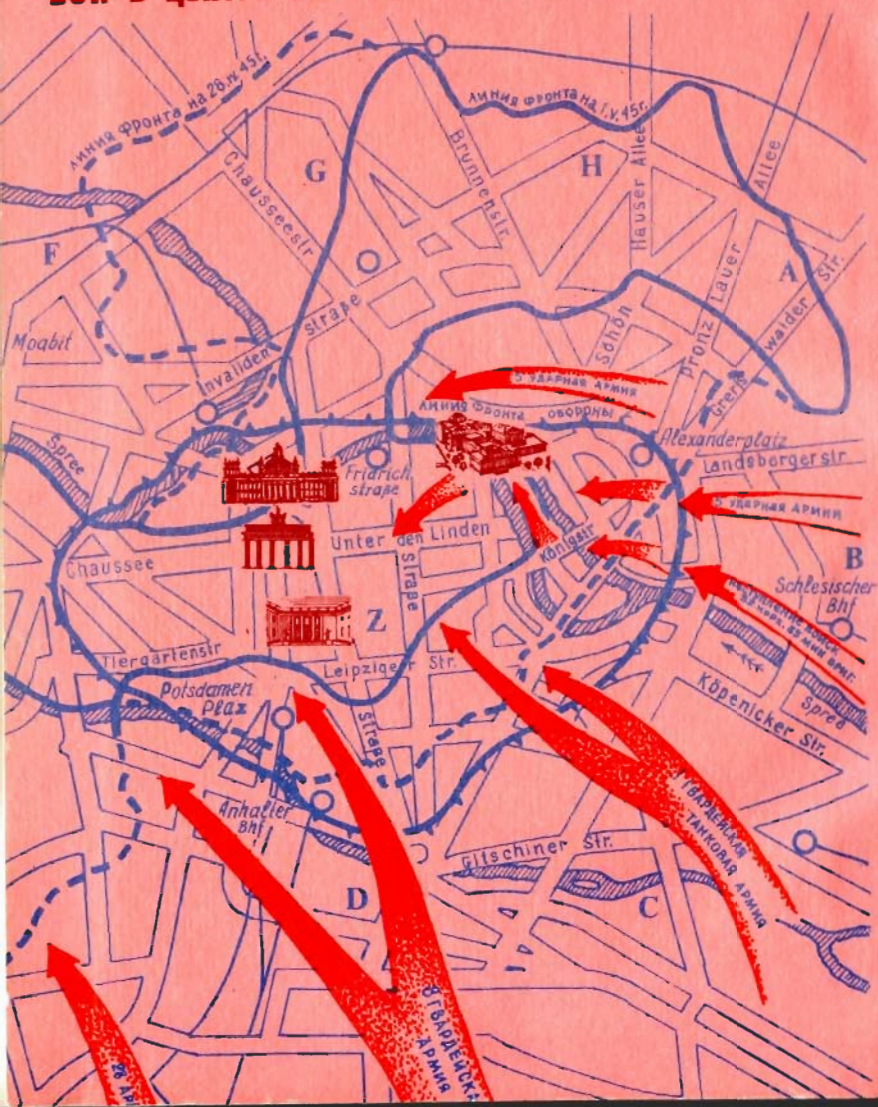
СОЛДАТ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

Ведущий редактор Э. П. Дубровская
Художник В. П. Кравчук
Технический редактор Г. Н. Манохина
Корректор С. А. Мазаева

ИБ № 1562

Сдано в набор 10.12.90. Подписано к печати 2.04.91. Формат 70X108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,1+0,35 вкл. усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 11,03. Уч.-изд. л. 9,89. Тираж 3000 экз. Заказ № 4928. Цена 1 р. 80 к. Кемеровское книжное издательство. Кемеровский полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Поградская, 5.

БОИ В ЦЕНТРЕ БЕРЛИНА ★ с 28.4. по 2.5.1945г.★

★ БОИ НА ОДЕРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

